Татьяна Полетаева

Охота на Химеру

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Удачливый хакер решил стрясти с компании денег или за этим стоит нечто иное? Неудачный эксперимент, смерть известного ученого и студент, обнаруживающий все больше странностей вокруг себя – что между ними общего? И где проходит грань между человеком и нечеловеком?

-
- Глава 1.
- Глава 2.
- Глава 3.
- Глава 4.
- Глава 5.
- Глава 6.
- Глава 7.
- Глава 8.
- Глава 9.
- Глава 10.
- Глава 11.
- Глава 12.
- Глава 13.
- Глава 14.
- Глава 15.
- Глава 16.
- Глава 17.
- Глава 18.
- Глава 19.
- Глава 20.
- Глава 21.

Посвящается моему отцу, Полетаеву Роберту Алексеевичу, с любовью и благодарностью.

Глава 1.

Столица, главный офис компании «Аэда», 12 августа. Марк

Марк смотрел на своего начальника, прикидывая, в чем же он успел провиниться. Ничего такого вспомнить он не мог. Но мрачное лицо босса не оставляло сомнения, что речь идет о проблемах… О больших проблемах, к которым он как-то умудрился оказаться причастным. Он быстро обдумал все недавние события, произошедшие в Компании, и не нашел никакой зацепки. Марк молчал, успев за годы службы изучить характер своего начальника и понимая, что говорить сейчас ничего не стоит, поскольку это принесет только вред. Вместо этого он некоторое время спокойно рассматривал затылок Андрея Васильевича, делающего вид, что изучает какие-то бумаги, после чего перевел взгляд на обстановку кабинета.

Надо сказать, не зря на отделку выкинули такие деньги. Кабинет, расположенный на последнем этаже 12-этажного здания, выглядел так, что вполне стоил всех затраченных на него средств. Массивный стол у огромного панорамного окна, шикарный ковер на полу и огромный аквариум, в который была превращена одна из стен. Аквариум ему нравился больше всего – прекрасная живая картина, заставляющая думать о том, что в мире есть вещи и кроме каменных зданий и смога, который заполнял город летом. Но отвлечься он себе не позволил – сейчас нужно было понять, что же творится.

Андрей Васильевич поднял на него глаза и несколько мгновений бесстрастно рассматривал. Эту его привычку Марк тоже хорошо знал – и она обозначала только то, что босс готов перейти к делу.

– Сегодня ночью хакер взломал нашу систему безопасности и получил доступ к защищенным файлам. А именно, к проекту «Феникс».

Марк почувствовал, как перехватило дыхание, и приложил все усилия, чтобы на его лице ничего не отразилось. Только этого не хватало! Проект сулил Компании огромные деньги, а то, что кто-то теперь обладал такими сведениями, ставило все под угрозу.

– Я полагал, что это невозможно технически, – медленно проговорил он, не отводя взгляда от лица начальника. – Как ваш заместитель я ознакомлен с принятыми мерами безопасности. Как ему это удалось? Обойти защиту, проникнуть в систему?

– Вот и разберись, – Взгляд босса на несколько мгновений задержался на нем. – Разберись, накажи виноватых и сделай все

возможное для спасения проекта. В полномочиях я тебя не ограничиваю. Все.

Марк вышел из кабинета и остановился на несколько секунд. Что в случае провала шеф будет весьма и весьма недоволен, подразумевалось само собой. Но чтобы действовать, информации было пока маловато. Поэтому первым делом следовало узнать как можно больше.

Он направился прямо к начальнику компьютерного отдела. Вадим был парнем тертым, в своем деле прекрасно разбирался и служил Компании много лет. Почти столько же, сколько сам Марк. Но доверять нельзя никому, никогда – он прекрасно понимал, что большие деньги остаются соблазном и для самых верных.

Вадим встретил его понимающим взглядом и быстрым движением протер очки. Он всегда выглядел словно немного взъерошенным, несмотря на то, что в целом придраться к его внешности или одежде было сложно. Правда, в костюме его тоже никто никогда не видел – Марк мысленно усмехнулся. Нормальной одеждой, в понимании Вадима, были джинсы и легкая рубашка. Или свитер – в зависимости от времени года. Марк на несколько секунд с завистью задумался, каким характером надо обладать, чтобы совершенно спокойно наплевать на мнение окружающих и ходить в том, что считаешь удобным. В глубине души он понимал, что Вадим совершенно спокойно мог заявиться на работу в чем угодно – хоть в шортах и футболке – и это сошло бы ему с рук.

Его кабинет был маленьким, и большую его часть занимал стол с компьютером. На втором стуле, стоящем у стены, были навалены какие-то бумаги, поэтому Марк с легким недовольством остался стоять. Единственное, что здесь приковывало внимание кроме компьютера, это небольшой столик в углу и навороченная кофеварка на нем – Вадим не мог жить без кофе. И грязные кофейные чашки в количестве не менее десятка, загромождающие подоконник и место у монитора. Сама обстановка кабинета Вадима волновала не сильно – лишь бы сама машина удовлетворяла его запросам. Марк знал, что Компания выделяет неплохие суммы на ежемесячное обновление этого монстра – но это было действительно небольшой платой, учитывая, сколько денег Вадим экономил. Много, очень много. Защиту системы он тоже разрабатывал сам и пока взломать ее никто не мог. До сегодняшнего дня.

– Можешь не рассказывать, зачем пришел, – Вадим еще раз протер очки и уселся обратно за компьютер. – Я обнаружил утром произошедшее и сразу доложил боссу. Он приказал, чтобы, кроме

тебя и меня, пока никто не знал о случившемся.

– Подробности.

Марк немного подумал, потом сгреб бумаги со стула и навалил их на системник, освобождая себе место, с облегчением уселся и посмотрел на Вадима, пытаясь понять, может ли он быть замешанным во взломе. Но сначала следовало выслушать. Выводы можно сделать и потом.

– Никаких следов взлома… Что очень странно, – Вадим ткнул пальцем в экран. – Я сам планировал защиту, и, чтобы вскрыть ее, нужно быть гением. А вскрыть и не засветиться вообще невозможно… Во всяком случае, я так думал раньше.

Марк слушал очень внимательно. За все годы работы с Вадимом Компания действительно не имела проблем с хакерами. Почти не имела – попытки взлома бывали неоднократно, но еще никому не удавалось пробиться.

– Если бы хакер не оставил визитной карточки, мы вообще бы не знали, что нас взломали, – в голосе Вадима прозвучала горечь пополам с восхищением.

– Визитной карточки? – Марку показалось, что он ослышался.

– Смотри. Вот это, – Вадим ткнул пальцем в экран, в углу которого порхала крохотная голубая бабочка. – Простенькая программка. Своеобразная визитная карточка. Я слышал о таком, но пока не сталкивался.

– Зачем показывать, что тут кто-то побывал? Оставлять отметку? Ведь без нее мы бы не поняли, что нас взломали, верно?

– Абсолютно. Этот тип либо чересчур самоуверен, либо до безумия тщеславен. Либо хотел нам показать, что в курсе всех наших дел. Выбирай сам, какой вариант тебе больше нравится.

– Мне не нравится ни один. Что ты имел в виду, когда говорил, что сталкивался с таким?

Вадим опять протер очки и медленно проговорил.

– Последнее время ходят слухи о новом хакере. Очень удачливом и талантливом. Его прозвали Баттерфляй – именно потому, что на месте взлома он оставляет такие визитки. И больше никаких следов.

Значит, след все-таки был. Если верить Вадиму.

– А поподробнее?

– А вот с подробностями сложно. Дело в том, что никто ничего толком не знает. Своими победами он не хвастает, это точно. Просто время от времени защищенные сайты оказываются взломанными, причем никто не может понять, как… а по экрану порхает бабочка.

– И его до сих пор никто не выследил?

– В том то и дело… У нас он должен был засветиться не

менее трех раз… Каким бы умником ни был. И, тем не менее – никаких следов. Я даже теоретически не могу понять, как ему это удалось. Нет, этот парень гений и даже больше.

– Нам надо заловить этого гения, и как можно скорее. Есть идеи?

– Выследить его через сеть невозможно. Во всяком случае с тем, что мы сейчас имеем. И если хочешь поймать гения, ты должен придумать что-то не менее гениальное.

Марк думал. Гением он себя не считал. Но упорства ему было не занимать. Вот только времени оставалось мало… Но кое-что сделать было можно.

– Подними все свои связи. Собери всю информацию, какую сможешь, – Марк смотрел в угол экрана, а маленькая голубая бабочка продолжала насмешливо порхать. – Мы должны знать как можно больше. Пока еще не поздно…

Вадим молча кивнул и приступил к работе. Ни один из них даже не подозревал, что они уже опоздали.

* * *

.

За четыре месяца до этого. Екатерина Дымова. Воспоминания.

В первый раз умирать было легко. И совсем не страшно. Моя первая смерть… Глупость несусветная. Ну кто мог подумать, что дура медсестра перед операцией вколет мне что-то, что мой организм сочтет совершенно неприемлемым? То, что я страдала аллергией на целый список лекарств, было, разумеется, отражено в моей карточке, да и врач об этом прекрасно знал. Но ведь прочитать об этом самоуверенной девчонке было лень, или просто она мало что поняла из написанного. А я умерла очень быстро – анафилактический шок. Внезапно просто не смогла дышать, а потом остановилось сердце. Нет, страшно мне не было – я вообще ничего не чувствовала. Даже безразличие не совсем то слово, которое можно употребить. Для меня не появились никакие туннели со светом в конце – просто я вдруг на мгновение увидела все как бы со стороны. Операционную, залитую ярким светом, суетящихся вокруг врачей, саму себя с невероятно бледным лицом и закрытыми глазами… И полнейшая тишина, как будто я мгновенно оглохла… Было ли это галлюцинацией? Вполне возможно. Что было после, я не знала – память не сохранила других моментов. Потом хирург сказал, что меня откачали только потому, что я лежала на операционном столе. Сорок пять секунд клинической смерти. Врач тогда перепугался сильно, очень сильно. Когда я пришла в себя в реанимации, от меня не отходили ни на минуту. Впрочем, все это сложилось в картинку гораздо позже и из отдельных кусочков. Я все-таки умудрилась выжить тогда – но пережитое оставило свой след.

Что-то во мне умерло – какая-то часть меня, которую я не осознавала. Просто я поняла, что стала другой. Более равнодушной… Хотя нет, это было не равнодушие. Просто я утратила что-то… Трудноуловимое.

Воспоминаний о том времени сохранилось совсем немного. Помню, что больше не могла писать стихи… Меня больше не радовали длительные прогулки… И я стала бояться неба. Раньше я могла идти, мечтая и смотря в голубую высь. Я любила гулять часами по парку, рассматривая окружающее – зелень, фонтаны, играющих детей, все время меняющие свою форму облака… Все это оказалось утраченным. Когда я смотрела вверх, я видела бездну, в которую, казалось, так легко соскользнуть. Гуляя одна, я испытывала абсолютно необъяснимый страх – мне все время казалось, что я совершенно беззащитна. Наверно, тогда у меня развилось что-то вроде психоза, но врачей я тоже стала бояться и все чаще предпочитала молчать.

Мне стали сниться кошмары. В своих снах я каждый раз умирала… И просыпаясь среди ночи, долго не могла уснуть. Смерть во сне была страшной… И долгой… И каждый раз новой. Это выматывало больше всего – мучительный страх человека, который понимает, что умирает. Не знаю, почему сны стали такими яркими, но я прекрасно помнила их… Со всеми мучительными подробностями. Я вообще стала бояться ночи – даже не самой ночи, а времени, когда предстояло лечь спать. Все дольше и дольше оттягивала время, когда надо ложится в постель, – слишком силен стал во мне страх. И едва не довела себя до бессонницы.

Никогда не любила пить лекарства, но в тот момент выхода у меня не было – иначе я бы просто сошла с ума. Я стала пить снотворное… И теперь на время сна просто проваливалась в глубокую черную пропасть. Через несколько дней я смогла заснуть сама – и кошмары на время отступили. Но спустя несколько месяцев они стали вновь сниться с пугающей регулярностью. Обычно они длились несколько дней подряд, после чего я впадала в мрачное состояние, являющееся предвестником депрессии… Но потом сны снова становились легкими и незапоминающимися, и я понемногу отходила.

Воспоминания, воспоминания… Тот год почти выпал из моей памяти. Помню, что стала обладать завидным равнодушием к еде и сильно похудела. Помню, что под глазами вечно были темные круги, которые я не могла скрыть никакой косметикой, и поэтому просто махнула на них рукой. Помню, что старалась загружать себя любой работой – лишь бы оставалось поменьше времени… Свободного времени.

Тот период вспоминается мне бессмысленными метаниями. Я хваталась за кучу дел и ничего не могла довести до конца. И чувствовала себя соответственно. Бестолковой, беспомощной… Впрочем, тогда я вполне заслуживала эти эпитеты. Но в тот момент меня сильно выручали ответственность и методичность – несмотря ни на что, на работе мной оставались довольны. Но дома все валилось из рук.

Больше всего я стала бояться времени, когда работа оказывалась выполнена и в пустой квартире становилось тихо. В этот момент я сама себе начинала казаться призраком, которого не существует на самом деле. Каждый посторонний шум заставлял меня вздрагивать. Сначала я включала телевизор, но от новостей меня корежило, шоу казались верхом идиотизма, а сериалы просто раздражали. Фильмы смотреть я тоже не могла – сцены убийств, драк, любые проявления насилия стали вызывать у меня стойкую неприязнь.

Я всегда любила читать – это позволяло на время переноситься в мир, которого не существовало. Стать частью чего-то нового, неизведанного. На время отрешиться от всех проблем. Любовь к книгам я сохранила… И это меня сильно поддерживало.

Друзья… Их у меня и так было немного, но в тот год я утратила связь почти со всеми. Потому что не могла им объяснить, насколько я изменилась. Они и сейчас видели меня прежней. А я стала совсем иной. И к тому же более проницательной, что ли… Во многом чувствовала фальшь, и, кроме того, теперь я могла легко понять человека, побеседовав с ним совсем чуть-чуть. Понять, какой он: эмоции, стремления, ход мыслей… Это пугало и завораживало. И лишило последних друзей. Я просто самоустранилась, перестала поддерживать с ними связь, ушла в книги и Интернет…

Интернет стал для меня невероятным благом – убежищем, в которое я убегала вечерами, защитой от тоски и страхов. Я была в нем призраком среди призраков – не признавая никаких обязательств, я уходила из реального мира в мечты. Несколько часов в день быть собой и одновременно кем-то совсем другим. Отдушина от страхов и неуверенности. Общение с людьми, которые никогда не знали меня прежнюю – только такую, какой я стала.

Я не помню, когда все закончилось. Вернее, когда моя жизнь внезапно круто изменилась. Сначала у меня появился друг – хотя раньше я бы никогда не поверила, что можно считать другом человека, которого никогда не видела. А с другой стороны, он был таким же призраком, как и я, – я могла рассказать ему все и

знать, что он поможет – сочувствием, пониманием или советом. То, что нас разделали тысячи километров и я никогда его не увижу, было только к лучшему – позволяло быть собой, именно такой, какой я себя чувствовала.

Почему мы так легко с ним сошлись? Хотя на самом деле это заняло довольно много времени. Как и я, он легко понимал людей. Как и я, он отгораживался от остального мира маской, никого не подпуская близко… Кроме очень и очень немногих. Он часто лучше меня понимал то, что двигало мной, – и именно благодаря ему я стала все сильнее примиряться с реальным миром. Становиться почти нормальной.

А потом появилась новая интересная работа. Проект «Химера» …

* * *

Торесков, 14 августа. Виктор

Виктор молча шел через парк, время от времени бросая мрачный взгляд по сторонам. Хотя для такого мрачного настроения причин вроде не было. Последний месяц дела шли неплохо, можно даже сказать, на удивление хорошо. Правда, каникулы в университете подходили к концу, впереди был пятый курс, но его это не тревожило – он уверенно шел на красный диплом. Терпения ему было не занимать – впрочем, знания тоже давались ему легко. Так что же его тревожило последний месяц? Странное, непонятное чувство. Он привык анализировать свои эмоции и теперь не мог понять, в чем же дело.

Что изменилось за последний месяц? Ссоры с родителями? Они возникали и раньше – им не сильно нравилось, что большую часть своего времени он проводит за компом… С Ларисой отношения были нормальными – хотя его порой и раздражало ее поведение. А с другой стороны, с девушкой ему повезло – Лариса его любила, общаться с ней было легко и приятно, вот только… Только одиночество его тоже манило время от времени.

Работа? Она была несложной, и он вполне справлялся со своими обязанностями. Компьютер он знал хорошо, а посидеть в день пару часов дополнительно было ему не тяжело. Так что же его тревожило и не давало покоя?

Август выдался в этом году на удивление жарким. Сейчас, идя по одной из дорожек парка, он с удовольствием наслаждался мелкими брызгами от фонтанов, создающих в воздухе иллюзию прохлады и свежести. Временами там, где лучи солнца разбивались о мельчайшие брызги, зависали небольшие разноцветные радуги. Виктор сделал глубокий вздох, чувствуя, что настроение начинает повышаться. Солнце палило вовсю, но здесь, в тени деревьев, было легко и приятно прогуливаться. Тихо

и спокойно.

Внезапно он остановился, поняв, что забрел в самую глубину парка. Он не сильно любил гулять и теперь раздумывал, почему в этот раз изменил своим привычкам. И только тут сообразил, что же его беспокоило: несмотря на то, что вокруг никого не было, он не чувствовал себя свободным. Словно и тут за ним следили чьи-то глаза. Виктор покачал головой – так и до мании преследования недалеко. И в ту же секунду резко обернулся.

Он был уверен, что успел что-то увидеть. Глаз не успел зафиксировать движение, но он был уверен, что видел его. Внезапно Виктора, несмотря на то, что день был жарким, пробрал озноб, и он быстрым шагом направился по тропинке к центральной аллее, все время оглядываясь. И уже выйдя на дорогу, внезапно почувствовал что-то вроде смущения – с чего он так разволновался? Мелькнувшая тень вполне могла быть птицей… Или бродячей собакой…

Эта мысль принесла внезапное успокоение. И с чего он так испугался? Все нормально. Все как всегда… От этой мысли Виктор ощутил странное разочарование. Все-таки странное существо – человек. Никогда не бывает доволен тем, что имеет.

Виктор не сильно любил людей. Он предпочитал их сторониться, потому что не ждал от них ничего хорошего. И оказывался прав: люди думали только о себе – за редким исключением. Очень редким.

Он много с кем общался… А вот сколько человек могли сказать, что знают его настоящего? Хотя нет, не так – скольким людям он доверял, зная, что его не предадут? Виктор усмехнулся – список получился на удивление коротким. Одному, нет, двоим – только двум людям он мог открыться со спокойной душой. Не опасаясь, что его слова когда-нибудь могут обернуться ему во вред. Немного… А с другой стороны, и немало – учитывая, какого мнения он был о людях в целом.

До дома было совсем недалеко – спустя пятнадцать минут он уже поднимался по лестнице, в который раз с благодарностью вспомнив дядю, который, выйдя на пенсию, умудрился познакомиться с женщиной из другого города, жениться и благополучно уехать к супруге, оставив квартиру Виктору. Иначе об отдельном жилье он мог только мечтать.

Он вошел в дом, прошел в комнату и привычно нажал на кнопку включения компа. Потом огляделся, отметив, что пора бы и порядок навести. Впрочем, его квартира почти всегда блистала чистотой, вещи аккуратно занимали свои места. Виктор бросил немного рассеянный взгляд на мягкий диван, покрытый клетчатым пледом, на большого плюшевого льва, вольготно

разлегшегося на спинке, и слегка улыбнулся. На хвосте животного красовался большой красный бант, который нацепила несчастному льву Лариса, когда заглядывала в гости в последний раз, отчего царь зверей принял вид весьма нелепый, напоминая большого домашнего кота.

Виктор уселся за компьютер, вдруг остро ощутив одиночество. Быстро просмотрел пришедшие сообщения и внезапно почувствовал, что ему стало легче: все-таки был человек, с которым можно было поболтать. Поговорить о том, что его тревожило. Хотя нет, обсуждать происходящее ему все же не хотелось. Слишком расплывчатыми были его ощущения.

Он отошел от компьютера и встал возле окна, задумчиво смотря вниз, на тихую улицу. Странно. Очень странно. Сегодня чувство чужого присутствия его просто преследовало. Но улица была пустынна – собирались тучи, редкие прохожие поглядывали на небо и ускоряли шаги. Он подумал, что дождик был бы очень кстати – хоть ненадолго избавиться от изматывающей жары. А еще лучше – гроза. Виктор любил грозу – его завораживало буйство стихии, ветер, молнии, ощущение того, как воздух насыщен напряжением. В такие моменты он необычайно ярко ощущал, насколько слаб человек против буйства природы. Виктор тряхнул головой – что-то его сегодня на лирику потянуло. Совсем не похоже на него.

Компьютер тихо звякнул, и Виктор повернулся, потом открыл вкладку и с легкой улыбкой прочитал пришедшее сообщение. Написав ответ, он со вздохом принялся за очередную подработку – следовало закончить отладку программы как можно скорее. Да и деньги тоже лишними не бывают.

Погружаясь в работу, он напрочь забывал об окружающем мире. Вот и сейчас, оторвавшись от компьютера, он с легким удивлением отметил, что прошел уже час с небольшим. Потирая уставшие глаза, он направился на кухню, чувствуя, что необходимость перекусить явно перевешивает все остальное. К еде Виктор всегда относился более-менее равнодушно – проще говоря, ел то, что оказывалось под рукой, не сильно утруждая себя готовкой. Поставив на плиту чайник, он внезапно замер, пытаясь понять, что его встревожило, и чувствуя, как по спине ползут противные мурашки. Несколько мгновений он рассматривал свою маленькую кухоньку, где с трудом умещались плита, раковина, холодильник, маленький стол и несколько шкафчиков, пытаясь понять, что же произошло.

Он никогда не жаловался на зрительную память. И теперь четко помнил, что чашка стояла на полке, а не на столе. Быстро оглядевшись, попытался понять, что же еще не в порядке. Нет, не

может быть…Скорее всего, он просто забыл, как брал ее. Нет, бред… Следующие десять минут он занимался полной ерундой – осматривал пустую квартиру, заглянув даже под кровать. Потом все же сделал чай с бутербродами и вернулся к компьютеру, ругая себя за глупость. Прихлебывая чай, он постепенно успокаивался. Всякое бывает. Наверно, хотел себе сделать чаю и просто-напросто забыл об этом. Где-то он читал, что человек совершает очень много действий автоматически – и потом может просто не помнить о них. Поколебавшись всего несколько мгновений, он внезапно отложил работу и принялся писать сообщение – ему хотелось просто перекинуться словом с человеком, который всегда относился к нему доброжелательно. Он не собирался рассказывать о том, что его тревожило, – ему просто хотелось отвлечься. И ему это вполне удалось – спустя полчаса он выкинул все глупости из головы и снова вернулся к работе.

Глава 2.

Столица, главный офис компании «Аэда», 15 августа. Марк.

Зал заседаний был маленьким и уютным. Но он и не был рассчитан на большое число людей. Круглый стол полированного дерева, мягкие кресла вокруг. Окна закрыты кремовыми шторами, несколько картин на стенах – но ничего лишнего. Сюда имели доступ очень и очень немногие.

Марк мрачно смотрел на людей, которые сейчас сидели за круглым столом – верхушка компании, ее руководящий состав. Но скрывать произошедшее было больше нельзя – во всяком случае, от этих людей. Андрей Васильевич, генеральный директор, учредитель, и прочая, и прочая сидел во главе стола – и его лицо было не менее мрачным, чем у самого Марка. Секретность, чтоб ее… Еще немного – и они могли очень сильно прогореть. Да они и так пострадали достаточно сильно – принятые сейчас меры следовало ввести сразу же, как только они узнали о существовании хакера по прозвищу Баттерфляй. Но кто мог предположить такое? Они готовились к возможной утечке информации, к попыткам шантажа или просто вымогательству. Но не к тому, что произошло на самом деле.

Вадим барабанил пальцами по столу, заставляя Марка морщится, но несмотря ни на что, он терпел, прекрасно помня эту дурацкую привычку главы компьютерного отдела – без клавиатуры в руках он чувствовал себя беспомощным и старался это как-то компенсировать.

Взгляд Марка скользнул по недоуменным лицам остальных, на мгновенье задержавшись на лице начальника службы безопасности. Иван Николаевич Зварыгин сидел с невозмутимым лицом, и, пожалуй, знал большинство того, что он собирался сейчас обнародовать. Зварыгин… Сколько же ему сейчас было? Он попытался вспомнить. Вроде, уже под сорок. Хотя нет, тридцать семь, кажется. Или тридцать восемь. Но по нему не скажешь. Вечно невозмутимый, коротко стриженный, и вечно это выражение на лице… Как будто он что-то знает, но ни за что не признается. Из всех присутствующих он больше всех недолюбливал именно Зварыгина. Марк всегда восхищался его источниками информации и тем почти невозможным чутьем, что позволяло ему всегда быть в курсе всех мало-мальски значимых событий. Почему Генеральный не поручил это дело ему сразу? Почему предпочел дать задание своему заместителю? Хороший вопросец. Но сейчас наверняка лучше его не поднимать, а поразмыслить как-то на досуге.

Взгляд скользнул дальше и натолкнулся на холеное лицо с немного брезгливым выражением. Омский… Этого он тоже недолюбливал, но их интересы пока не сталкивались. Финансовый директор компании имел дело непосредственно с Андреем Васильевичем. Этот способен на любую пакость, если это будет ему выгодно. Но именно поэтому он предсказуем, в отличии от Зварыгина.

Марк встал и почувствовал, что взгляды всех устремились на него.

– Против нас проводится планомерная война, – его голос был сух и спокоен. – За три дня мы потеряли весь доход за прошлый месяц.

Марк наблюдал за реакцией людей, собравшихся сейчас в конференц-зале, и должен был признать, что эти люди не зря занимали свои должности. Возникшая реакция была почти незаметной – только ощутимо сгустилось напряжение.

– Мы не знаем, кто ее ведет. У нас нет пока даже догадок, почему… Пока нам известно только как – а этого недостаточно. Мы с трудом защищаемся, и постепенно проигрываем…

Марк излагал данные сухо, касаясь только сути произошедшего за три дня. Но и этого было чересчур много. Неизвестный хакер получил доступ к их базе данных и с умом воспользовался этой информацией, сорвав две сделки, вынудив один раз уплатить крупную компенсацию за утечку информации, а также снабдив их конкурентов сверхсекретной информацией. Теперь, заблокировав полностью выход в сеть, компания только подсчитывала убытки. А самое главное – это все было дело рук одного и того же человека – каждый раз это подтверждалось маленькой голубой бабочкой, порхающей по экрану. И никаких следов взлома.

Рассказывая, Марк внимательно наблюдал за лицами присутствующих. Но ничего такого, что выходило бы за рамки, он не заметил. Похоже, большинство действительно услышало новость в первый раз. Тут он осознал, что за реакцией людей наблюдает не только он. Начальник службы безопасности сидел спокойно, вот только его взгляд был устремлен не на докладчика, а тоже напряженно бродил по лицам остальных. "Знает…" – Марк мысленно выругался. – "И явно что-то подозревает". Мысленные эпитеты, которые прозвучали в адрес Зварыгина, шокировали бы окружающих, вздумай Марк произнести их вслух.

– Поэтому ставим вас в известность, что теперь внешняя и внутренняя локальные сети полностью разделены. Всем ясно, что это создает нам сильное неудобство в работе, но мы не можем допустить повторения произошедшего. Мы и так едва избежали

краха – и сейчас даже не представляем, какая информация находится у него в руках.

– Очень и очень плохо, – Омский, как всегда, высказывал недовольство так, что казалось, он просто не может понять, как некоторые могут быть такими идиотами. – Хотя я полагал, что наша защита настолько хороша, что взломать ее невозможно… Впрочем, в нашем мире, увы, нет ничего невозможного…

Марк скрипнул зубами от злости, отчетливо понимая, что Омский копает именно под него. Впрочем, другого нечего было и ожидать. Хотя, возможно и не под него лично, но ему все равно мало не покажется.

– Что вообще известно о нашем противнике? – голос Зварыгина был как всегда, невыразителен и полностью лишен эмоций. Марк кивнул Вадиму – по некоторым причинам ему хотелось, чтобы эту часть информации обнародовал не он.

Вадим встал и принялся протирать очки. Даже на заседание он заявился в джинсах и полосатой рубашке. Впрочем, за все время работы на компанию Вадима в костюме не видели вообще никогда.

– Хакер по прозвищу Баттерфляй появился в сети около двух месяцев назад. – Вадим говорил спокойно, но в его голосе время от времени проскальзывали напряженные нотки. – Достоверно известно очень и очень немного – в основном, о нем ходят множество слухов, проверить которые невозможно. Но кое-что удалось подтвердить. Одной из самых его нашумевших выходок был взлом базы данных Интерпола – а там такая защита, что… – Вадим некоторое время пытался подобрать эпитет, потом просто махнул рукой – В-общем, бабочку свою он там тоже повесил. И никаких следов взлома. Говорят, там паника поднялась… А охоту на него объявили такую, что… – Вадим опять махнул рукой, явно испытывая сложности с прилагательными, а Марк недовольно поморщился. – Но так и не смогли обнаружить его даже приблизительное местоположение. Система выдавала около сотни IP адресов, причем в разных точках земного шара. Насколько я знаю, он в розыске до сих пор. Но ищут его без всякого рвения – мне удалось выяснить, он регулярно скидывал им информацию о местонахождении именно тех лиц, которых они просто жаждали видеть за решеткой. И насколько известно, к преступникам информация не ушла. Известно два достоверных случая вскрытия баз данных крупных компаний – я точно знаю, что были взломаны "Астори" и "Кондор". Там тоже паниковали… Информация сверхсекретная. Одна компания с налогами мухлевала, а другая раздобыла данные о готовящейся правительственной застройке и потихоньку скупала участки… Но

он не воспользовался информацией, хотя мог заработать неплохие деньги. Или влияние. Похоже, все, что он делал – он делал из отвлеченного интереса – смогу или нет. А вопрос, почему он мстит нашей компании, потому что он именно мстит, по-другому это не назовешь – остается открытым.

– Наоборот, – высказывание Зварыгина было настолько неожиданным, что все взгляды мгновенно устремились на него, а Марк с трудом удержался от того, чтобы не выругаться вслух. Как всегда, начальник отдела безопасности мог достать из рукава козырь и перечеркнуть все то, чего добивался он. Отношения между ними всегда были напряженными, во всяком случае, с его стороны – Иван Николаевич никогда не высказывал своих эмоций.

– Он прислал мне письмо, – голос Зварыгина оставался по-прежнему ровным. – Украшенное его фирменной бабочкой. Похоже, он был весьма рад поставить нас в известность о том, за что мстит. Точнее, за кого. Вот что было в письме.

Он медленно вытащил из кармана фотографию и бросил на стол. Марк вытянул шею, легко рассмотрел вполне обычное лицо с легкой улыбкой, обведенное траурной лентой – и похолодел. Потом медленно поднял глаза, встретившись взглядом с Главным, который тоже успел разглядеть снимок и опять перевел его на Зварыгина – об этом знали они трое. Больше никто.

* * *

За три месяца до этого. Екатерина Дымова. Воспоминания.

Почему меня пригласили работать на проект "Химера"? Я долго не могла этого понять. Специалистом я была неплохим, но вокруг хватало людей, которые разбирались в этих вопросах ничуть не хуже. А то и получше. В самой компании я работала уже несколько месяцев – меня пригласили в их научный отдел после того, как я опубликовала пару статей, ничем особо не примечательных, но их почему-то заинтересовавших. Я согласилась – тех денег, что я получала в НИИ, практически ни на что не хватало – только на самое необходимое. А компания предложила очень хороший оклад – и все условия для спокойной работы.

Воспоминания, воспоминания… После начала работы на компанию я впервые осознала, что такое секретность. Да, все проводимые исследования подлежали неразглашению. Да, нас каждые две недели заставляли проходить тесты, смысла которых я не понимала даже близко. Но, по-видимому, особых глупостей я не писала, поскольку я спокойно продолжала работать, изучая некоторые специфические реакции мозга на определенные раздражители. Моя работа требовала всего лишь усидчивости, терпения и знаний – я прекрасно понимала, что на талантливого

ученого отнюдь не тяну. Но знала я и другое – почти любому талантливому ученому нужен человек, который будет проделывать кучу промежуточной работы, систематизируя информацию, разрабатывая поданные идеи и продумывая все мелочи. И то, что мне выпала именно такая роль, меня вполне устраивало.

Здание компании высилось в весьма приличном районе, почти в центре города. Этакий многоэтажный монстр современного дизайна. Порой разглядывая его со стороны, я так и не могла понять, что же заставляет архитекторов строить такое… Впрочем, в этом мире деньги всегда решали слишком многое. А может, это у меня что-то со вкусом? Я любила старинные постройки – в те невысокие дома, похоже, строители вкладывали то неуловимое, что называется душой. Идя на работу по улочке, застроенной именно такими домами, разглядывая их и не находя двух одинаковых, я понимала, что так и должно быть. Увы, в нашем мире большинство вещей лишены всякой индивидуальности.

Мой дом располагался в тихом переулке, совсем недалеко от места новой работы, что не могло меня не радовать. Поскольку переулок заканчивался тупиком, машины почти не ездили тут. Даже не верилось, что почти в центре города мог существовать такой тихий уголок, словно оставшийся от прошлого века.

Как ни странно, моя новая работа, за исключением некоторых нюансов, пришлась мне по душе. У меня был доступ к новейшему оборудованию, все необходимые реактивы находились под рукой, а если мне нужно было что-то новое – достаточно было только заказать – и на следующий день я могла отрабатывать заинтересовавшую меня методику. Вспоминая НИИ, где оборудование давно устарело, на единственный более-менее современный прибор нужно было записываться в очередь, реактивы выпрашивать, а порой и покупать на собственные деньги, я ощущала незамутненную радость и азарт исследователя.

Лаборатории размещались на трех этажах – с третьего по шестой. Но это, насколько было известно мне. Вполне возможно, они занимали и гораздо большее пространство. Здание принадлежало компании целиком – это я знала. И больше ничего. Что творилось на остальных этажах, я не имела ни малейшего понятия. Любопытство здесь не поощрялось – каждый знал только то, что было необходимо. Впрочем, особого любопытства я и не испытывала – мне было все равно.

Когда я перешла работать на проект "Химера", меня удивило в первую очередь резкое сужение круга моих обязанностей.

Порученные мне задания я выполняла за пару часов, потом начинала откровенно скучать. Но бездельничать здесь было немыслимым – и я занималась тем, что просматривала научные статьи, а также читала книги, повышая свою квалификацию и входя в курс последних новинок. Мой досуг скрашивали пять кошек разного возраста, гуляющих по просторному вольеру, и особенно самая маленькая из них, черная с белой манишкой и таким же белым кончиком хвоста, которую я прозвала Мусей. Кошек я всегда любила – они были самолюбивы и независимы – интересно, насколько часто мы ценим в других те качества, которых не достает нам самим? Но, как ни странно, они тоже отвечали мне привязанностью – охотно шли ко мне на руки, позволяли себя гладить и почесывать.

Вообще, кошки имен не имели – только номера. За ними присматривала тоже я – и гулять по лаборатории им не разрешалось. Но я часто выпускала Мусю, когда была уверенна, что в ближайшее время появления начальства ждать не приходится, и она уютно сворачивалась у меня на коленях, а я поглаживала ее шелковистую черную шерстку. В такие минуты мне очень хотелось завести кошку дома, но мысль о том, что бедное животное будет на весь день заперто одно в квартире, предоставленное самому себе, была мучительной и заставляла отказаться от этой идеи.

Проект "Химера"… Возможность прямого контакта человека и компьютера. Возможность проецировать получаемые данные прямо на подкорку… И давать адекватный ответ. Впрочем, мне было сложно понять, для чего это было нужно. И какие возможности это сулит. Я вообще не понимала, зачем взяли меня – фиксировать получаемые данные с прибора, особого ума не требовало. Все делала машина – и те трое ребят, что раз за разом ее налаживали, калибровали шкалу, снова и снова усиливая чувствительность электродов. И профессор, мой непосредственный начальник, который и выдвигал все новые и новые идеи. Увы, почему выбрали именно меня, я узнала слишком поздно…

Насколько мне было известно, проблему пытались решить сразу несколькими методами. Но точно я знала только то, чем занимались именно в нашей лаборатории – профессор Панский хотел создать компьютерную программу, которая была бы по своим свойствам аналогом человеческого мозга – в области получения, осмысливания информации и установления взаимосвязей. Хотя зачем это нужно, я все равно не понимала. Нет, теоретически я знала, что эта электронная копия будет служить чем-то вроде проводника между человеком и

компьютером. Своеобразным адаптером. Переводить получаемые импульсы в нужную информацию. Но понять, как оно все будет работать, получалось слабо. Все-таки это была не моя специфика. И, кроме того, я не сильно верила в возможность создания искусственного интеллекта – а ведь, по сути, профессор пытался сделать именно это. Вообще, зачем нужно мысленное управление компьютером? А с другой стороны… Телевизор тоже первоначально был черно-белым и размером с пачку сигарет. И если действительно опыты окажутся успешными… Скорее всего, со временем это действительно могло стать золотым дном.

Я помогала ставить эксперименты, фиксировать данные и вносить их в компьютер. Кроме того, я собирала необходимую информацию в интернете, обрабатывала ее и предоставляла краткие резюме по интересующим вопросам. И еще ставила опыты на животных. Хотя опять же, мое участие было минимальным. Просто на голову кошки одевалась металлическая сеточка, а я только записывала те данные, которые выдавала машина. Самим кошкам эта процедура не сильно нравилась – впрочем, скорее всего им не нравилось наличие постороннего предмета на голове. Но мне обычно удавалось уговорить их посидеть смирно – причем, большую долю заслуги в этом можно было приписать взятке в виде чего-нибудь вкусненького, регулярно приносимого мною из дома.

Как раз за неделю до произошедшего случилась первая странность. Из лаборатории исчезли все пять кошек, давно ставших моими любимицами. Здесь было не принято задавать вопросы, но я пересилила себя и пошла к профессору и поинтересовалась их судьбой. На что мне было холодно отвечено, что опыты с животными оказались тупиковой веткой и их вернули туда, откуда первоначально взяли, и что мне стоит заниматься своими непосредственными обязанностями. Я и занялась, хотя на душе было немного тоскливо. С одной стороны, мне было жаль, что животных увезли, а с другой – в лаборатории они явно скучали. И вообще, вид кошек в клетке меня раздражал, как еле уловимая зубная боль. Уж слишком свободолюбивые это животные. Но теперь мне стало еще тоскливее – я почти все время была одна.

В тот день меня не мучили никакие предчувствия. Работа уже неделю стояла на месте, но моей вины тут не было – техники ломали голову, как еще усилить чувствительность прибора. А руководитель проекта ломал голову, почему не получается электронный клон.

Аркадий Геннадиевич относился к работе очень серьезно. Фактически, он думал только о своем проекте. Я никогда не

видела, чтобы он улыбался, или проявлял интерес хоть к чему-то, кроме своей основной работы. Когда он отдавал очередное указание, у меня всегда складывалось впечатление, что он смотрит куда-то сквозь меня. Я всегда была человеком ответственным, все его указания выполняла в точности, но все равно, каждый раз никак не могла понять – доволен он или нет. Но Панский мне никогда не высказывал неудовольствия, и это позволяло надеяться, что с поручениями я успешно справляюсь…

Почему в тот день я включила Интернет? Впрочем, все сложилось из таких случайностей, что нарочно их вряд ли можно было подстроить. Во-первых, я пришла на работу раньше времени… Во-вторых, включила Интернет, чтобы проверить почту – поскольку не успела сделать это утром, хотя раньше ни разу не позволяла себе этого на рабочем месте. И, в-третьих, заигралась настолько, что, услышав шаги начальника, не успела его отключить – просто свернула окна. Услышав его недовольный голос, я прихватила бумаги и вошла в кабинет – и тут потеряла сознание…

* * *

Торесков, 15 августа. Виктор.

Виктор просматривал телефонные счета – и пребывал в недоумении. В сильном недоумении. Странности того, что творилось в последние недели, достигло своего апогея. Суть заключалась в том, что судя по этим данным, деньги с его счета не расходовались… Сколько бы он не говорил. С одной стороны, это, конечно, приятно… А с другой – это полная чушь!

Встав из-за компьютера, он принялся ходить по комнате, пытаясь понять, что же происходит и вспоминая все мелочи, на которые он перед этим не сильно обращал внимание. Во-первых, когда он мучился, пытаясь найти ошибку в программе, и вдруг она заработала. Сама собой. Странно, но бывает. Потом, был случай, когда он случайно удалил нужный файл. И представлял уже, как с утра придется потратить еще часа три на повторное выполнение работы… Но файл оказался на месте. Внезапно. Сам собой. Тогда он решил, что удалил другой файл, хотя и не помнил, чтобы у него были файлы со схожими названиями. И вот сейчас – оказывается, он месяц бесплатно разговаривал по телефону.

Он всегда верил в логику. Всему, всегда можно было найти логическое объяснение. Даже происходящему – скажем, ошибка компьютера. Чего только не бывает. Но уж слишком много получалось всяких мелочей. Каждая из которых ничего не значила, но все вместе явно противоречили закону вероятности.

Виктор медленно прошел на кухню и поставил чайник на

огонь. Его квартира была совсем небольшой – крохотная спальня, гостиная и небольшая кухонька. Но зато своя. Вспоминая время, когда он жил с родителями, он неизменно вспоминал и все ссоры, от которых просто некуда было деться. А сейчас он был полностью независим – и мог поступать так, как считал нужным. Хотя проблем все равно хватало.

Виктор подошел к окну, ожидая, пока закипит чайник, и задумался, рассматривая вечернюю улицу. Ему нравилась ночь. Возможно потому, что именно ночью он ощущал себя невероятно свободным. Свободным от людей, их требований и желаний, свободным от всего… И наедине с самим собой.

Ему нравилась прохлада, которую приносила с собой ночь. И тишина, когда улицы города затихали, освобождаясь от прохожих и транспорта. Яркие огни, светившиеся где-то вдали, только прибавляли очарования. Там развлекалось множество людей, но эта суматоха была так далеко… Что мысль об этом только радовала. Да, пожалуй, он настолько привык всегда быть один, что даже стал получать от этого удовольствие. Впрочем, нет, не так. Просто он уставал от людей, которым вечно было от него что-то нужно. Наверно, именно поэтому ночь ассоциировалась у него со свободой.

Вернувшись с чаем и бутербродами обратно к компьютеру, Виктор с удовольствием принялся прихлебывать ароматный напиток. Ему вполне хватало компьютера, чтобы не испытывать недостатка в общении. В голове вертелась еще одна мысль – а ведь он не обращал внимания, но в последнее время легко находил необходимые данные в сети. Раньше поиск его мог изматывать и злить – в последнее время он легко находил нужное, почти не затрачивая усилий. Впрочем… Это все просто случайности, другого объяснения нет. И быть не может. Он привычно проверил почту, затем включил новый фильм, пытаясь хоть немного разогнать скуку. Впрочем, кино ему не очень понравилось. В последнее время режиссеры практически всех фильмов слишком много внимания уделяли спецэффектам и экшену, явно в ущерб сюжету и актерской игре.

Завтрашний день тоже не сулил ничего нового. Виктор выключил компьютер и снял с полки новую книгу. Хоть немного отвлечься. Он любил хорошие книги, предпочитая фантастику, и, как ни странно, очень любил классическую музыку. И то и другое позволяло отвлечься от обыденности, оттого, что порой прошедший день ничем не отличался от предыдущего. Внезапно Виктор застыл и усмехнулся, пораженной пришедшей в голову мыслью – а ведь только что он вспоминал странности происходящего. И тут же решил, что ничего необычного не

происходит. Нет, происходящее стоило обдумать. Он поставил книгу обратно на полку и вернулся к компьютеру. Или хотя бы поэкспериментировать.

Спустя час ему удалось выявить некоторые закономерности. В поиске ему стоило максимально точно сформулировать свое желание и ему выдавались наиболее близкие ссылки. Причем, не обязательно содержащие ключевые слова. Виктор некоторое время просто смотрел в экран, пытаясь понять, что же все-таки происходит. Такое ощущение, что компьютер сам выполнял кучу промежуточной работы, выдавая уже готовый результат. Он немного помедлил, обдумывая ситуацию, потом зашел на электронный адрес фирмы, на которую работал и щелкнул по иконке "администрирование". По идее, на экране должно было просто высветиться окно, с надписью "введите пароль". Но вместо этого перед ним открылась база данных. Он на полном автомате щелкнул на иконку досье, и только тут до него дошло, что происходит. Перед ним открылись файлы, подписанные множеством имен. Не удержавшись, он нашел себя и щелкнул открыть. Компьютер опять не потребовал пароля, и спустя несколько секунд Виктор мог ознакомиться со своей характеристикой под фотографией со своей фамилией и подписью "внештатный сотрудник". Его весьма порадовали эпитеты "неконфликтный" и "ответственный" и некоторое время он с удовольствием тешил свою гордость. И только тут до него, наконец, дошло, что происходит нечто, мягко говоря, весьма и весьма странное…

Выйдя из базы данных и выключив компьютер, он впервые ощутил что-то вроде запоздалого страха. Так что же, черт возьми, происходит?! Там должна стоять защита! И не одна! Но он, не прилагая никаких усилий, получил доступ ко всей информационной базе. Причем, не понимая сам, каким образом он это сделал. Если он мог получить доступ к защищенной информации без всяких паролей… Но это еще следовало проверить. Возможно, это просто ошибка. А если нет, если пароли больше не могли его остановить… С одной стороны, это пугало. А с другой стороны… Виктор потер виски, прикидывая открывающиеся возможности. Возможности завораживали. Только стоило как следует все обдумать. Самое главное было не совершить ошибки.

Глава 3.

Столица, главный офис компании «Аэда», 15 августа. Марк.

Марк сидел в кабинете Главного и вертел в руках фотографию, время от времени переводя взгляд на невозмутимое лицо Зварыгина. Андрей Васильевич сидел за столом, причем выглядел еще более мрачно, чем на совещании. Марк не думал, что такое вообще возможно. Наконец Генеральный нарушил молчание, переведя взгляд на начальника службы безопасности.

– Ее проверял ты. Насколько я помню, судя по твоему докладу, она была совершенно одинокой.

Зварыгин ничуть не смутился, впрочем, свою работу он всегда выполнял добросовестно.

– Никого. Жила совершенно одна, никаких друзей-приятелей. Никого из родственников. Несколько хороших знакомых, но никого достаточно близкого. Официально она умерла от удара электрическим током – случайность плюс короткое замыкание. Официальную версию никто не оспаривал, подозрительных расспросов не вел… Два месяца все было тихо.

– Тогда скажи, кто этот Баттерфляй. И откуда он вообще взялся на нашу голову.

– Выясним. – Зварыгин не высказывал никаких эмоций. Впрочем, как и всегда. Эта манера разговора почему-то сильно злила Марка. – Но вот в свете этого стоит подумать еще над одним вопросом. А именно, о смерти Панского.

Андрей Васильевич задумчиво уставился в большой аквариум.

– Полагаешь, связь есть? Ведь уже почти два месяца прошло…

– Во всяком случае, проверить стоит. Выпасть с балкона своей собственной квартиры… Для убийства не было мотивов, версия самоубийства не выдерживала критики, оставался только несчастный случай. Да и сложно всерьез было рассуждать об убийстве – Панский жил в охраняемом доме, чужих не пускал, да и к тому же время от времени страдал манией преследования.

– Панский был гением. – Генеральный впервые позволил себе высказать раздражение. – С его смертью ни у кого не хватило мозгов довести до ума его разработки.

– Панский был полным психом, который ради успеха эксперимента не считался ни с чем – а менее всего с чужой жизнью. – Марк продолжал вертеть в руках фотографию. Возражать начальству он не любил, но Панского просто ненавидел, о чем Андрей Васильевич, разумеется, знал. – Но он приносил компании огромные деньги. Сотни тысяч, если не

миллионы. Поэтому мы все смотрели на то, что он вытворяет, сквозь пальцы… Лишь бы не зарывался. И когда он сказал, что ему нужен подопытный кролик, мы постарались ему его обеспечить. Запустили эти тесты среди сотрудников, потом подобрали среди подходящих такого, чье исчезновение не вызвало бы вопросов.

– Не стоит вспоминать прошлые ошибки. – Зварыгин продолжал оставаться невозмутимым. – Тем более, что сам Панский мертв. Сразу после смерти девчонки я лично проверил ее квартиру – никаких улик не было. Дневник она не вела, данных о разработках компании в ее компьютере не было. Но я, на всякий случай все-таки изъял жесткий диск. Сейчас над ним Вадим колдует. Если хоть что-то с этого будет можно выжать, он справится.

– Тебе не стоило выкладывать фотографию на всеобщее обозрение,– в голосе Главного прозвучало явное раздражение.

– Вреда от этого не будет. Тем более, что я хотел понаблюдать за реакцией некоторых сотрудников.

– Понаблюдал? – Голос Андрея Васильевича стал еще более раздраженным.

– По крайней мере, мои подозрения о том, что тут мог быть замешан кто-то из руководящего состава компании, похоже, не подтверждаются. Хотя эту версию я все еще проверяю. – Зварыгин сидел в кресле, а взгляд его оставался невозмутимым. – Слишком уж продуманно на нас наехали. Ударили именно в самые болезненные точки. Мне это сразу не понравилось.

Генеральный прикрыл глаза, явно что-то обдумывая. Потом кивнул.

– Кого ты подозреваешь? Омского?

– Не только. Но он под подозрением больше остальных. Слишком уж к власти рвется.

– А что насчет смерти Панского?

– Я изучал тогда подробности произошедшего, – Зварыгин впервые позволил себе слегка откинуться в мягком кресле. – И в тот момент подозрений у меня не возникло. Вкратце, ситуация выглядела так – он приехал с работы на машине, как обычно оставил ее на стоянке, поднялся к себе наверх. Охранник в подъезде ничего необычного не заметил. Камеры наблюдения у подъезда не зафиксировали никого подозрительного. Он вошел в квартиру, отключил сигнализацию… И спустя полчаса выпал с балкона. В квартире полный порядок, никаких следов взлома. Никаких следов борьбы. Компьютер был включен – профессор что-то уточнял по работе. Было похоже, он просто вышел на балкон – подышать воздухом или покурить…Возможно, голова

закружилась…Слабая версия – но других на тот момент не было…

– Ладно, оставим это пока. Проверь Омского. А еще лучше – установи за ним слежку. И сосредоточься на хакере – возможно, он совершит ошибку. Впрочем, он ее уже совершил – когда дал нам понять, из-за чего он нас преследует. Теперь ниточка найдется. Рано или поздно.

– За Омским следят… А его телефоны на прослушке. Я приказал сделать это еще вчера.

Главный кивнул. Действительно, Зварыгин умел выполнять свою работу.

– Есть еще один нюанс, – Зварыгин говорил нарочито медленно. – Хакер прислал письмо на мой личный электронный адрес. Не на адрес компании. А он известен весьма и весьма немногим…

– Вот как? – Генеральный смотрел прямо на Зварыгина. – И кому же?

– Разумеется, руководящему составу компании и некоторым моим служащим. Весьма узкий круг.

– Но зачем ему было так рисковать? Настолько суживать поиск?

Зварыгин немного помолчал, потом нехотя произнес.

– У меня нет на это объяснения. Разве что он либо хочет бросить на кого-то подозрения, либо этот след никуда не ведет, и мой электронный адрес попал к нему настолько случайно, что этот путь проследить невозможно… Либо он действовал под влиянием эмоций и просто не подумал об этом – но в этот вариант мне верится слабо. Человек, способный провернуть такое, отнюдь не дурак. Но проверить и эту ниточку все равно стоит.

– А девчонка?

– Связь хакера с ней должна быть, это несомненно. Только вот эта связь явно не из тех, которую легко проследить. Да и не было у нее никого из близких знакомых – за ней больше месяца следили. И телефон тоже прослушивали. Из родственников никого… Даже на ее квартиру никто прав не заявил. Из хороших знакомых – трое с ее предыдущего места работы, с которыми она время от времени болтала по телефону, и семейная пара – соседи. Но эти варианты я отметаю, причем по очень простой причине – ни у кого из перечисленных не подключен Интернет, а, следовательно, говорить о них, как о хакерах, смешно. Здесь, в компании, она ни с кем не успела дойти даже до стадии хороших знакомых. Хотя именно этот вариант объяснил бы многое. Всех, с кем она встречалась по работе, я тоже проверяю. Но о наших сотрудниках мы знаем очень многое… Если бы среди них был

толковый хакер, Вадим бы его уже вычислил. Данные на компьютерах проверяются регулярно, поиск информации в Интернете – тоже…

– Мне не понятно другое, – Марк наконец не выдержал. – Почему два месяца было тихо? Почему он надумал мстить именно сейчас?

– Вот именно, – Зварыгин кивнул. – Почему? У меня есть версия, которая это объясняет. Которая объясняет почти все. Сам хакер не был связан с компанией. Он считал эту смерть несчастным случаем. И ни о чем не догадывался, пока ему не сообщили. А вот кто сообщил… Этот человек должен иметь доступ к секретной информации… Что опять же заставляет подозревать кого-то из руководства.

Дверь открылась без стука, и на пороге показался Вадим. Обвел всех внимательным взглядом и, кивнув, плотно закрыл за собой двери.

– Диск я распотрошил, все, что можно – из него выжал. Немного. Она лазила по нету без определенной цели, часто сидела в социальных сетях. Ничего, интересующего нас, я пока не нашел. Только имена троих людей, с которыми она общалась достаточно часто.

– Это уже неплохо. Их стоит проверить. Всех троих. – Генеральный кивнул Зварыгину. – Хотя шанс на то, что среди них есть тот, кто нас интересует, невелик. Так кто?

Вадим молча протянул листок, на котором было три имени. Маргарита Топикова, Дмитрий Зорин, Виктор Лесков.

* * *

За три месяца до этого. Екатерина Дымова. Воспоминания.

Очнувшись, я испытала настоящий ужас, переходящий в панику. Я оказалась привязана к стулу, причем не могла даже пошевелиться, голову обхватывала металлическая сеточка прибора, а Панский возился у машины. Рот мне заклеили скотчем. Несколько раз я дернулась, но совершенно без толку, потом попыталась кричать – и тоже безуспешно. Я билась, пытаясь вырваться, но со стороны мои метания напоминали жалкие трепыхания. Когда профессор обернулся, я испугалась еще больше, если это только возможно – его глаза совершенно ничего не выражали.

– Очнулась? Для эксперимента мне нужно, чтобы ты была в сознании…– он опять обернулся к машине, уже не обращая на меня никакого внимания. – Кошки дали информацию, но мало, мало… Слишком быстро они умирали… – Он разговаривал сам с собой. – Да и копировать их мозг просто бессмысленно. Но теперь ясно, в каком направлении двигаться. Разработки химиков

неплохи, но они их никак не усовершенствуют. Приходится обходиться тем, что есть…

Я дергалась, напрягая все силы, но примотали меня весьма надежно. В висках стучала кровь, сердце билось с сумасшедшей силой. Я боялась – дико, безумно, глаза блуждали по лаборатории, в горле пересохло, а в голове не было ни одной мысли. Теперь я надеялась только на то, что в кабинет кто-то войдет и этот кошмар прекратится. И словно в ответ на мою мысль, двери открылись, и в лабораторию вошел начальник службы безопасности. Я видела его только дважды – на общем инструктаже, но ничуть не сомневалась, что он справится со спятившим профессором. Испытанное в тот момент облегчение было таким сильным, что я едва не разрыдалась. Но он только скользнул по мне безучастным взглядом, запер дверь, и, подойдя к профессору, что-то ему протянул.

От шока я замерла, пытаясь осознать увиденное, а потом внезапно, с резкой безнадежностью осознала – спасения не будет. Ужас заставлял адреналин кипеть в крови, совершая бессмысленные попытки вырваться, но я понимала – все напрасно. И когда профессор подошел ко мне со шприцем в руках, я зашлась в беззвучном крике и закрыла глаза.

Моя вторая смерть была мучительной. Боль была дикой, неописуемой – меня били электрические разряды, а кровь, казалось, кипела. И это длилось бесконечно. И самое страшное – несмотря на запредельность боли, я не могла отключится, потерять сознание. Перед глазами некоторое время плыли яркие круги, потом наступила полная темнота. Больше всего в тот момент мне хотелось прекращения пытки. Любой ценой. Я хотела умереть или сойти с ума – все, что угодно.

Не помню, в какой момент я смогла отстраниться. Боль еще заставляла тело исходить в мучительных судорогах, но я словно находилась в двух местах сразу. И сознание устремилось туда, где было избавление. Боль сделалась далекой и чужой – а я вновь увидела свет. Яркий калейдоскоп вспыхивал перед глазами – немыслимое сочетание цветов, которое не имело смысла, но звало и успокаивало. И которое внезапно наполнило мое сознание – или сознание наполнило это место. И мне тут было тесно.

Несколько кратких секунд я очень четко ощущала раздвоение своей личности. Я все еще умирала под невыносимой пыткой и одновременно видела себя со стороны, понимая, что моя смерть близка. Вокруг меня сжимались тиски, пытаясь подчинить обезумевшее от ужаса и боли существо, уничтожить остатки того, что еще было мной. И вместо страха и отчаянья во мне вспыхнула

ненависть. Совершено инстинктивно я рванулась, чувствуя, как теряюсь где-то далеко, испытывая одновременно отчаянье, пустоту и боль потери.

Именно тогда я утратила связь с телом. Вернее, именно в тот момент я умерла. И именно тогда я сразу поняла, что со мной сделали. Поняла внезапно и вдруг – как будто я всегда это знала. Мое тело было мертво – но мое сознание жило. И не хотело умирать.

Вокруг меня проносились цветные искры, складывающиеся в информацию, которую я осознавала мгновенно. Которая становилась частью меня. И здесь было невыносимо. И как только я это осознала, я поняла, что выход есть. Свобода безбрежных просторов – масса далеких огней, складывающиеся в яркие картины, которые заплясали внезапно перед глазами. И я ринулась на свободу, оставляя за собой только пустоту… Уничтожая те крохи информации, которые еще содержались в компьютерах компании…

Они получили свою Химеру. И не смогли ее удержать…

* * *

Торесков, 16 августа. Виктор.

Виктор медленно шел по улице, а в голове было пусто, словно шаром покати. Он не особо обращал внимание, в какую сторону идет – ему было нужно просто упорядочить свои мысли. Было достаточно рано, и улицы еще не утратили утреннюю прохладу. Кроме того, сегодня было воскресенье, и по этой причине народу и машин тоже было немного. Вообще, в последнее время он все чаще изменял своим привычкам. Но ведь все случившееся тоже меняло его. Так или иначе.

Вчера он экспериментировал до глубокой ночи и кое в чем убедился. Неким странным, необъяснимым образом для него больше не существовали запреты в сети. Он мог зайти на любой сайт, влезть в любую базу данных, найти любую необходимую информацию. Это пугало и завораживало. Были ли вообще границы у его новых возможностей? Да и откуда они вообще взялись? А самое главное – что же ему делать дальше?

Вчерашнее упоение чудом прошло, а в душе остались сомнения пополам с тоской. И посоветоваться не с кем. Да и кому он мог рассказать о происходящем? Впрочем, он и так не сильно любил открывать душу…Так что хочешь не хочешь – решение придется принимать самому.

И вариантов было весьма немного. Первый, самый простой и одновременно самый сложный – забыть о своих новых возможностях. Оставить все как есть. Некоторое время Виктор всерьез его обдумывал. Это могло стать решением… Вот только

он был уверен, что все равно не остановится, и время от времени будет проверять – получится у него или нет чего-то добиться…

Вариант второй был проще – не ломать себе голову, а использовать свои способности при необходимости. Не злоупотребляя ими и стараясь себя ограничивать. Этот вариант был вполне реальный, и Виктор склонялся к нему больше всего.

И был третий вариант – использовать свои способности на всю катушку… Этот вариант одновременно манил и пугал. Ведь он теперь мог действительно многое. Очень многое.

А ведь его новые способности могли таить и опасность… Если кто-то об этом узнает… Он внезапно вздрогнул. Если кто-то узнает о существовании человека, способного спокойно получить доступ к любой информации… Тогда ему не позавидуешь. Он попытался мыслить логически, словно речь шла о ком-то другом – и представить себя на месте богатого и влиятельного человека, к которому попала такая информация. Конечно, в любом случае такого человека необходимо взять под контроль. Пока не натворил бед. Заставить работать на себя, поскольку он может быть золотым дном или ликвидировать, чтобы его способностями не воспользовались конкуренты. Причем вариант ликвидировать казался намного проще и доступнее. Виктор поморщился – оба варианта ему совсем не понравились. Он действительно мог угодить в переделку. Так что, забыть обо всем? Сделать вид, что ничего не происходит? Спокойно выбрать первый вариант и продолжать жить так, как жил? Ведь он не хакер. Он понятия не имеет, как он это делает…

Виктор покачал головой и ускорил шаг – и едва не столкнулся с человеком, которого в данный момент хотел видеть менее всего.

Артем Вишневский учился с ним в одной группе, имел богатого папочку, в наглую прогуливал занятия, а оценки просто покупал. Кроме того, он считал самого себя красавчиком, постоянно клеился к девчонкам, и направо и налево хвастался папиными денежками. Виктора от него просто тошнило. Впрочем, по сравнению с ним Артем не имел никаких забот. У него всегда находилась куча приятелей, обожающих дармовщину, любые проблемы он решал на папочкины денежки и думал, что ему все позволено.

Вот и сейчас, нацепив на лицо скучающую ухмылку и лениво растягивая слова, Артем небрежно помахивал карточкой.

– Здорово, Вик… Все над книгами сидишь? А у меня папуля умотал в Германию на месяц… А денежек оставил – можно весь месяц веселится. Я нашу группу собираю – пошли погуляем…

Виктора передернуло, но он сдержался.

– Извини, спешу. Дела у меня…

– Конечно… – Артем хитро усмехнулся. – Тебе ведь вкалывать надо, верно? Как же – лучший ученик! После меня, конечно… – расхохотавшись, Артем отправился дальше, а Виктор остался стоять на месте, некоторое время борясь с желанием набить ему морду. И тут в его голове созрел другой план, гораздо более интересный, и он быстро направился домой. Следовало проучить мерзавца, проучить так, чтобы он надолго запомнил. Папочка на месяц в Германию умотал, говоришь? Вот и посмотрим, что ты представляешь без своего папочки…

Злорадно улыбаясь, Виктор включил комп и вошел в систему. Остальное было делом техники. Его новые способности ничуть не подвели, и спустя полчаса он с довольным видом закончил задуманное. Единственное, о чем он немного жалел, так это о том, что не увидит результата своими глазами…

Глава 4.

Столица, главный офис компании «Аэда», 16 августа. Марк.

Марк сидел в кабинете Зварыгина и злился. Его бесило то, что на время кризиса Генеральный выдал Зварыгину чрезвычайные полномочия, и теперь он должен был согласовывать с ним все свои действия. Мало того, теперь не он отдавал указания начальнику безопасности, а наоборот. "Ничего, это ненадолго," – Марк обуздал свой гнев. – "Выигрывает тот, кто умеет ждать. А я умею". Но сознание все равно отравляла мысль, что Зварыгин умеет ждать ничуть не хуже. Интересно, что мог сказать ему начальник безопасности такого, что стоило приглашения в его кабинет? Сам Зварыгин сидел напротив и говорил по мобильному телефону. Марка это злило до чертиков. Что-то вроде весьма изощренного способа поставить его на место, показать, кто тут главней. "Ну, мы это еще посмотрим," – он вовсе не собирался сдавать свои позиции. – "Не только ты любишь припрятывать тузы в рукаве…"

Чтобы немного отвлечься, он стал нарочито небрежно изучать обстановку кабинета. Нужно сказать, кабинет начальника службы безопасности был почему-то совершенно стандартным. Не нес никакого отпечатка личности, и, с таким же успехом, мог принадлежать некоему усредненному служащему. Интересно, почему? Марк разглядывал письменный стол с двумя телефонами, которыми Зварыгин практически никогда не пользовался, и небольшим ноутбуком, которым он наоборот, пользовался достаточно часто, стулья для посетителей, горшок с какой-то пальмой в углу – ничего такого, что указывало бы на личный вкус именно начальника отдела безопасности. Везде царил идеальный порядок – ни брошенных бумаг, ни лишних папок, в дорогом письменном приборе – подарке по случаю какой-то годовщины Компании – всего одна ручка. "Интересно, а квартира у него тоже такая усредненная?" – мелькнула в голове у Марка совершенно не относящаяся к делу мысль. – "Просто место, где можно переночевать? Или все же нечто большее?" В это верилось слабо. Насколько Мартин знал, Зварыгин не позволял себе привязываться ни к кому и ни к чему – будь то человек, вещь, место или машина. "Бесчувственный чурбан," – вертелась в его голове весьма нелестная характеристика. – "И ведь и не надавишь на тебя никак и не прищучишь. Гад. Должно же у тебя быть слабое место. У всех есть. Дай только узнать, в чем оно заключается…"

Иван Николаевич положил трубку и в своей обычной

невозмутимой манере произнес:

– Это кабинет проверили час назад на отсутствие жучков. Именно поэтому я предпочел разговаривать здесь. Не стоит нам недооценивать противников.

Марк молча кивнул. Объяснение было вполне правдоподобным… Но столь же откровенно можно было поговорить и в кабинете генерального – там наличие жучков проверяли дважды в день. Ежедневно.

– Я взял в разработку всех троих. Расследование сильно затрудняет то, что все трое живут в разных городах. Но это, конечно же, не проблема. С сегодняшнего дня за ними будет вестись наблюдение…Я искал контакты между ними и кем-нибудь из сотрудников компании…Но пока такой связи не выявлено…

Марк опять кивнул. Он не совсем понимал, к чему клонит Зварыгин, и поэтому предпочитал помалкивать.

– Но меня беспокоит совсем другое. Почему он прислал свое письмо именно мне? И вообще, откуда ему может быть известен адрес моей электронной почты? И это опять заставляет меня подозревать сотрудников компании – для чужого получить доступ к этой информации достаточно сложно. Подозревать если не в предательстве – то в излишней болтовне.

– Уж не меня ли ты подозреваешь? – Марк наконец не сдержался – слишком сильно Зварыгин его раздражал. Раздражала его дурацкая манера вести разговор, переводя все в намеки, а также нарочитая невозмутимость. "А может, я просто ему завидую?" – Мелькнуло в голове. – "Завидую его умению анализировать ситуацию, находить решения, и оказываться во многом правым."

– Тебя – меньше остальных. – Иван Николаевич говорил все также спокойно и размеренно.

– Интересно почему? – голос Марка оставался мрачным, а объяснениям он не верил ни на грош. Нет, явно Зварыгин что-то замыслил… И вряд ли хорошее именно с точки зрения Марка.

– На то есть несколько причин – не будем их сейчас уточнять. А с тобой поговорить я хочу совсем из-за другого. Я бы хотел, чтобы ты навестил всех троих… Подстрой случайное знакомство, можешь представься им как хочешь – лучше всего адвокатом, и упомяни в разговоре о компании. И просто оцени их реакцию – насколько они испугаются. А мои люди проследят за ними.

– Зачем тебе это? – Марк смотрел с легким подозрением.

– Поверь, причина есть… И для меня весьма важная причина. Ну, так как?

Марк сделал глубокий вдох. Все равно особого выбора у него

не было. На самом деле, несмотря на то, что это было высказано в виде просьбы, это являлось завуалированным приказом. На секунду в голове мелькнула мысль, я что будет, если он скажет нет? И тут же пропала. Скорее всего, это просто будет уже приказом, причем с дополнением от Генерального: "Тебе было сказано оказывать Зварыгину помощь? Так в чем дело?"

– Я согласен. Что о них известно?

На лице Зварыгина не отразилось никаких эмоций. Впрочем, как всегда. Он просто кивнул и перешел к делу.

– Маргарита Топикова, окончила художественный колледж, сейчас преподает рисование. Живет с родителями, целая куча знакомых, из связей ничего интересующего нас. Самый маловероятный вариант – поскольку за компьютером проводит совсем немного. Есть парень, с которым она проводит большую часть времени, он пытается стать музыкантом, но пока особых успехов не имеет.

Дмитрий Зорин – дизайнер, оформляет обложки для книг на компьютере, сам пытался писать, издал пару психологических романов, но особого успеха не снискал. Кроме того, подрабатывает журналистом в паре изданий, как внештатного сотрудника его очень ценят. Весьма нас интересует, поскольку сидит за компьютером не мало. Женат, с женой живут отдельно, хотя до развода дело они не довели. Вообще, человек достаточно скрытный, и собрать о нем информацию оказалось сложновато. – Зварыгин немного помолчал, словно что-то обдумывая, потом продолжил.

– И, наконец, Виктор Лесков. Студент, сейчас учится на пятом курсе Экономического университета, живет сам, подрабатывает написанием небольших программок – ничего выдающегося. На роль хакера явно не тянет. Но кто знает? Тут более подробная информация обо всех. – Зварыгин протянул ему небольшую папку. Марк молча взял ее и вышел из кабинета, с трудом отказавшись от желания хлопнуть дверью. Он не любил, когда его использовали, особенно, когда он чувствовал за этим чужую игру.

"Что ж ты, гад, задумал? И для чего тебе понадобилось, чтобы я непременно встретился со всеми троими?"– Марк ломал голову, но ответа найти не мог. С таким заданием легко справился любой из сотрудников отдела безопасности – гонять по городам заместителя Генерального из-за такой ерунды было смешно. И граничило с глупостью. А Зварыгин был кем угодно, но не глупцом. – "Небось подставить хочешь? Или из города на время удалить?" – Марк внезапно остановился и уставился перед собой, прикидывая, какие преимущества может дать его временно выведение из игры. – "А ведь именно тут, похоже, собака зарыта.

Очень тебе нужно, чтобы я на время из города свалил и под ногами не путался. Чтоб какой-то план провести не помешал… Но что же ты задумал?"

Мысленный вопрос был, разумеется, риторическим. Марк вошел в свой кабинет, небрежно бросил папку на стол и глубоко задумался. Сейчас самое главное было держать руку на пульсе. Оставаться в курсе всех дел. Он еще подумал, потом уселся за компьютер и написал короткое сообщение. Совершенно невинное, которое даже если и прочитают чужие глаза, понять, что имеется в виду, все равно никто не сможет. Потом Марк встал, вызвал своего заместителя, и отдал указания в связи со своим скорым отъездом.

Зварыгин явно что-то замышлял за его спиной. Стоило подстраховаться…

* * *

За три месяца до этого. Химера. Воспоминания.

Вырвавшись на свободу, я едва не умерла снова. Потоки информации омывали сознание мощной струей, словно меня уносило сильное течение, и я с трудом удерживалась на плаву, не в силах ничего предпринять – глубина затягивала все сильнее, а сил оставалось все меньше. Я не могла сориентироваться, поскольку здесь не было ни верха, ни низа – здесь не существовало вообще ничего постоянного. Меня то омывало ярким светом, причиняющим боль, то окутывала полная темнота. Радужные цвета сменяли один другой почти мгновенно, я терялась, не в силах понять, что происходит, не в силах сделать вообще ничего. Краски менялись, меня куда-то волокло, время от времени словно било о невидимые камни и мне все время казалось, я сейчас просто растворюсь… Исчезну…

Именно тогда я утратила значительную часть своих воспоминаний – и возможно, значительную часть своей личности. Я пыталась бороться, и меня поддерживали всего две мысли: мне хотелось жить, теперь уже любой ценой, и мне хотелось отомстить. И именно это сочетание, заставляло биться, как рыба об лед, бороться, чувствуя, что проигрываю, и пытаться справится с этим… Снова и снова…

В какой-то момент наступил перелом – и я, наконец, сумела закрыться. Сознание словно свернулось само в себя, выстроив несколько слоев зашиты, и кошмар отступил. Теперь мое сознание окружали стены, не подпуская ко мне эти потоки, и я впервые расслабилась. Потом огляделась. Да, я опять могла видеть и ощущать – не знаю, каким образом, но я создала для себя кусочек виртуальной реальности. Надежное убежище, состоящее из небольшого промежутка два на два метра,

окруженного со всех сторон голыми кирпичными стенами. И я просто лежала на полу, то приходя в себя, то опять теряя сознание. Но каждый раз по-прежнему видела вокруг эти стены и все больше чувствовала себя в безопасности.

Не знаю, сколько это продолжалось. Понятие времени вдруг стало абсолютно абстрактным. Просто в какой-то момент я ощутила себя снова сильной. Способной жить и бороться. Но в тоже время заставить себя выйти из своего убежища я не могла – меня мучил страх. Я вспоминала борьбу с потоком и сворачивалась клубочком на холодных камнях, потом вспоминала себя привязанной к стулу, и меня начинала сжигать ненависть. Я вставала и начинала ходить туда-сюда, ощущая себя снова почти живой. Почти настоящей.

Первым этапом борьбы со страхом стало окно. Оказалось, это совсем просто – мне стоило только захотеть, и я сразу поняла, как это сделать. Просто в одном месте я сняла защиту, установив вместо нее своеобразный фильтр, не позволяющий ничему извне проникнуть внутрь… И не позволяющий моему сознанию оказаться снаружи. Виртуальным результатом стало окно в стене – и я со странным отстраненным любопытством смотрела наружу.

Описать увиденное словами просто невозможно. Золотистые нити тянулись во все стороны, перекручиваясь невероятными изгибами, сплетаясь и расплетаясь, порой сильно утолщаясь, порой становясь такими тонкими, что глаз их почти не фиксировал. В нити вплетались гирлянды разноцветных шаров, все время меняющих свою форму и напоминающих мне живые, невероятно подвижные капли. Часть из них была неподвижна, но большинство двигалось, вращалось, куда-то неслось. Яркие искры проносились по ним, заставляя их вспыхивать и менять цвет, и все это жило, менялось, манило…

Потоки…Они пронизывали пространство во всех направлениях. Быстрые, что я не успевала уследить за их течением, или медленные, когда я видела каждый водоворот на их поверхности. Их цвет перетекал из одного в другой, причем часто я не могла даже подобрать название очередному оттенку. Потоки сливались, образуя мощные течения. И опять разбегались ручейками… И все это светилось, сияло, меняло яркость…

Я смотрела на эту картину долго, очень долго. Страх ушел, и пробудилось что-то вроде слабого любопытства. Этот мир был красив – красив невероятной, абстрактной красотой. И этому миру предстояло стать отныне моим.

Я огляделась по сторонам и поняла, что могу многое. Во-первых, обустроить свой дом. Это оказалось совсем просто – мне стоило только представить, что я хочу, и через мгновение я

оказалась в своей квартире. Не знаю, как мой мозг создал эту иллюзию – вернее, кусочек виртуальности, но она оказалась на редкость реалистичной. Во всяком случае, для меня.

Я прошла по своей комнате, вышла в коридор, затем вернулась обратно, трогая вещи, кажущиеся такими родными – все выглядело именно так, как я помнила. Моя квартира… Кровать, шкафы и старенькое зеркало, пушистые ковры на полу и легкие воздушные гардины на окнах. Мой письменный стол и мой ноут. Мои любимые книги на полках… Я сняла одну из книг, открыла, провела рукой по странице и ощутила запах бумаги… Потом внезапно опустилась на мягкий ковер и, наконец, разрыдалась. Не знаю, что я оплакивала – то, что реальный мир оказался для меня потерянным, пережитый ужас или то, что отныне я не была человеком. Меня сделали монстром, живущим в сумасшедшем, чужом мире. Я вытерла слезы и поклялась отомстить – хотя как, я пока не имела понятия. Мои чувства сильно притупились – все, кроме ненависти. Ненависть сжигала, заставляла думать и бороться. Жить.

Моим вторым важным делом был выход наружу. Долго, очень долго я смотрела в окно, прежде чем решилась. Воспоминания о собственной беспомощности не давали покоя. Я боялась, что не смогу выжить в сумасшедших течениях. Но прошло немного времени, и моя решительность окрепла. Я сумела перебороть страх – ненависть была сильнее. И я заставила себя открыть дверь и нырнуть в поток.

И внезапно поняла, что боялась совершенно зря. Энергия и информация струились сквозь меня, и я позволяла им проноситься мимо, не затрагивая сознания. Поток больше не пугал меня – наоборот, манил, наполняя, а я могла управлять им. А могла в любой момент вернуться обратно, под надежную защиту своего нового дома. И я принялась экспериментировать.

Я легко переходила между потоками – я больше не сопротивлялась им, а они больше не могли причинить мне вреда. Быстрые течения омывали легко и небрежно, медленные, наоборот, давили и казались тяжелыми… Чем ярче светился поток, тем мне было теплее – от некоторых бросало в жар, некоторые заставляли поеживаться. Словно я принимала контрастный душ.

Я могла видеть и видела все одновременно в нескольких проекциях – мигающие огни, множество цифр, картинки, потоки… Я могла проследить любую из нитей – и понять, где находится человек на ее другом конце. Я видела, когда потоки перекрывались шлюзами и запорами – но эта защита меня смешила, поскольку не могла ни задержать, ни остановить… Я

могла почти все…

Сначала я сверила время. Оказалось, что с момента моей смерти прошло всего два дна. А мне казалось, намного, намного больше. Потом короткая заметка – о моей собственной смерти… От несчастного случая в лаборатории… Очередным шоком стали письма от друзей – где-то далеко были люди, которые не знали о моей смерти… Люди, которые меня ждали… И Виктор, который переживал больше всех, куда я пропала.

Это было, пожалуй, самым невыносимым. Что я могла рассказать человеку, которого называла своим лучшим другом? Что мое тело мертво, а сознание стало частью интернета? Что я продолжаю жить только ради того, чтобы отомстить мерзавцам, сделавшим это со мной? И я в первый раз за все время ему солгала. "Проблемы со связью были" – письмо отправилось в свой путь по тонкой золотистой нити. – "Но теперь все в порядке. Я так скучала по беседам с тобой…"

* * *

Торесков, 17 августа. Виктор.

Университет жил своей жизнью – студенты толпились в коридорах, болтали и смеялись, расходясь по аудиториям. Учебный год только начался – до сессии было еще как до луны, и большинство находилось в том расслабленном состоянии, когда сидя на лекции вспоминаешь прошедшие каникулы и прикидываешь, куда бы завалится вечерком.

Виктор чувствовал себя совсем по-другому – во-первых, он не мог позволить себе легкомысленного отношения к учебе, во-вторых, почти все вечера у него съедала работа, а в-третьих – сейчас его занимала тайна его новых способностей. Он часто чувствовал себя белой вороной – но предпочитал оставаться самим собой, чем изменится только для того, чтобы не выделятся среди остальных. Ему даже нравилось быть не таким, как все – и отношение к нему было соответствующим – его уважали, но не сильно любили. Он всегда держался, словно на расстоянии, ни с кем не сближался и разговоров по душам не вел. И так и не обзавелся друзьями – так, несколько человек, которых он числил в хороших знакомых. И его это вполне устраивало.

Виктор вошел в лекционный зал одним из первых и привычно занял место у окна. И почти сразу же на стул возле него плюхнулся Костик, веселый и беззаботный парень, и тут же с таинственным видом наклонился к нему.

– Вик, что вчера было! Комедия!

Виктор слегка поморщился, потом улыбнулся – на Костика злиться было просто невозможно. Он таким и был – полностью открытым, всегда что на уме – то и на языке. Во всяком случае,

представить Костика что-то скрывающим за душой было просто невозможно.

– И что же было вчера? – Виктор слегка наклонился, доставая из сумки конспект, но Костика отсутствие реакции слушателя отнюдь не обескуражило – глаза его горели, и не поделиться увлекательной новостью для него было просто немыслимо.

– Уй, что было! – Костик умудрился свалить свою сумку на пол, и теперь ползал под партой, собирая рассыпавшиеся вещи. Виктор вздохнул и принялся ему помогать. Наконец из-под стола показалась взлохмаченная голова Костика, и ему, смеясь, передавали улетевшие предметы сидевшие впереди девчонки. Виктор на мгновение испытал легкий укол зависти. Костика любили все – за легкий характер, доброту и юмор. И самое главное, самому Костику это, казалось, не стоило никаких усилий – он действительно был именно таким. А когда он улыбался, уставившись на кого-то наивными голубыми глазами, человек невольно начинал улыбаться в ответ.

– Ты такое пропустил! Вчера Артем народ с группы на гулянку собирал – 12 человек пришло. Он вовсю хвастался, что папуля ему кучу бабок оставил, а сам по делам уехал. Ну так, народ собрался, завалились все вместе в магазин и от души хавчиком затарились. Еще бы – этот крутой орал, что за все заплатит. Ну, народ и обрадовался, а Артем в тратах вообще никогда не стеснялся. – Костик хихикнул. – И вот подходим мы к кассе, и тут начинается цирк на льду – карточка-то заблокирована!

– Неужели? – Виктор почувствовал, как настроение у него стало подниматься.

– Ага! Ну, он, конечно, ругается, особенно банк вспоминает незлым тихим словом, выгребает из кошелька всю деньгу, одалживает еще и у Дениса – ну, ты же знаешь этого подхалима – небось рассчитывал на то, что Артем потом не поскупится с благодарностью…

– И что дальше? Неужели поскупился? – Виктор слегка ухмыльнулся.

– Еще веселее! Идем мы втроем в банк – Артем, Денис и я для компании, разбираться, в чем же дело… Остальные жратву на квартиру понесли…И вот заходит Артем в банк, начинает скандалить, и тут выясняется, что счет-то заблокирован его папашей!

– Неужели? – Виктор почувствовал, что его ухмылка становится все более злорадной. – И что же дальше?

– А дальше хватает он трубку, звонит папаше и тут… – Костик сделал эффектную паузу, чуть прищурив глаза, а Виктор

тихо хмыкнул, подумав, что Костику следовало бы податься в актеры – ну что он забыл на экономическом? – И тут ему так вежливо в ответ – средств на вашем счете недостаточно для выполнения такой операции…И вот он смотрит на трубку и бормочет "отец же счет должен был пополнить…" А теперь представь физиономию Дениса, который выложил кучу своих кровных, а получить обратно не может…

Виктор так живо представил себе это, что едва удержался от громкого смеха – Денис был завзятым жлобом, и большинство народа его сильно не любило.

В аудиторию вошел лектор и увлекательный разговор пришлось закончить. Костик еще пытался шептать, как он веселился, когда они пришли на квартиру и увидели, кто половину еды уже приговорили, как Артем пытался понять, что происходит, и никак не мог поверить, что папаша решил его слегка проучить, как Денис требовал назад свои деньги… Тут терпение лектора лопнуло и на этой жизнерадостной ноте Костику пришлось покинуть аудиторию, чему тот нимало не огорчился. Виктор еще различил в его шепоте отвлеченные рассуждения о том, куда ему сейчас лучше пойти – в столовку или сразу на пиво и опять едва удержался от смеха. Он ничуть не жалел о содеянном. Наоборот, был уверен, что поступил правильно.

Глава 5.

Торесков, 19 августа. Марк.

Марк мысленно выругался. Как же его раздражало это поручение. Особенно раздражало потому, что он никак не мог понять, что же замыслил Зварыгин. Разве что тот всерьез считал, что Марк во всем этом замешан и проверял именно его.

От его информатора из компании не поступало никаких известий. Но это могло означать всего-навсего, что ничего форс-мажорного, требующего немедленного возвращения Марка из командировки и личного вмешательства, не произошло. В принципе, это подтверждали и ежедневные отчеты его заместителя, и краткие доносы на мобильник еще пары лиц – он не оставил место случайности и не пустил дело на самотек.

Что касается его поручения, то он успешно его закончил и теперь прокручивал в голове произошедшие встречи.

Эта девчонка была ни при чем. Марк неплохо разбирался в людях, поэтому Маргариту Топикову выкинул из головы сразу, как только с ней побеседовал. Девка, на уме которой только парень и ее работа, болтовней о которой она его просто достала – по-видимому, приняв за возможного спонсора. Да и в компьютерах, как выяснилось, она разбиралась на уровне среднего пользователя – Марк выяснил это, словно случайно затронув один из вопросов, что ей явно сказало мало. Название компании ей тоже, похоже, ничего не говорило, она просто пропустила его мимо ушей, рассуждая о своей готовящейся выставке. Марк передернул плечами – нет, явно пустой номер.

Насчет Дмитрия Зорина он был уверен намного меньше. Среднего роста, спортивного телосложения, он, похоже, проводил время отнюдь не только за компьютером. Мужчина держался явно себе на уме, хотя на упоминание компании не отреагировал. Во всяком случае, если название "Аэда" ему что-то и говорило, он никак на этого не показал. И вообще, говорил мало, явно предпочитая слушать, и делать какие-то свои выводы. Этот из тех, кого разговорить почти невозможно, а чего-то от него добиться…

Оставался Виктор Лесков. Марк внимательно изучил его досье и быстро придумал благовидный предлог для знакомства. Он позвонил Виктору на мобильный и сослался на ту компанию, которая регулярно подбрасывала ему халтуру, потом поинтересовался, возьмется ли он за разовую хорошо оплачиваемую работу и попросил о встрече. Парень согласился без долгих раздумий, деньги, похоже, действительно были ему не лишними, и назначил встречу в небольшом приличном кафе в

центре города.

Марк пришел на встречу заранее и отметил, что Виктор оказался весьма пунктуальным – он вошел в кафе за две минуты до назначенного времени. Разумеется, в собранной информации была и его фотография, но она не передавала того, что он сразу почувствовал при личной встрече – у парня явно был характер.

– Вы Марк Туров? Я Виктор. – Он не протянул руки для пожатия, просто уселся за столик, окинув его оценивающим взглядом. – Вы говорили, что хотели предложить мне работу? Я вас внимательно слушаю.

– Разумеется. – Марк кивнул, а потом принялся описывать, что за программу он бы хотел получить, при этом пытаясь понять, чем же парень так выделяется. Лицо спокойное, причем красивым или симпатичным не назовешь – скорее, интересным. В кафе он заказал только чашечку кофе, но из чашки отхлебнул всего пару раз. Одежда самая обычная, русые волосы собраны в хвост, вот только глаза… Глаза оставались холодными и отстраненными, Виктор внимательно слушал, время от времени кивая, но словно одновременно находился где-то очень далеко. "Что-то фантазия разыгралась," – недовольно подумал Марк. – "С чего вдруг? Надо будет все же разобраться с тем, что задумал Зварыгин…"

– Полагаю, ничего сложного в этом нет. Расценки вам известны? У меня только два вопроса – во-первых, когда вам нужен результат?

Марк спокойно кивнул – этот вопрос он предвидел.

– За день управитесь? Расценки, разумеется, известны.

– Тогда второй – почему вы настояли на личной встрече? Все эти вопросы по работе легко решаются через телефон и интернет. Так же я вам перешлю готовую программу, так же вы мне переведете деньги. Согласитесь, это немного странно.

Марк мысленно чертыхнулся, отметив, что парень совсем не дурак.

– Боюсь, это многолетняя привычка – сначала оценить возможного служащего. Я, вообще, работаю на компанию "Аэда" – но эта программа нужна лично мне, и срочно, поэтому я к вам и обратился. Сегодня выходной, а отыскать работников в выходной дело непростое. Так вы беретесь?

– Да, разумеется. – Виктор кивнул и встал, оставив на столе почти полную чашку. – До завтра я справлюсь и перешлю готовую программу вам. До свиданья.

Марк тоже попрощался, с легким разочарованием отметив, что на упоминание компании Виктор никак не прореагировал. Затем проводил его взглядом и заказал себе хороший обед. Надо же получить хоть какое-то удовольствие от посещения этой дыры.

Он опять принялся вспоминать все три произошедшие встречи. Нет, никто из троих никак не отреагировал на название компании. Марк считал, что в людях разбирается неплохо. Даже если человек остается невозмутим, почти всегда можно уловить исходящее от него напряжение. Но все трое вели себя естественно, не прилагая никаких усилий сдерживать эмоции. Разве что Зорин… Но там, скорее, просто характер такой у человека – он просто замкнут для чужих, не важно, кто это. Своеобразная защита.

Что-то Марка все же тревожило. Что-то настолько трудноуловимое, что ему понадобилось довольно много времени, чтобы проанализировать свои ощущения. Наконец он понял – ощущение чужого взгляда. Разумеется, за Виктором следили, Зварыгин сам ему об этом сказал. Но это ощущение не пропало и после того, как парень вышел из кафе. Похоже, начальник отдела безопасности приказал установить слежку и за ним. Марк ощутил, как внутри накапливается ненависть пополам со злостью. "Значит, на меня тоже, да?" – он заставил себя остаться невозмутимым. Как бы пристально не проверял его невидимый наблюдатель, все равно обнаружить ничего бы не смог. Потому что обнаруживать было просто нечего. От этой мысли Марк ощутил, что его настроение начало повышаться. Зварыгин ткнул пальцем в небо и проиграл. Похоже, он действительно подозревал его в возможной связи с неизвестным хакером. "Как бы этот гад прослушку на мой телефон не поставил", – с легким беспокойством подумал Марк, но потом махнул на эту возможность рукой. Ничего сверхсекретного он по телефону не обсуждал, а имена его стукачей в компании наверняка известны и так. Во всяком случае, в большинстве. Знал же он большинство тех, что стучит на него Зварыгину. От закулисной игры никуда не денешься.

А план Зварыгина, в чем бы он не состоял, явно провалился. Ну и плевать. Теперь стоило поразмыслить, как повернуть себе это на пользу. Лучше всего дождаться его отчета на очередном совещании, а когда все уразумеют, что дело не сдвинулось с мертвой точки – высказать несколько завуалированных намеков. Тут принесли заказ, и Марк приступил к еде, обдумывая, в какой форме это должно прозвучать. Свою миссию он выполнил успешно, а это – самое главное.

Закончив обед, он принялся смотреть в окно. Установившееся затишье в делах Компании его беспокоило. Ничего сверхсрочного, что могло бы объяснить его командировку, так и не произошло, о хакере никаких известий… Вроде бы волноваться совершенно не о чем. Но – он чувствовал, что очень скоро все изменится.

Компания была намного важней, чем могла казаться любому непосвященному. Она распоряжалась огромными деньгами, причем очень много было вложено именно в долгосрочные проекты. Мало кто подозревал, сколькими патентами они владели, сколько открытий было куплено лишь для того, чтобы навсегда остаться на бумаге… Почти никто, кроме высшего руководящего состава не знал, сколько правительственных заказов они выполняли, и какого уровня разработки тут велись. Какие люди вкладывали в нее деньги. Всего не знал даже он, несмотря на доверие, которое питал к нему Генеральный.

За Компанией было будущее. Да, это был долгосрочный проект, и не было ни одного другого такого масштаба. На них работали лучшие ученые – как те, кого можно назвать гениями, так и просто талантливые люди всех категорий. И власть таких масштабов опьяняла. Да, слишком многие хотели покончить с Компанией, а еще больше – прибрать ее к рукам. Но Генеральный был гением – он не просто смог создать Компанию – но и сумел отстоять независимость своего детища, ловко играя на столкновении интересов богатых и могущественных людей. Круг акционеров был крайне ограничен, и каждый зорко следил, чтобы никто другой не получил преимущества. Акции нельзя было продать или передать – устав гласил, что в таком случае пай возвращается Компании и распоряжаться им может только общий совет акционеров. Все было продумано так, чтобы никто никогда не смог получить контрольный пакет.

Марк расплатился и вышел из кафе. К своему положению заместителя Генерального он шел долго, очень долго. Ему доверяли, и он не раз оправдывал доверие. Он всегда был честолюбив и, поставив цель, долго и упорно ее добивался. И сейчас никому не позволит оттеснить себя. Уж тем более, Зварыгину….

* * *

За два месяца до этого. Химера. Воспоминания.

Моя новая полужизнь… Я училась. В первую очередь училась понимать свои способности. Для меня тоже существовали опасности – хотя ни одна не грозила моему существованию в целом. Но была опасность утратить часть себя… Часть памяти, часть эмоций, часть личности… А я и так потеряла слишком многое.

Потоки… Потоки могли быть порой опасны, могли увлечь туда, откуда очень трудно вернуться, могли сбить с толку, дезориентировать. Могли причинить боль…Но все равно, манили и звали… И я ныряла в них, позволяла им становится частью себя и сама становилась частью потока… Именно они были моей

силой.

Я собирала информацию. Информацию о компании, информацию о Панском, и еще об одном человеке… О начальнике безопасности компании Иване Николаевиче Зварыгине…

Торопиться мне было некуда. Я любила находиться в своем виртуальном доме – крохотном уголке, где я на время становилась собой. Почти человеком. Где я даже могла видеть в зеркале свое отражение…

Реальный мир остался далеко за гранью. Но находится здесь тоже было совсем неплохо. Вот только… Только после того, как я в нем освоилась, меня стала мучить тоска. Тоска и одиночество.

Эти чувства всегда были со мной, но еще никогда я не ощущала их так ярко. И если бы не письма от Виктора, я бы вряд ли выдержала долго. Но осознание того, что в мире остался человек, которому я небезразлична, заставляло бороться.

Я менялась. Постепенно, порой незаметно для себя, порой сознательно. Да и могло ли быть иначе? Я приспосабливалась к новому миру, навсегда поставив крест на том, что было раньше, я искала себе новые цели и новый смысл. Хотя самой основной целью и основным смыслом по-прежнему была месть.

Панский… Я следила за каждым напечатанным им письмом, за каждой строчкой в тех отчетах, что он писал. За всем, до чего могла добраться и что могла выяснить. Не знаю, чего я ждала – этому человеку было глубоко наплевать на все, кроме своей работы. И вдруг это письмо…Письмо начальнику службы безопасности… Внезапно я поняла, что именно такое, или очень похожее письмо было отправлено им месяц назад…"Для продолжения работы над проектом мне нужен еще один человек. Мои требования вы знаете, постарайтесь уложиться в неделю. Из-за потери данных при прошлом эксперименте я не могу продвигать исследования вперед."

Меня скрутила такая ненависть, что я потеряла контроль над собой. Этому мерзавцу было мало моей смерти! Что-то перемкнуло в мозгу, я хотела уничтожить его немедленно… Своими руками…Внезапно я ощутила огромный поток энергии, омывающий меня, и, почти не осознавая что делаю, черпнула из него…

Сознание раздвоилось. Я по-прежнему висела среди потока и одновременно находилась в чьей-то квартире. Глаза зафиксировали, что обстановка была весьма дорогой – паркет, обшитые панелями стены, кожаные кресла, стол из дымчатого стекла, и сидящий за ним и работающий на компьютере человек… В этот момент я опять перестала воспринимать

окружающую обстановку, поскольку узнала его. Панский!

Возможно, я издала какой-то звук, возможно, сделала какое-то движение. Я почти не осознавала происходящего. Но он явно что-то услышал, потому что резко обернулся, а потом подскочил, а глаза его медленно вылезали из орбит.

Даже не могу представить, что ему довелось увидеть, поскольку не представляю, как я выглядела в тот момент. Меня сжигала ненависть, а возможность осуществить ее своими руками казалась даром небес. Я медленно двинулась к нему, не отводя глаз.

Он отступал, явно не веря своим глазам и что-то бормоча. Я расслышала только что-то вроде "ты?" и "невозможно…" Хотя я не вслушивалась. Я шла к нему, чувствуя в себе невероятную энергию и вполне понимая, что сейчас его убью. Мной управляли ненависть и жажда мести, воспоминания о запредельной боли и страхе. Но самое главное… Самое главное, я хотела его уничтожить, прежде чем он обречет на эти муки еще одно живое существо.

Он медленно отступал… Похоже, он тоже был в шоке, поскольку явно почти не соображал, что делает. Балконная дверь была открыта и он, отступая в нее, оказался на улице.

Похоже, свежий воздух привел его в чувство. Он огляделся по сторонам, словно сообразив, где находится, а потом, выкрикнув что-то невнятное, бросился на меня.

Едва он прикоснулся ко мне, моя ненависть выплеснулась наружу. Я не сразу поняла, что произошло, но он с криком отлетел от меня, словно отброшенный сильным ударом, и его кинуло прямо на низкие перила балкона. Некоторое время он пытался удержаться, судорожно взмахивая руками, а потом с диким воплем полетел вниз.

Я лежала на балконном полу, чувствуя, как силы быстро вытекают из меня. Даже энергии, что я черпала из потока, не хватало – она уходила, как вода в песок. Последним усилием воли я заставила себя приподняться и посмотреть вниз, зафиксировав в памяти увиденное. И тут мое сознание размыло, и я снова очутилась в мире, который постепенно становился для меня все более знакомым. Я ощущала странное безразличие и опустошенность. И еще надежду – возможно, связь с реальным миром больше не была для меня потеряна…

В растерянности я свернулась клубочком в мягком кресле своего виртуального дома и думала, думала… Что же произошло со мной? Я стала убийцей. Пусть невольной, но от фактов никуда не денешься. Да и потом, я бы повторила это вполне сознательно и ничуть не раскаивалась бы в содеянном. Он заслуживал смерти.

А вообще любопытный казус – жертва, убивающая своего убийцу. Но теперь, когда ненависть схлынула, я словно повисла в пустоте. Слишком сильно мной владело это чувство, и когда оно ушло, я утратила стержень, который удерживал меня над бездной и заставлял жить. Но мысль о том, что на какое-то время я стала живой, дала новый смысл моему существованию.

Смерть Панского меня не просто опустошила – я словно утратила цель, ради которой жила. И в то же время обрела новую. Месть была оставлена позади – я не забыла о ней, но она меня больше не интересовала. Ни компания, ни Зварыгин. Теперь я просеивала горы информации с совершенно другой целью. Я пыталась понять, что же со мной произошло. И хотела снова обрести доступ в реальный мир.

* * *

Торесков, 19 августа. Виктор.

Виктор вышел из кафе и медленно пошел по улице. Разговор ему не понравился, как и этот Марк. Как будто была у этой встречи какая-то совсем другая цель, неизвестная ему. Но раз уж он взялся за это дело, работу следовало выполнить.

Направляясь к дому, он опять ощутил это странное чувство – как будто за ним кто-то наблюдал. Виктор огляделся и нахмурился – определить на людной улице, кого он интересует, не представлялось возможным. А может, действительно, у него развивалось что-то вроде мании преследования?

Он свернул в переулок, направляясь к дому, и спустя 15 минут уже поднимался по ступенькам. Открыл дверь в комнату и остолбенел – в его квартире был учинен настоящий обыск, причем до того нарочитый, что это бросалось в глаза. Оба шкафа были раскрыты, вещи вывалены на пол. Первым делом Виктор бросился к компьютеру и с облегчением убедился, что машину не тронули. Тогда что все это значило? Ценностей и денег он дома не хранил, да и смешно говорить об ограблении, когда не забрали самую дорогую вещь в его доме. Он медленно принялся наводить порядок, приходя к выводу, что тут явно есть связь с его сегодняшней встречей – пока непонятная ему. Но что могли у него искать? Или его просто запугивали? Но зачем? Он терялся в догадках.

Более-менее распихав вещи по местам, он включил компьютер, решив все же попытаться что-то выяснить. Что дело нечисто, он убедился сразу – компания "Аэда" располагалась в столице, а в их городе не имела даже представительства. Насколько он понял, она занималась какими-то научными разработками. И зачем представителю компании понадобилось приезжать в их город, нанимать его на разовую работу, тем более,

что у нее был свой компьютерный отдел? Просто смешно.

Странно и непонятно. Программу он написал быстро – она оказалась на удивление несложной и теперь пытался сообразить, где же он слышал раньше название этой компании. Увы, вспомнить он не мог. Но оставить произошедшее, не попытавшись разобраться, он тоже не мог. Просто это не укладывалось в голове – с чего он заинтересовал представителя этой компании? Почему его выманили из дома, назначив встречу, и учинили обыск? Ведь они должны были понимать, что он непременно свяжет эти события? Значит, пугали. Виктор почувствовал, что начинает злиться. Нет уж, не на того напали. Он принялся просматривать те данные, которые смог найти о компании "Аэда" и очень скоро выяснил несколько вещей.

Все официальные данные о компании были на редкость немногочисленны. Словно руководители ее совершенно не нуждались в лишней рекламе. Это было любопытно, и Виктор опять воспользовался своими способностями. И тут выяснились вещи, которые заинтересовали его еще больше.

Во-первых, данные о компании "Аэда" были засекречены так, что найти нужное оказалось достаточно сложно. Те данные, что все-таки просачивались иногда в официальную прессу, составляли крохотную вершину айсберга. Компания была богата, очень богата. Но кому принадлежали деньги, понять было сложно. Выяснить состав совета акционеров не удалось даже ему.

Во-вторых, за последнюю неделю компания потеряла кучу денег – это стало понятно из отчетов, к которым он получил доступ благодаря своим новым способностям. Кучу денег даже по их понятиям. Он слегка присвистнул. Кто-то подложил руководству хорошую свинью. А в-третьих, он прочитал приказ по компании о разделении внешней и внутренней компьютерных сетей, датированный двумя днями ранее. В принципе, это могло означать только одно – компания опасалась компьютерного взлома, причем настолько, что пошла на явные неудобства. Виктор встал перед зеркалом и некоторое время молча себя разглядывал. Вроде, провалами в памяти он не страдал. Но если в нем по какой-то причине подозревали крутого хакера, вряд ли они отступятся. Но сам-то он знал, что никаким компьютерным взломом не занимался! Да и способности у него прорезались совсем недавно… Интересно, а почему подозревают именно его?

Виктор подошел к окну и выглянул на улицу. Уже стемнело, за окном прохожих не наблюдалось. Зато совсем недалеко стояла машина, причем ее водитель явно никуда не торопился. И это вечером, когда вот-вот пойдет дождь. Неужели недавние ощущения не были галлюцинацией и за ним действительно

следили? Он некоторое время обдумывал ситуацию. Вот и случилось то, чего он опасался – кто-то заподозрил о его способностях проникать куда угодно без всяких паролей. Или его подозревали в чем-то другом? Самым правильным было вести себя так, как будто бы он мало что может понять. Значит нужно выкинуть из головы компанию и заниматься делом дальше – отослать программу и делать вид, что ничего не произошло. Хотя… Поверят ли они в то, что он такой идиот? Но любой другой вариант наверняка вызовет еще больше подозрений. Нет, следовало еще раз все обдумать. Виктор отправился на кухню и заварил себе чаю. Хорошенько обдумать.

Глава 6.

Столица, главный офис компании «Аэда», 20 августа. Марк.

Марк сошел с самолета и направился к стоянке такси. Уже давно стемнело. Он бросил короткий взгляд на часы – одиннадцать вечера. Полет его вымотал, да еще вылет откладывали три раза, из всех желаний сейчас доминировало только одно – пойти домой и отоспаться. Но он пересилил себя и назвал водителю адрес главного офиса Компании. Такси мягко тронулось с места, и сам он некоторое время бездумно любовался убегающими вдаль огоньками. Конечно, почти все дела могли подождать до завтра, но кое-что важно было проверить как можно скорее. А для этого нужно было получить доступ к файлам, которые хранились в его компьютере. Не будь сети разделенными, он спокойно мог отправиться домой и заняться этим делом оттуда. Марк еще раз помянул недобрым словом неизвестного хакера, из-за которого он был вынужден вместо желанного отдыха тащиться в офис. Потом еще более лестно охарактеризовал Зварыгина, из-за которого он не мог спокойно отдыхать, не разведав обстановку, которая сложилась в компании за время его отсутствия. Разумеется, перед отъездом он подстраховался, поскольку не исключал вероятности, что начальнику службы безопасности нужно было просто удалить его из города. Но обстоятельства могли сложиться самые разные – возможно придется действовать немедленно. Поэтому выбора особого не было.

Марк вышел возле здания, расплатился с водителем и направился к входу. В ночном небе оно высилось темной громадой – за исключением сияющего первого этажа. Хотя нет – где-то наверху светилось несколько окон. Марк быстро пересчитал этажи и бессознательно нахмурился – кто из руководства Компании мог так задержаться? Или все-таки что-то случилось? Все это следовало выяснить, и как можно скорее.

Разумеется, здание охранялось, у входа стоял один из охранников, кивнувший ему с невозмутимым выражением лица. Еще один, дежуривший в КПП, с не менее невозмутимым лицом смотрел, как он направился в сторону лифта. То, что о его визите в нерабочее время будет доложено Зварыгину, он ничуть не сомневался. Он и сам прикармливал целую кучу прихлебателей с единственной целью – всегда быть в курсе событий. Интересно, какие вывода сделает начальник службы безопасности о его визите? Впрочем, пусть поломает голову, ему это не повредит.

Марк поднялся в лифте наверх, где располагались кабинеты

руководящего состава. Другого способа попасть сюда не существовало. Привычно направился по коридору, почти не обращая внимания на окружающую обстановку, когда тишину разорвал звук, настолько непривычный, что он на мгновение растерялся. Выстрел. За ним последовал еще один. Марк замер, потом попятился назад, лихорадочно нащупывая трубку мобильного.

Что бы тут не происходило, он не собирался корчить из себя героя. Набрав наконец номер охраны, он быстро сообщил о выстрелах и принялся ждать, стоя возле лифта и каждую секунду ожидая, что из-за поворота коридора появится человек с пистолетом… Теперь он жалел, что не спустился сначала на лифте сам – охрану можно было вызвать и потом – все равно сбежать у злоумышленника шансов нет. Другого пути на этаж не было, а лифт полз со скоростью умирающей улитки – Марк ощущал, как сердце пропустило несколько ударов, когда ему что-то послышалось. Наконец двери лифта открылись и из него выскочили четверо парней в форме охраны компании, каждый из которых сжимал в руке пистолет. Марку сразу же стало легче дышать. Ребята действовали вполне профессионально – разделившись на пары, быстро вламывались в офисы по обеим сторонам коридора, на несколько мгновений исчезали в помещении, а потом двигались дальше. Марк сначала хотел спуститься вниз, но любопытство победило, и он остался ожидать результата наверху.

Шум впереди заставил его насторожиться, а потом двинуться вперед. Во всяком случае, выстрелов больше не было. Он различил голос одного из парней, быстро говорящего по телефону, и прислушался. Из-за расстояния слова различить было почти невозможно, и Марк ускорил шаг, разумно полагая, что если бы опасность еще существовала – вряд ли бы охранник вел беседы по телефону. И успел уловить конец фразы: "Хорошо, Федор Павлович…"

Терпение Марка наконец лопнуло – Федор Павлович Чижов был заместителем Зварыгина. Что же могло произойти? И тут он наконец увидел…

Прямо за поворотом коридора, на ковре лицом вниз лежал человек, сжимая в одной руке пистолет, а другую с судорожно сжатыми пальцами вытянув вперед. Один из охранников пытался нащупать пульс, другой говорил по телефону. Увидев Марка, он кратко доложил:

– Я вызвал скорую и поставил в известность Федора Павловича. Похоже, на него напали и он отстреливался. Но следов злоумышленника мы пока не нашли. Вы ничего не видели

при выходе из лифта?

Марк молча покачал головой, а затем наклонился над лежащим человеком и ошеломленно замер. Перед ним с искаженным лицом и закрытыми глазами лежал начальник службы безопасности, Иван Николаевич Зварыгин…

* * *

За две недели до этого. Химера. Воспоминания.

Я не представляла, насколько меня сжигала ненависть. До той поры, пока не утратила ее. Оказалось, что в мире есть множество забавных и интересных вещей – и есть люди, которым я до сих пор не безразлична.

Теперь я никуда не торопилась. Я читала то, что мне интересно, изучала то, что всегда хотела знать. У меня было много времени. По сути, время было бесконечным… Словно волна, несущая меня вперед, схлынула и дальше я должна была идти сама. И я шла – в легкой растерянности, не зная толком, в какую же сторону мне двигаться, почти бездумно и бесцельно – но получая удовольствие от каждого своего действия.

Любопытно. Я придумала себе особый знак. Маленькую голубую бабочку. А потом принялась вовсю развлекаться. Это было так забавно – проникать туда, куда, как большинство полагает, проникнуть просто невозможно… И оставлять им на память бабочку. А потом наблюдать за паникой, которая поднималась после этого. А ведь я думала, что больше никогда не смогу веселится. Оказалось, что во мне осталось так много человеческого…

Я стала интересоваться тем, что происходило в мире. В том мире, который был для меня по-прежнему реальным, поскольку мир, в котором я существовала, для меня все еще был чуждым. Я мечтала увидеть солнце… Небо… А не это бесконечное мельтешение красок, сумасшедшие переплетения потоков, не это место, где не существовало ничего устойчивого и постоянного… Кроме моего небольшого убежища.

Я так и не понимала, как тогда оказалась в реальном мире. И сколько не пыталась, не могла этого повторить. Пока не могла – я почти не сомневалась, придет время и у меня все получится. А время… Времени у меня было в избытке. Я пыталась снова и снова, порой впадая в мрачное отчаянье, порой сходя с ума от надежды, что вот-вот… Но повторить того, что получилось тогда случайно, под влиянием эмоций, у меня не получалось. Я впитывала энергию потока и пыталась оказаться там, снаружи… Но раз за разом терпела поражение. Я пересматривала кучу информации, но ничего полезного не находила. Но продолжала искать и пытаться… Снова и снова…

Порой избыток времени становился мучением. Если бы не Виктор, я бы не выдержала, просто сломавшись в какой-то момент, после очередной неудачи. Но он поддерживал меня, как никто. Он не подозревал о произошедшем, но понимал, что со мной происходит что-то нехорошее. И сам не подозревал, сколько значили для меня его слова утешения и надежды.

Пожалуй, я любила его. Насколько вообще может любить такое существо, в которое меня превратили. Но в этой любви не было ни капли романтических чувств. Так можно любить брата, сестру, родного и близкого человека, кроме которого у тебя никого не осталось в этом мире. Скорее даже не любовь, а привязанность на грани одержимости. Просто я в какой-то момент осознала, что меня весьма мало что привязывает к моему существованию. Только надежда снова, хоть ненадолго очутится на свободе… И Виктор…

Мой второй выход наружу тоже был во многом случайным. Я просто бездумно висела в потоке, позволяя ему омывать сознание, не пытаясь ничего анализировать или искать… Просто получая удовольствие от тепла и неяркого света, как вдруг ощутила, что сознание раздвоилось… Я невольно черпнула энергии… И очутилась снаружи.

Свет ударил по глазам, причиняя физическую боль, голова кружилась так, что я едва не упала, шум оглушал. Я ухватилась за что-то рукой, попыталась устоять на ногах и понять, что со мной происходит… Пожалуй, времени мне понадобилось немало. Я стояла, зажмурившись, и дышала, дышала, чувствуя себя невероятно живой, ощущая весь спектр эмоций. Потом открыла глаза.

Я стояла на обычной улице, уцепившись рукой за дерево… Наверно, была середина дня, сама улица показалась мне незнакомой. Шумели машины, шли люди. Прохожие скользили по мне взглядами и отворачивались – видно, видок был у меня еще тот… Я отпустила дерево и сделала несколько шагов вперед, остановившись перед зеркальной витриной магазина и с жадным любопытством уставившись на свое отражение.

Я выглядела точно так, как и месяц назад, когда в последний раз в своей жизни вышла из дома и направилась в лабораторию – одетая в легкий топик и джинсы. Волосы по-прежнему едва касались плеч. Я почти не изменилась, разве что лицо словно утратило подвижность и превратилось в маску, лишенную всякого выражения… И глаза… Глаза теперь были не карими, а абсолютно черными, лишенными блеска – словно зрачок внезапно поглотил радужку, заняв ее место.

Существо, разглядывающее меня в ответ с зеркальной

витрины, было мной лишь частично. Чем дольше я вглядывалась в свое отражение, тем сильнее понимала, что возврата к прежнему миру нет и быть не может. Катя умерла, оставив мне свои воспоминания и, может, частичку души. Из-под неподвижной маски на мир почти бесстрастно смотрела Химера.

Я отвернулась, и принялась рассматривать окружающий мир. Я испытывала странную смесь узнавания, чуждости и сожаления… Небо было затянуто тучами. А мне так хотелось увидеть солнце. Часть сознания, оставшаяся в сети, требовала вернуться, вернуться сейчас же и немедленно… Но я не могла… Меня разрывали противоречивые желания, одновременно меня терзали радость и тоска, желание сбежать и оставаться тут как можно дольше…Я не могла представить, что реальный мир вдруг окажется мне таким же чуждым отныне, как и мир потоков. Мои силы быстро убывали. Не знаю. каким образом я могла выходить в реальность, но это требовало очень много энергии… Столько, что та моя часть, которая черпала ее из потока и передавала мне, просто не справлялась…Еще несколько минут я боролась, пытаясь продержаться как можно дольше, после чего внезапно утратила связь с реальностью, очутившись в внутри потока… Но теперь мне было легче. Я знала, что смогу повторить это снова…Стоит мне только захотеть…

Следующую неделю я училась. Оказалось, я могу контролировать место выхода – достаточно, чтобы в этом месте был доступ к Интернету. Ориентиром могли служить даже мобильные телефоны. Их местоположение было привязано к карте, так что оказаться в реальном мире именно там, где мне хотелось, быстро перестало представлять проблему. Проблема была в другом – я слишком мало времени могла в нем находиться. Не больше десяти минут… И это тоже мучило меня, поскольку преодолеть ограничение и увеличить время хоть ненадолго я не могла… Не хватало сил… А каждый выход в реальность изматывал, потому что я изо всех сил старалась держаться в реальности как можно дольше.

Но все же теперь я впервые за все прошедшее время ощущала себя счастливой. Хотя нет, не так – впервые за все время, с тех пор, как мир потоков стал моим миром, я не ощущала себя несчастной. Мне больше не хотелось умереть, не приходилось бороться с самой собой. Я смирилась. Потому что теперь в моей жизни были моменты острого счастья – так ярко не может чувствовать обычный человек. Мелочи, каждая из которых была для меня драгоценна. Потому что я теперь могла видеть солнце… Небо… Других людей… И Виктора.

Разумеется, сам Виктор ни о чем не подозревал, но я часто

видела его. Не знаю, почему я так поступала – ведь, по сути, я следила за ним. Просто мне время от времени нужно было знать, что у него все хорошо. Я не позволяла ему себя заметить, я не могла ничего рассказать… Я презирала себя, но поступать по-другому тоже не могла. Слишком много он стал для меня значить…

Когда связь с реальностью прерывалась, мое тело просто исчезало… Я выяснила это, поставив достаточно сложный эксперимент. Появившись ночью в магазине, продающем технику, я нашла и установила видеокамеру, потом прервала связь. Появившись там же спустя несколько минут, просмотрела получившийся ролик. Потом ролик стерла, а видеокамеру вернула на место… И всерьез задумалась…

Мне не стоило светиться. Да и что подумают люди, если у них на глазах будет появляться и исчезать человек? Но удержаться от выхода в мир я не могла… Да и не хотела…

Я часто шаталась по городу, по своему родному городу – почему-то чужие меня не манили. Мне не тянуло к новому – наоборот, хотелось восстановить в памяти места, бывшие для меня родными… Порой я рассматривала здание Компании, пытаясь разобраться в своих чувствах. Но каждый раз возникал настолько сложный клубок, что я сама не могла понять, что со мной происходит.

Больше всего мужества от меня потребовалось, чтобы подойти к своей прежней квартире. Несколько минут я стояла, просто глядя на темные окна, когда за спиной раздался крик, и я, быстро обернувшись, увидела бледное лицо Лизы, моей бывшей соседки, расширившиеся испуганные глаза…

Испытанный в тот момент шок просто лишил меня остатков здравомыслия. Я струсила. Просто позволила своему телу исчезнуть, прервав связь с реальностью. Полагаю, она вполне уверилась, что видела призрака. Но я больше не рисковала ходить там, где меня могли узнать… Потому что встреча с прошлым оказалась слишком мучительной…

Это продолжалось почти месяц. Месяц спокойной, более-менее спокойной жизни. Пока в данных компании, которые я время от времени просматривала, я не натолкнулась на информацию по проекту "Феникс"…

* * *

Торесков, 21 августа. Виктор.

Виктор собирался на занятия, а внутри его зрело тревожное чувство. Хоть он и твердил самому себе, что давно пора выкинуть все глупости из головы, его не покидало ощущение грядущих неприятностей. Доказывай теперь, что ты не хакер! Или еще хуже,

если догадаются, что его способности вообще с хакерством имеют мало общего? И каким образом они вышли на него? Каким образом он вообще во все это ввязался?

Виктор несколько минут разглядывал в зеркале свою мрачную физиономию, не испытывая никакого желания выходить на улицу, но потом все-таки пересилил себя, подхватил сумку и вышел. И внезапно с удивлением увидел толпу, собравшуюся недалеко от его подъезда.

Дворничиха, стоявшая посреди толпы, явно наслаждаясь всеобщим вниманием, что-то яростно втолковывала стоящей рядом пенсионерке в цветастом пиджаке, причем ее голос было легко разобрать с другого конца улицы.

– И не спорь, Галь! Я 20 лет санитаркой проработала и на покойников насмотрелась! Молнией его шандарахнуло, не иначе!

– Мусь, какая молния? Грозы-то не было… – неуверенно возражала та дворничихе, а на лице застыло жгучее любопытство и ожидание пикантных подробностей.

– Ну… – На лице дворничихи была явная уверенность в своей правоте. – Было – не было, а умер он точно от молнии. Вот туточки прям и умер, у своей машины, едва выйти успел. Я как утром вышла, так сразу и увидала. И скорую вызвала, и милицию. Даже милиционер подтвердил, что я все правильно сделала. – Она окинула подругу взглядом, в котором читалась гордость, а потом сделала энергичный жест.

– Вот тут он и лежал!

Виктор слушал со смешанными чувствами, но в целом услышанное оставило его равнодушным. Пока он не проследил энергичный жест дворничихи, направленный на серебристую машину с тонированными стеклами и его охватили нехорошие предчувствия. Та самая машина, на которую он обратил внимание вечером. Действительно ли за ним вчера следили или он это выдумал? Но если за ним следили… И если тот, кто следил, теперь мертв… То у него будут проблемы. Да нет, не может быть!

Его охватил страх – на какое-то краткое мгновение он почувствовал себя загнанным зверем. И тут же схлынул, оставив все во власть холодной логики – если чем Виктор и гордился, то своим умением владеть собой. Сначала следовало проверить, следят за ним или нет.

Виктор быстро пошел по городу, выбирая пустынные улицы, петляя дворами, время от времени замирая, и прислушиваясь. Спустя полчаса он был точно уверен, что за ним никто не следует. Неужели он все выдумал?

Направляясь в университет, он обдумывал все произошедшее, но ни к каким выводам не пришел. То, что за ним следили,

вполне могло ему просто показаться… То, что его квартиру обыскали, могло быть просто совпадением – допустим, воры искали деньги, не нашли и сбежали… Хотя почему тогда комп не тронули? Нет, глупости. Не бывает таких совпадений. В этой истории слишком много загадок. И самая важная – что им о нем известно и за кого его принимают?

Он как раз заходил в корпус, когда на его плечо легла чья-то рука. От неожиданности он рванулся, и только изумленный возглас за спиной привел его в чувство. Он сделал глубокий вздох, заставив себя спокойно обернуться и постараться выжать что-то похожее на улыбку.

– Вик, ты чего? – Костик недоуменно хлопал глазами. – Я всего лишь конспект хотел одолжить переписать…

Нет, если так пойдет и дальше – он начнет не просто шарахаться от каждой тени. Он будет вызывать подозрения, причем сильные подозрения. Следовало взять себя в руки.

– Просто ночь почти не спал, а в конце еще ужастик просмотрел. И сейчас как раз вспоминал. – Виктор усмехнулся. – Там тоже момент был похожий – идет себе человек, никого не трогает, а тут рука сзади и хап его… Вовремя ты меня по плечу похлопал…

Озадаченное выражение полностью исчезло с лица друга, и он весело расхохотался:

– Да уж, угадал. Так дашь конспект? Завтра верну, обещаю.

Виктор молча полез в сумку и протянул просимое. Радостный Костик мгновенно схватил его, подмигнул и заговорщицким шепотом произнес:

– Но все же не смотри ужастики перед универом. Кто мне с контрольными помогать будет, если у тебя нервы сдадут? – И, снова рассмеявшись, убежал.

Виктор молча проводил его взглядом. Да, легко рассуждать, глядя на ситуацию со стороны. Говорить самому себе, что все нормально, и едва не выдать себя при первой неожиданности. Он молча покачал головой – ошибка была в том, что сначала он не придавал значения происходящему, а потом вдруг стал поступать с точностью до наоборот. Последовательнее надо быть, внимательнее. И нечего прятать голову в песок. Итак, следовало принять за аксиому, что вокруг него происходило что-то непонятное, и он сам не мог понять до конца, что именно.

Усевшись в аудитории на свое обычное место, он впервые не обращал никакого внимания на лекцию, не пытался конспектировать, с мрачным видом смотря в окно. И, наконец, принял решение – что бы не происходило, он вмешиваться не будет. Какой бы круговорот сейчас не был вокруг него – он просто

студент. Ни о чем не имеет понятия, хакером не является, потихоньку зарабатывает себе на жизнь – и все. Виктор понемногу успокоился, сосредоточился на лекции, и постарался вникнуть в суть. Нет, другого решения для него все равно нет, а значит не стоит и мучится. Он свой выбор сделал.

Глава 7.

Столица, главный офис компании «Аэда», 21 августа. Марк.

Марк смотрел на мрачное лицо Генерального, и ждал. Тот демонстрировал крайнюю задумчивость, а в этом случае оставалось только одно – молчать, пытаясь предугадать откуда будет нанесен удар. То, что он очутился ночью в здании компании и быстро взял все под контроль, было определенным плюсом. А вот то, что за его спиной явно шла какая-то игра – сильным минусом. Неужели он утратил доверие? Тогда дело действительно плохо.

– Что со Зварыгиным? – Голос Андрея Васильевича звучал на удивление ровно и размеренно, но все выражение лица говорило о другом. Проблемы. Большие проблемы.

– Сильное поражение электрическом током высокого напряжения. Врачи говорят, что выжил чудом, но сейчас угроза жизни миновала. По-видимому, у преступника был шокер или что-то вроде этого. Я говорил с Чижовым – он ничего не знает. Или молчит, поскольку ему это приказано.

– Не знает. – Генеральный принялся ходить по кабинету – и это было самым невероятным проявлением беспокойства, которое Марк когда-либо у него наблюдал.

– Никто не был в курсе кроме меня и Зварыгина.

Марк терпеливо ждал продолжения. И дождался.

– Какого тебя понесло в здание компании ночью? Хотя не отвечай, и так знаю – все ваши игры со Зварыгиным. Вечно друг друга подсиживаете. Думаешь, я ничего этого не замечал? – он пристально уставился прямо в глаза Марку, потом сухо произнес.

– Вчера хакер взломал один из счетов в компании в нашем банке и увел оттуда все деньги. Пятнадцать миллионов.

Марк сумел остаться невозмутимым, но это далось ему с большим трудом. Мысли в голове заметались, пытаясь сообразить, как же такое могло случиться.

– Еще пара таких укусов – и мы потеряем все наши позиции. Я уже молчу о том, что будет на совете акционеров. Я не мог рисковать. – Генеральный не сводил с Матрина глаз. – После этого я отдал Зварыгину приказ. Ликвидировать всех троих.

Марк молчал, не сводя глаз с Генерального. В принципе, он его понимал – угрозу следовало устранить. Любой ценой.

– И он выполнил приказ? – голос Марка оставался нейтральным.

– Чижов сейчас проверяет. Я ввел его в курс дела, но очень кратко – не было времени. Да и необходимости тоже.

– Вы полагаете, что на него напали из-за этого? Но ведь за всеми троими следили? Да и как любой из них мог провернуть такое?

– Никак. Если только не допустить, что Зварыгин был прав и у хакера был сообщник в самой компании.

– Зварыгин подозревал меня? – Марк, наконец, не выдержал, и в его голосе прозвучал гнев.

– Подозревал. Хотя не только тебя.

– А вы? – Марк наконец, решил идти до конца. Следовало поставить все точки над и.

– И я подозревал. А чего ты еще ожидал? Я и самого Зварыгина подозревал – уж больно он всегда в курсе любого дела. Впрочем, что я тебе рассказываю – ты и сам прекрасно знаешь, что верить никому нельзя – чревато. Впрочем, сейчас я тебя практически не подозреваю, если тебя интересует именно это.

– Интересует. – Марк наконец взял себя в руки. – И почему?

– Потому что я тебя знаю достаточно долго. Ты кто угодно, но не дурак. А это все выглядит достаточно глупо, словно специально, чтобы бросить на тебя подозрение. Да будь ты в этом замешан, в первую очередь не полез в здание компании ночью. А во-вторых, не допустил бы, чтобы Зварыгин остался в живых. Ничего, скоро мы узнаем, кто в этом замешан. Он стрелял и не один раз – значит, видел нападающего. Хотя, как злоумышленнику удалось удрать, никто не может понять до сих пор.

– А аварийный выход?

– Заперт. И никаких следов того, что им пользовались… Хотя этот вариант, конечно, не исключен.

В кабинет, предварительно постучав, вошел Чижов и, на мгновение переведя взгляд на Марка, посмотрел на Генерального слегка вопросительно, словно спрашивая разрешения. Тот кивнул:

– Говори. Он в курсе.

– Маргарита Топикова в больнице, в реанимации – несчастный случай на дороге. – Чижов был абсолютно невозмутим. – Состояние тяжелое, но стабильное. Врачи дают хорошие прогнозы, но случается всякое… Дмитрий Зорин оказался мастером спорта по айкидо… К сожалению, напавший на него грабитель не удосужился собрать всю нужную информацию перед нападением и сейчас лежит в больнице с переломами обоих рук и травмой головы. Еще хорошо, что хоть милицию Зорин вмешивать в это дело не стал, – лицо Чижова оставалось каменным. – Михаил Орионов, наблюдающий за Лесковым, рапорта подать не успел. Умер вчера, около одиннадцати вечера, от поражения электрическим током

высокого напряжения. Сидя в своей машине. Дело расследуют в милиции, улик пока никаких. Когда его напарник прибыл утром его сменить, тело уже успели обнаружить.

– Значит, Лесков? – Марк почувствовал, как его раздражение переходит в азарт. – Вряд ли это совпадение.

– Для совпадения слишком невероятно. – Чижов кивнул. – Но сам Лесков осуществить оба нападения никак не мог – они произошли почти одновременно. Даже, если допустить, что он ликвидировал следящего за ним человека, хотя и эта версия мне кажется крайне маловероятной, остается вопрос – кто же напал на Зварыгина.

– А почему маловероятной? – Марк вспомнил встречу с Виктором и попытался понять – способен ли он на убийство.

– Потому что, чтобы убить человека шокером, надо подойти к нему почти вплотную. А Михаил никогда бы не подпустил к себе объект слежки так близко. И потом, чуть ранее он отослал отчет о проведенном обыске – если бы у Виктора хранился шокер, мы бы это уже знали. Не отметить такой предмет в отчете он просто не мог.

Мобильный Чижова тихо звякнул, и он, взглядом попросив разрешения у Генерального и дождавшись ответного кивка, поднес трубку к уху. Выслушав сообщение, произнес

– Хорошо, – и снова отключил телефон.

– Звонили из больницы. Охранник, который дежурит в палате Зварыгина, доложил, что он ненадолго приходил в себя. Согласно полученной инструкции, пытался выяснить у него имя нападавшего. Но Зварыгин, по-видимому, бредил. Произнес только одно слово.

– И какое же? – Марк чувствовал, еще немного, и Чижов начнет раздражать его не меньше Зварыгина.

– Химера.

* * *

Где-то в сети. Химера.

Проект "Феникс"… Я не поняла всего, но то, что я уяснила, наполнило меня прежней яростью и ненавистью. Они взяли за основу проект "Химера" и вывернули его наизнанку. Они планировали создать очередного монстра – но не живущего в сети, как я, а принадлежащего нормальному миру. И самое главное, уже набрали группу добровольцев на испытание.

Суть была в том, что роль компьютера теперь выполнял сам человеческий мозг. На подкорку записывалась информация, причем эта информация начинала каким-то образом быть доступна сознанию. Похоже, их совершенно не волновало, во что при этом превратится человек. Неужели они не понимали, что в

любом случае он нормальным не останется? Полистав документацию еще, я поняла, что они не исключали такой возможности…

Я поставила свою бабочку на их компьютер и поняла, что нашла для себя новую цель – мне хотелось их остановить. Любой ценой. Теперь жажда мести не обжигала огнем, сводя с ума, а холодила, заставляя мыслить логично и без эмоций. И я составила план, не удержавшись только от одного неразумного поступка – я послала Зварыгину свою фотографию. Не знаю, что толкнуло меня на это – да и не думала я о том, какие выводы они могли сделать. Возможно, мне хотелось им просто напомнить о том, что ими уже было сделано – хотя сами они наверняка бы предпочли забыть обо мне…

Как оказалось, мой план стал благополучно осуществляться. Я хотела разорить их – потому что их сила была исключительно в деньгах. Причем сделать это медленно, чтоб они все больше и больше ощущали надвигающуюся катастрофу – и не могли ничего сделать. Кроме того, я собрала всю возможную информацию о компании – все, что могло бы мне понадобиться рано или поздно. Я не торопилась – спешка могла только повредить. Но одно я знала точно – допустить, чтоб люди мучились и умирали, превращаясь в монстров, я не могла.

Больше всего мне помогло то, что я научилась прослушивать мобильники. На самом деле, в этом не было ничего сложного – они тоже принадлежали миру потоков. Беззаботное времяпровождение осталось в прошлом – я опять стала одержимой – и даже не понимала этого.

Я следила за ними – следила напряженно и со вниманием, ни на мгновение не выпуская из виду любого, что хоть что-то значил в руководстве. То, что они разделили сети, не взволновало меня ни на йоту – мне ничего не стоило выйти в реальный мир в здании компании и получить доступ ко второй сети. Чем я и занималась ночами. Главное было не дать зафиксировать себя нескольким следящим устройствам – но опять же, имея доступ к системе безопасности всего здания, это не составляло для меня труда.

Самым большим шоком стало для меня, когда я поняла, что они каким-то образом узнали о Викторе. Это заставило меня стать еще более осторожной… Очередная ошибка была недопустима. Мне было сложно разобраться во всех махинациях, в сплетении интересов, но я старалась… И достигла кое-каких успехов.

Странная поездка заместителя генерального директора, Марка Турова, не миновала моего внимания. Я следила за ним, с

мрачным напряжением понимая, что они вычислили всех, кто для меня еще хоть что-то значил – Риту, Диму… Виктора. В очередной раз я жалела о том, что не сдержалась, прекрасно понимая, что именно моя фотография дала возможность потянуть за эти ниточки. И что я сама во всем виновата.

Я научилась выходить в реальный мир часто – несколько раз подряд, и понимала, что это еще не предел. Встречу Марка с Виктором я наблюдала от начала до конца, смотря на них с другого конца улицы и сильно жалея, что не слышу слов. Я не думала, что у меня остались силы настолько переживать за кого-то…

Но настоящим шоком стало другое – внезапный приказ о ликвидации Виктора. И не только Виктора. На мгновенье я потеряла голову, меня скрутил дикий страх. Виктор был моим самым уязвимым местом – пожалуй, моим единственным уязвимым местом. И даже учитывая, что им это было пока неизвестно, они готовились нанести мне непоправимый удар.

Я вышла возле дома Виктора. Воздух сковала мелкая морось, из-за туч на небе не было видно ни одной звездочки. Человек, получивший приказ, еще сидел в машине и держал в руке телефон. Я шла, а время словно замерло – как в замедленной съемке я видела, как открывается дверь, как он выходит, пряча телефон, оборачивается ко мне с легким недоумением на лице… Не знаю, как я хотела остановить его… Что-то замкнуло в мозгу – и тогда я протянула руку и убила его.

Он отлетел назад, тело изогнулось дугой – в памяти мгновенно всплыл Панский. И, как и тогда, я ощутила, что быстро теряю силы. Сделав несколько шагов, я наклонилась над человеком, которого убила.

Он, несомненно, был мертв. Ни пульса, ни дыхания. Лицо, когда-то бывшее симпатичным, исказила судорога. Я прислушалась к себе, думая ощутить сожаление о содеянном или страх… Но не чувствовала ничего… Только равнодушие. Связь с миром прервалась, я позволила потоку унести себя, но тут же заставила себя сосредоточиться. Угроза отнюдь не миновала. Оставались Зварыгин и Царев, отдавший приказ. И они оба заслуживали смерти. И даже не потому, что убили меня. Потому что они отдали приказ убить Виктора.

Я черпнула из потока и очутилась в здании компании. Я более-менее изучила его за прошедшие дни. Кабинеты начальства располагались на двух последних этажах, доступ туда был только с помощью лифта. Но для меня было достаточно того, что Зварыгин находился сейчас там… И у него был включен мобильный…

Я возникла прямо перед ним, и замерла, пытаясь понять, что же чувствую. Ведь он был одним из тех, кто хладнокровно обрек меня на смерть. А потом столь же хладнокровно отдавшим приказ уничтожить тех, кто был мне дорог. Он сидел за столом, что-то быстро набирая на ноутбуке, но мое присутствие ощутил почти мгновенно. Он замер на краткое мгновение, а потом поднял глаза, а во всем его теле читалось напряжение, как в готовой распрямиться пружине. Увидев меня, он вздрогнул, а глаза его расширились. Меня он, несомненно, узнал, но присутствия духа не потерял – я увидела наставленный на себя пистолет. И вот тогда я расхохоталась.

Два выстрела подряд выбросили меня в мир потоков, но я мгновенно черпнула еще энергии и вернулась. Я бесшумно замерла у него за спиной, и наблюдала, как он рассматривает то место, где я только что находилась.

– Обороняться от призрака пулями? – мой голос прозвучал непривычно для меня самой – слишком долго я даже не пыталась говорить. Он резко обернулся и впервые на его лице отпечатались эмоции – но расшифровать это выражение я не могла… Да и не хотела. Он опять направил на меня пистолет, а я смотрела прямо на него, чувствуя невероятное желание выговориться.

– Вам мало было моей смерти? А ведь когда умер Панский, я не хотела больше мстить… Понимаешь, не хотела! Но вам было мало Химеры… Скольких еще вы собирались обречь на мучительную смерть? Или на сумасшествие? – Мои слова сами слетали с губ, я уже почти не контролировала себя. – А теперь вы решили уничтожить тех, кто помнит обо мне. Сначала я хотела просто остановить вас… Теперь я хочу вас уничтожить…

Еще две пули оборвали мой монолог, но я снова черпнула из потока и оказалась на месте. Зварыгин выскочил в коридор, но я больше не собиралась болтать с ним – я просто ударила его, точно так же, как била Панского, ударила своей ненавистью и энергией. Но, похоже, я потратила перед этим слишком много сил, потому что, когда склонилась над ним, различила его дыхание.

Он был еще жив. Я присела на корточки и принялась рассматривать его лицо. Энергия вытекала из меня, но я не могла заставить себя протянуть руку и добить его. Умом я понимала, что его нужно уничтожить… Но ударить беспомощного не могла. Наверно, во мне все-таки оставалось еще слишком много человеческого. И потом, я понимала, что приказывая убить Виктора, он просто передал полученный им самим приказ – решение принимал другой. Я еще колебалась, когда впереди раздались шаги. Я подняла руку, но пересилить себя так и не

смогла… Тогда я отключилась и позволила потоку унести себя.

* * *

Торесков, 21 августа. Виктор.

Виктор вернулся домой, ощущая смутную тоску. Он-то думал, что уже привык к одиночеству. Оказалось, нет – сегодня одиночество давило на него особо тяжелым грузом. И не существовало ни единого человека, кому бы он мог довериться. Да и как можно рассказать о том, что происходит? Он со вздохом включил компьютер, и некоторое время просто молча смотрел на экран, пытаясь обнаружить в глубине души хоть какие-то желания, потом вошел в "Контакт". Того единственного человека, с которым он хотел сейчас поболтать, не было онлайн. Вик ненадолго задумался, а потом загрузил одно из приложений. Вообще он спокойно относился к он-игрушкам, играя в пару разных время от времени, но именно сейчас ему хотелось расслабиться. Просто на время забыть обо всех проблемах.

Но на этот раз игра не доставила никакого удовольствия. Когда на него в третий раз напал очередной прокачанный донатер и забрал с таким трудом добытую квестовую вещь, Вик наконец разозлился не на шутку. Несколько секунд он обдумывал, как лучше поступить, а потом решился. Кое-какие знания у него были, но сделать то, что он задумал, было достаточно сложно. Но его способности не подвели и на этот раз. Провозившись час, Вик наконец добился, чего хотел. Злорадно улыбаясь, он вышел из безопасной зоны, и вежливо высказался в общем чате по поводу того, что любой донат является нубом просто в силу того, что у него не хватает мозгов играть в игру без подачек.

Нападения не заставили себя долго ждать. Несколько минут в опасной зоне стояла ошеломленная тишина, сменившаяся возмущенными воплями в чате – еще бы, людей тоже можно было понять – игрок среднего уровня, одетый весьма слабо, выносит корифеев игры, вкинувших в нее немалые деньги. После чего на него стали нападать полными пати, отчего Вик веселился еще сильнее, чувствуя, что настроение становится все лучше и лучше. Баг, обнаруженный им и тут же использованный на своем персонаже, был весьма хитрым и требовал некоторых дополнительных условий. Теперь любой наносимый ему урон автоматически переносился на его противника – своеобразный эффект зеркала. И самое забавное, чем более прокачанный нападал на него персонаж, тем быстрее он проигрывал. Вик веселился еще с полчаса, потом ему стало скучно. Отправившись выполнять квесты, он понял, что все-таки переборщил – это уже было даже не смешно. Его персонаж спокойно шел по локе, а

нападавшие мобы дружно укладывались вокруг штабелями, благородно отдавая ему опыт. Но когда босс сам себя прикончил с двух ударов, Вик со вздохом понял, что в эту игру он больше играть не сможет. Да и какой интерес так играть?

Выключив компьютер, Виктор подошел к окну и посмотрел на улицу, чувствуя, как на него опять наваливается тоска. И чем он опять занимается? Нет, все обещания зря – не пользоваться своими способностями он просто не может. И нечего переводить их на всякую ерунду вроде этой игрушки. Потешил самолюбие, а толку? А ведь он может многое, очень многое… Так, может, не стоит и сопротивляться? Ведь ему доступны деньги, информация, все, что он только захочет… И даже если за ним следят и в чем-то подозревают – со своими способностями, имея деньги он сможет легко скрыться. Сбежать от всех проблем.

Виктор вернулся к компьютеру, и очень медленно, проверяя все по 10 раз, вошел в систему самого известного в их городе банка, в котором и у него была небольшая сумма. Это было достаточно сложно – но больше всего он опасался оставить какой-нибудь след. Но нет – для всей охранной системы он оставался невидимкой. Просто невероятно.

Чтобы разобраться в системе расчетов банка, выдачи информации и прочем потребовалось довольно много времени – несмотря на образование, свои знания и способности, он все-таки никогда с таким не сталкивался. Но, терпеливо проверяя каждый свой шаг, он, наконец, нашел все нужные ему файлы. Теперь стоило только нажать пару кнопок, и он мог записать на свой счет любую понравившуюся ему сумму, пойти снять ее через банкомат, а потом стереть все следы… Причем так, что никто никогда не догадается о произошедшем. Искушение было велико, очень велико. Но что-то мешало ему перейти эту тонкую грань.

Виктор опять подошел к окну. Улица была пустынна, в темноте ярко сияли звезды. Он смотрел на них, пытаясь понять, как же ему поступать. В конце концов – он не вор. Как не уговаривай себя – то, что он едва не совершил – это самая банальная кража. У него есть свои принципы. И после некоторых поступков разве можно по-прежнему уважать себя? Нет, он и так сможет сам всего добиться. Вик продолжал смотреть на звезды, пока совесть и здравый смысл вели борьбу с демонами его души…

Глава 8.

Столица, главный офис компании «Аэда», 21 августа. Марк.

– Это не может быть совпадением, – дождавшись, пока Чижов уйдет, Марк принялся ходить по кабинету. – Но что это может значить?

Генеральный нажал на кнопку громкой связи и кратко бросил:

– Лавирина ко мне. Немедленно.

Марк посмотрел на Генерального – похоже, в отличие от него, тот уже что-то сообразил. Впрочем, лезть сейчас с вопросами не стоило, а стоило поработать мозгами. Причем тут "Химера"? Проект благополучно похоронен месяц назад, вместе со смертью Панского. Потому что, хотя Лавирин и был его заместителем, его одержимости не хватило довести дело до конца. Верней, Лавирин предпочитал делать все по-своему – идти проторенным кем-то путем было не для него. И, кроме того, Сергей Сергеевич был невероятно тщеславен – увидеть свое имя напечатанным рядом с чьим-нибудь хвалебным заявлением для него значило намного больше любых денег. Компания тщательно следила, чтобы те статейки, которые он время от времени помещал в журналы, щедро восхвалялись несколькими прикормленными критиками. Марк подозревал, что, несмотря на все достигнутые успехи, что он в глубине души страдает комплексом неполноценности. А Лавирин, почитав очередные хвалебные оды своей писанине, успокаивался, убеждаясь в своей гениальности, и полностью погружался в работу. Поставив жирный крест на "Химере" и взявшись за разработку "Феникса", Лавирин в очередной раз просто попытался превзойти Панского. Хотя самому Панскому всегда было глубоко наплевать на все соревнования – кроме чистой идеи и ее разработки его никогда ничто особо не интересовало.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Лавирин. Как всегда, он выглядел так, словно его оторвали от любимого занятия ради невозможно скучного дела. В отличии от Панского, всегда тщательно следящего за своей внешностью, он одевался подчеркнуто небрежно и часто приходил на работу небритым. Сейчас он даже не потрудился снять халат, прекрасно понимая, что ему на это ничего не скажут. И был прав – Марку было глубоко все равно, в каком виде он шатается по зданию, да и вне его тоже – в ученых нужно ценить мозги, а не внешний вид и порой идиотские причуды.

– Сергей Сергеевич, – голос Генерального оставался

подчеркнуто нейтральным. – Вы помните полученные данные по проекту "Химера"?

– Разумеется… – Лавирин недовольно поджал губы. – Хотя я не могу понять, почему вы сейчас вспомнили этот явно недоработанный и тупиковый проект.

– Разве? – голос Генерального стал тише, а Лавирин мгновенно встрепенулся. Напрягся и Марк – когда Андрей Васильевич говорил таким голосом, это означало неприятности, причем крупные неприятности лично тому, к кому этот тон был обращен, и большинство тех, кто проработал в компании долго, об этом прекрасно знали.

– А теперь скажите, Сергей Сергеевич, существует хоть какая-то вероятность того, что последний эксперимент Панского завершился успехом, причем полным успехом?

Лавирин нервно похрустел пальцами, а потом ответил с явной осторожностью.

– Я бы сказал, что шансов на это очень и очень немного. Но стопроцентной гарантии дать никто не может. В результате последнего эксперимента Панского, как вам известно, огромная часть информации оказалась уничтоженной. Даже сам Панский, пытаясь ее восстановить, то и дело наталкивался на трудности. Но предположить, что эксперимент был удачным – для меня это слишком невероятно…

– Забудь о невероятности и просто предположи, что бы получилось в результате удачного эксперимента. Я знаю, на что рассчитывал Панский и знаю, что ты был с ним не согласен… Итак?

– Панский предполагал, что получится нечто обезличенное… Компьютерный клон, не обладающий сознанием, выполняющий поставленные перед ним задачи… – Лавирин говорил медленно, обдумывая каждое слово. – Но я утверждал, что, используя его метод, никогда не удастся получить именно такой вариант. Все равно полученный клон будет обладать исходной индивидуальностью… Хотя насколько – предсказать невозможно…

Генеральный некоторое время смотрел на него, потом кивнул.

– Подними все данные по проекту "Химера". И оцени их с точки зрения того, что эксперимент удался и подобный компьютерный клон удалось создать. Я жду твой доклад вечером – промедление недопустимо.

– Могу я поинтересоваться, что произошло? – Так же осторожно поинтересовался Лавирин.

– Все вечером – не хочу, чтобы на твои выводы сейчас что-то

влияло… А пока иди.

Ученый недовольно нахмурился и вышел, а Андрей Васильевич опять нажал кнопку громкой связи.

– Чижова ко мне.

Марк молчал. Он сообразил, к чему клонит Генеральный, но идея в голове не укладывалась. Если проект завершился успехом, если созданное существо сохранило индивидуальность… Память… Тогда оно наверняка бы захотело отомстить. Им всем – и первым именно Панскому.

– Но с чего такой вывод? – Марк осмелился на вопрос, понимая, что ответ Главного послужит своеобразным индикатором – в том числе и степени доверия к нему лично.

– Ты просто недооцениваешь Зварыгина. – Генеральный задумался. – От удара электрическим током бреда не бывает. А значит, он просто попытался максимально четко сформулировать свою мысль. Чего нам не хватает, так это времени… Ничего, скоро мы узнаем, ошибся я или нет – это вопрос нескольких часов…

На лице вошедшего Чижова читалось легкое удивление – он покинул этот кабинет меньше часа назад. "А все-таки до Зварыгина ему далеко…" – с мрачным удовлетворением подумал Марк.

Андрей Васильевич взглянул на вошедшего и медленно произнес:

– Я хочу, чтобы к Лавирину, Турову, Арсееву были приставлены телохранители. Усиль охрану палаты Зварыгина – пусть внутри все время дежурит человек. Приставь телохранителя всем, кто числится в руководстве – в случае протестов ссылайся на меня.

Чижов выслушал молча, пытаясь скрыть удивление, но потом все же решился поинтересоваться:

– Мы ожидаем нападения? В таком случае, не стоит ли поставить меня в известность? Возможно стоит усилить охрану здания? И потом, даже хороший телохранитель мало что сможет сделать против профессионального киллера…

– Нападение если и будет – то весьма непрофессиональным. Скорее всего. Мы слишком долго шли на поводу – нельзя было позволять нашему противнику делать такие ходы. И если мы сейчас не начнем играть на опережение – мы проиграем… – Он на несколько мгновений задумался.

– И еще – мне нужен Виктор Лесков. Любой ценой, – он обернулся к Марку. – Это я поручаю тебе. Постарайся его уговорить, сули золотые горы – но он нужен нам здесь, в компании. Если не выйдет – подключай оперативников – в

средствах и возможностях я тебя не ограничиваю. Но помни – при любом раскладе с его головы и волос не должен упасть. Он должен оказаться здесь целым и невредимым – и чем скорее, тем лучше.

В голове Марка метались мысли – последний приказ означал, что он не должен останавливаться даже перед похищением, если в этом возникнет необходимость. И что следовало спешить.

– Я могу выполнять?

– Да, не задерживайся. И возьми личный самолет компании – чтоб не зависеть от рейсовых. Выиграть сейчас время – самое важное.

Телефон Чижова запищал, а прервавший монолог Генеральный сердито поморщился, но все же кивнул.

– Это из больницы. – Федор Павлович выглядел обеспокоенным. – На Зварыгина было еще одно покушение… Он в сознании, но хочет говорить с вами лично… И не по телефону…

* * *

Где-то в сети, 21 августа. Химера.

Почему я так и не смогла убить Зварынина? Или я просто не могла убивать хладнокровно? Да, логикой я понимала, что для того, чтобы обезопасить Виктора, я должна убить всех, кто может знать о нем. О том, насколько я завишу от него. Я сидела на диване, поджав ноги, и смотрела перед собой невидящим взглядом, прокручивая в голове последние события. Мое убежище сейчас меня не успокаивало и не давало ощущения защищенности. Виктор… Я сама навлекла на него опасность и теперь я сама должна все исправить… Пока не поздно. Я решительно встала и нырнула в поток.

Я уже действовала настолько автоматически, что даже не задумывалась над совершаемыми действиями. Мир потоков становился мне все более близким, а реальный мир – все более чужим. Наверно, я действительно постепенно теряла все то, что делало меня человеком. Да и вообще, что может служить мерой человечности? Остатки чувств и эмоций? Но разве этого достаточно? Да и они становились все слабее… За исключением привязанности к Виктору.

Потоки омывали меня, а я выискивала нужную мне информацию. Это стало для меня уже настолько естественным, как раньше ходить и дышать. И спустя совсем немного времени я знала, где Зварыгин и что с ним. Подключившись к компьютеру больницы, я ждала, пока он придет в себя. Возможно, так мне будет проще – я почти убедила себя в этом. Я ждала… Начальник службы безопасности компании теперь знал не только о Викторе – он знал и обо мне. Мне следовало его уничтожить.

Приборы передали информацию, что он пришел в себя, и это послужило мне сигналом к действию. Выждав, пока от больного отойдут врачи, я заблокировала сигнал с камеры наблюдения, установленной в палате, а потом шагнула вовнутрь.

Зварыгин лежал на постели, и при виде меня его глаза расширились. Но на помощь звать он не стал… Хотя я была почти уверенна, что мог. Трусом он не был – он спокойно смотрел на меня, только на щеке дергалась жилка – а ведь он прекрасно понимал, что я могу убить его сейчас. А я смотрела в глаза того, кто помнил меня человеком, и пыталась разобраться в своих чувствах.

Я не могла его убить. Осознание этого было странным. Причем я прекрасно понимала, что потом пожалею об этом. Но я как была, так и осталось слабой. Не способной хладнокровно оборвать чужую жизнь. Пока еще не способной.

Я пыталась разобраться в том, что чувствую. Смотря на Зварыгина, я не испытывала ничего… Даже и следов той безумной ярости, которая охватила меня при виде Панского. Я не чувствовала и той холодной ненависти, смешанной со страхом, когда я узнала о приказе убить Виктора… Словно я уже была мертва. Хотя нет – где-то глубоко в душе жило что-то, не дающее мне покоя. Что-то, подсказывающее, что эта встреча будет не последней. Хочется нам этого или нет.

Он ждал, рассматривая меня, но не произносил ни одного слова. А я застыла в нерешительности, понимая, что все мои планы рушатся – просто потому, что я не могу поступать по-другому. Выбор оставался за мной – но я так и не могла окончательно порвать с остатками человечности.

– Я не буду тебя убивать, – мой голос словно потерял эмоциональную окраску, и теперь я это явно чувствовала. – Я даже оставлю вашу компанию в покое… Всех… А вы оставите в покое меня и моих друзей. И закроете проект "Феникс". Пока эти условия будут выполняться, я буду соблюдать нейтралитет.

Зварыгин слушал, оставаясь невозмутимым, только выражение его глаз оставалось сложноуловимым. Он кивнул, показывая, что понял, и в это время двери палаты окрылись. Похоже, это был его охранник. Один лишь взгляд на меня, и он выхватил пистолет, но я больше не собиралась позволять стрелять в себя. Время словно замедлилось, я шагнула вперед и вбок, выходя из-под траектории пули, и у меня почти получилось. Только последняя вылетевшая из его пистолета слегка задела бок, и энергия начала вытекать из меня. Несколько секунд я смотрела прямо в лицо охранника, резко побледневшего и пытающегося перезарядить пистолет – этот профессионалом явно не был.

Потом обошла его и закрыла у него перед носом двери палаты, оставив его внутри со Зварыгиным, и только тут позволила себе расслабиться и скользнуть в мир, который постепенно становился для меня родным. Следовало сделать еще кое-что… Кое-что гораздо более сложное и мучительное. Но откладывать больше было нельзя. Я и так тянула слишком долго.

* * *

Торесков, 21 августа. Виктор.

Виктор возвращался домой через парк, когда внезапно ощутил на себе чужой взгляд. Как же ему это все надоело… Он резко обернулся. Взгляд выхватил фигуру, стоящую у дерева, причем, даже находясь достаточно далеко, он понял, что здесь явно что-то не так. Слишком неуместной была фигура девушки в легком топике и джинсах в середине сентября, в такую погоду. Виктор даже сквозь ветровку ощущал пронизывающий ветер, но девушка словно не чувствовала его порывов, неотрывно смотря на него. Пожалуй, ему надоели эти загадки! Он развернулся и направился к ней.

Ветер вырывал из-под ног облетевшие листья. Темно-свинцовые тучи затянули небо, а где-то вдалеке донесся первый раскат грома, словно поторапливая редких гуляющих вернуться домой. Подходя ближе, он ощутил странное чувство, как будто где-то раньше видел ее. И в то же время мог поклясться, что они никогда раньше не встречались. Чем ближе он подходил, тем больше странностей бросалось ему в глаза. Лицо девушки было абсолютно неподвижным, напоминая маску, а глаза не отрывались от его лица. Она стояла, облокотившись о дерево, и ждала…

Подойдя почти вплотную, Вик внезапно растерялся. Словно он не мог представить, что можно сейчас сказать. Любые бы слова прозвучали немного глупо – он чувствовал их неуместность. Но просто молчать было еще большим идиотизмом.

– Мы знакомы? Мне кажется, я вас где-то видел… – Виктор изучал ее, чувствуя себя все более странно – он никогда не пытался знакомиться с девушками на улице и внезапно словно увидел себя со стороны.

– Знакомы… – Ее голос был тихий и словно слегка неуверенный. – Но мы никогда раньше не встречались… Вик…

Его имя стало для него сюрпризом… Он рылся в памяти, пытаясь вспомнить, где же он мог ее видеть, а она неуверенно продолжала.

– Прости, что навлекла на тебя неприятности… Я не хотела… Но боюсь, что компания не оставит тебя в покое… И меня тоже…

Внезапно Виктор вспомнил – разумеется, он видел

фотографию. И это открытие повергло его в шок.

– Тиль, это ты? Как ты здесь оказалась? Что с тобой стряслось? – Виктор не верил своим глазам. Он взял ее за руку, пытаясь сообразить, что же происходит. Рука показалась ему ледяной.

– Тиль?

– Ее больше нет… – ее голос внезапно стал полностью равнодушным. – Тиль убили два месяца назад. Я – Химера.

Что бы с ней не произошло, это должно было быть ужасным, если оставило такой след. Виктор слишком долго общался с ней, чтобы не знать, какой она была на самом деле. Тиль… Он привык звать ее этим прозвищем. И всегда был рад поболтать с ней, зная, что она отнесется к нему с сочувствием и пониманием. Потом он внезапно вспомнил, как она изменилась за последние два месяца. Ее все время что-то мучило, в их отношениях повисла недосказанность… Словно она что-то хотела сказать ему и боялась….

– Что случилось? Как ты нашла меня? Как вообще очутилась здесь? – вопросов была тьма, но Виктор сдержал себя. Следовало разобраться. Во всем.

– Я должна тебе все рассказать… Даже если ты меня возненавидишь… – Ее голос дрогнул, но на лице по-прежнему не отразилось эмоций. Она закрыла глаза и равнодушным голосом пересказала все события, начиная с того дня, когда она два месяца назад, ничего не подозревая, пришла на работу…

Виктор слушал, не в силах поверить, но слишком уж четко вставали на место картинки головоломки. Что он испытывал? Удивление? Шок? Неверие? Все то, что он не мог понять, все странности и его новые способности… Она говорила, ничего не скрывая, а ее голос дрогнул еще дважды – когда она рассказывала, как убила Панского и о том, как пыталась убить Зварыгина.

– Мое время истекает. – Она отвернулась, глядя, куда-то вдаль. – Ты должен был знать, Вик…Чтобы мог решать… Мне было нужно сделать это раньше. Но я не могла. Я все понимаю – можешь ничего не говорить. Просто они знают, что ты мое уязвимое место. Возможно, такой монстр, как я и не имеет право на существование. Надеюсь, ты хоть когда-нибудь сможешь меня простить…

– Тиль… – слова не шли с языка – он просто еще не успел осмыслить сказанное. – Это глупости! Послушай….

Она подняла на него глаза – абсолютно черные и лишенные блеска и в тоже мгновенье исчезла. Еще секунду назад он держал ее за руку… Виктор замер, чувствуя, что в душе зреет решимость.

Он теперь знал, как ему поступить. Ускорив шаг, он направился к дому…

Глава 9.

Столица, частная клиника компании «Аэда», 22 августа. Зварыгин.

Зварыгин сидел, откинувшись на подушки кровати, и смотрел на Андрея Васильевича. Он только что закончил пересказ произошедших событий и теперь с легким удивлением отметил, что его начальник о многом догадался сам. Интеллект Генерального его поражал – впрочем, как и его умение быстро и четко действовать в критических обстоятельствах. Теперь он молча ждал, пока тот примет решение.

– Что говорят врачи? Когда тебя отпустят? – этот вопрос можно было предвидеть. Зварыгин пожал плечами.

– Мне они ничего не говорят. Чувствую себя неплохо.

– Значит, собирайся. Кстати, мне надоело ваше постоянное соперничество с Туровым.

– Он мне не соперник. – На лице Зварыгина, как и в его голосе, не было заметно никаких эмоций.

– Разумеется, нет. Но вбить это в его голову не под силу даже мне. – Андрей Васильевич сверкнул глазами. – Химера – уникальная возможность добиться много, очень много. В такой критической ситуации ваши свары неуместны.

– Уникальная, но весьма опасная… – Зварыгин немного помолчал. – Она не пойдет с нами на контакт.

– Не стой из себя идиота. Ты, как и я, уже прекрасно понял, в каком случае мы можем добиться от Химеры того, что нам нужно. Пока она остается в достаточной степени человеком, у нее есть уязвимые места и на нее можно влиять. Уже одно то, что она предложила нейтралитет, показывает ее слабость.

– Да, верно. – Зварыгин замолчал, задумавшись. Последняя встреча с Химерой разбудила в душе странные чувства. Почему она не убила его? Ведь он был уверен, что она вернулась именно за этим. Это было бы совершенно логично.

Когда он увидел ее в первый раз, появившуюся в его кабинете, то испытал шок, на какое-то мгновенье поверив в призрака. Но едва она заговорила, дурман рассеялся – перед ним стояло вполне реальное существо, порожденное случайностью или гением Панского. Враг, намеренный его убить. И он действовал без раздумий. Но случившееся здесь, в палате, было совсем другим. Когда она возникла перед ним, он был уверен, что она пришла его добить. Но почему-то медлила. Прекрасно понимая, что находится сейчас в ее полной власти, он ждал, ничем не показывая нахлынувшего напряжения. Он разглядывал

ее неподвижное лицо и глаза, кажущиеся бездонными, пытаясь вспомнить, какой она была. Внешне, пожалуй, почти не изменилась. Вот только глаза… Но во всем ее облике проскальзывало теперь нечто иное – едва уловимая сила и решимость в каждом движении. Он пытался разобраться в своих чувствах – почему вид Химеры пробудил столько эмоций? Не страх – он слишком часто в свое время рисковал, чтобы боятся смерти. А, пожалуй, что-то вроде смутной тоски и сожаления. А ведь он думал, что все его чувства выгорели тогда, 8 лет назад… Нет, не стоило себя распускать – она была врагом. Его личным и врагом людей, чьи интересы он представлял.

– Я поручил дело с Виктором Турову. – Генеральный обдумывал ситуацию. – Если он пойдет на сотрудничество, это позволит решить множество проблем. Химера предложила перемирие – значит на время оставит нас в покое. И мы должны суметь этим воспользоваться.

– А если Лесков все знает?

– Сомневаюсь. Марк встречался с ним, да и твои оперативники присматривали – было похоже на то, что ему все известно?

– Нет, но что мешало ей рассказать ему все сейчас?

– Возможно, но маловероятно… – Генеральный смотрел на него. – В случае, если Лесков откажется с нами сотрудничать, я выдал Марку и другие полномочия…

– Понятно. – Зварыгин опять откинулся на подушки. – А что говорит Лавирин?

Андрей Васильевич поморщился.

– Категорически отказывается прекращать работы по "Фениксу". Но я приказал ни в коем случае не вносить данные в компьютер. Он, как услышал о Химере, словно слегка спятил. Теперь не уймется, пока не посчитает, что превзошел Панского. В опытах с добровольцами я ему пока категорически отказал – это спровоцирует Химеру мгновенно, а скрыть такое очень сложно.

– Вы ввели Чижова в курс дела?

– Разумеется. Хотя и весьма кратко. Должен же он был хоть на время тебя подменить.

Зварыгин обдумывал ситуацию, не сводя глаз с Генерального.

– Все больше и больше людей знают о произошедшем. Мы рискуем. Если это станет известно…

– Вот поэтому ты и мне нужен. Причем срочно.

Зварыгин кивнул. Все и так было ясно. Если станет известно, какого демона они создали… И вообще неизвестно, возможно ли хоть как-то с ней справится… Пули ее останавливали, но ненадолго…

После ухода Генерального Зварыгин просто некоторое время смотрел прямо перед собой, пытаясь понять, что его беспокоит. Его не покидало ощущение, что какой-то трудноуловимый нюанс ускользнул от него. Он привык доверять логике, но никогда не сбрасывал со счета интуицию – слишком часто это спасало ему жизнь. Логика могла упустить какой-то момент, не учесть какой-то фактор – но подсознание фиксировало все. Он привык анализировать свои чувства, и это глухое беспокойство ему тоже было знакомо. Он что-то не учел, о чем-то не подумал. Зварыгин откинулся на подушки, пытаясь восстановить в памяти день за днем произошедшие события…

* * *

Где-то в сети, 22 августа. Химера.

Встреча с Виком далась мне нелегко. Я чувствовала себя так, словно по сердцу прошелся острый нож. Хотя смешно говорить так о создании, которым я стала. Химера… Да, я по-прежнему могла чувствовать боль – не физическую, а душевную. Когда в меня вонзались пули, я не чувствовала боли. Но всего лишь один потрясенный взгляд Вика ранил меня гораздо сильнее.

Я висела в потоке, и мне хотелось плакать. Я знала, что больше никогда не смогу его увидеть, не смогу ему написать, никогда не получу от него слов утешения и поддержки. Но также знала, что всегда буду его невольным ангелом-хранителем.

Химера… Интересно, сколько человеческого осталось во мне? А может, следовало плюнуть на все и смирится. Я больше не Катя и не Тиль. Я – Химера.

Наконец, я взяла себя в руки, отбросив все сожаления в сторону. Я сделала то, что должна была сделать. Теперь Вик знал все… И мог сделать свой выбор, каким бы он не оказался. Вик… Сердце снова сдавила глухая тоска, но я больше не собиралась позволять эмоциям управлять мной. Мне противостоял серьезный враг, прекрасно обо мне осведомленный…И стоило хорошенько подумать и предпринять все, чтобы обезопасить себя и Виктора.

Я вышла из потока в здании компании и огляделась. Я еще никогда не пыталась делать этого днем. Слишком велик был риск, что меня заметят. Но сейчас мне был нужен доступ ко второй сети – и, следовательно, другого выбора просто не было. Поэтому я воспользовалась не обычным своим путем – мне пришла в голову совершенно новая идея.

Я хорошо знала то место, где сейчас находилась – третий этаж. Коридор был пуст, и, насколько мне было известно, тут не было видеонаблюдения. Каждый поворот, каждая дверь были мне хорошо знакомы – моей прежней памяти. Здесь ходила не Химера,

а Тиль. Но меня больше не беспокоили призраки прошлого – я испытывала почти полное равнодушие, толкая знакомую дверь и входя в лабораторию Панского.

Меня встретила пустота. Впрочем, вполне ожидаемая – сейчас в планах здания это помещение числилось, как неиспользуемое. Глаза скользили по совершенно пустой комнате, по голым стенам, а память услужливо восстанавливала былое. Вот тут, у окна стоял мой стол с компьютером. У стены справа был шкаф с зеркалом, рядом стояли вольеры, всю правую сторону занимала машина…. Я прошла дальше, толкнув двери, ведущие в бывший кабинет Панского и прислушалась к себе. Почему я раньше, возвращаясь Химерой, избегала этого места? Из-за воспоминаний? Сейчас я ощущала только полное равнодушие. Панского больше нет, а здесь не осталось ничего из того, что отложилось в моей памяти. Встряхнув головой, я заставила себя заняться делом. Именно тут располагался один из выходов в закрытую локальную сеть.

То, что я задумала, таило опасность. Я раньше никогда не пыталась стать частью локальной сети, предпочитая просто считывать данные с обычного компьютера. Но таким способом я могла и что-то упустить… И, кроме того, этот путь был сейчас недоступен. Я присела и провела пальцем по разъему в стене, колеблясь, но уже готовая рискнуть. Сделав глубокий вздох, я все-таки нырнула с сеть.

Мне было мучительно тесно. Боль пронизывала сознание, стискивая его невыносимыми путами. Это были не потоки – это было болото, в котором не ощущалось почти никакой струи… И оно меня затягивало, как трясина, медленно убивая. Почти мгновенно считав информацию, я рванулась и почувствовала, что мне не хватает энергии. Впервые я ощутила страх смерти, осознав, что и у моей неуязвимости есть границы… И что я вполне могу погибнуть из-за своей глупости. Усилием воли я подавила панику, и, несмотря на боль, заставила себя собраться и сосредоточится, накапливая энергию. Сейчас! Я рванулась и растянулась на холодном полу. Меня била противная дрожь, а силы вытекали. Я попыталась дотянуться до входа в мир, где осталась часть моего сознания, но сил не хватило… Страх сковывал, мешая думать, но я заставила себя встать… Шаг, еще шаг… Я уже забыла, что такое бояться. Я медленно двигалась, держась за стену… Если я не смогу попасть обратно…Нет, я выдержу…Еще немного…

Внезапно я ощутила протекающий рядом поток и с облегчением скользнула в него, бездумно хватая энергию и не имея сил остановится. Я сделала глупость. Все могло кончится

плохо, очень плохо. Но я выжила и извлекла урок. И информацию, которую я бы никогда не получила обычным путем. И теперь стоило все обдумать. И отдохнуть…

* * *

Торесков, 22 августа. Виктор.

Виктор стоял посреди комнаты, чувствуя, как в душе зреет решимость. После встречи с Тиль… Или с Химерой, как она сама себя называла, он четко уяснил – возврата к прошлому нет. В покое его не оставят. Вот только как будут выглядеть их дальнейшие действия? То, что он стал приманкой, было яснее ясного. И выхода было только два – бежать и скрываться или попробовать переиграть компанию. Третий вариант – сунуть голову в песок, как страус, и сделать вид, что ничего не случилось, он даже не рассматривал.

Сняв со шкафа чемодан, он принялся собирать самое необходимое. В любом случае, это ему понадобится. Аккуратно сложив вещи, Вик выглянул в окно – интересно, следят ли за ним? Если наблюдение ведется профессионально, он вполне может этого и не заметить. В этих играх он дилетант – а противостоят ему наверняка профессионалы.

Из задумчивости его вывел телефонный звонок. Он поднял трубку и услышал голос, который сразу же узнал, и мгновенно насторожился.

– Виктор Лесков? Вас Марк Туров беспокоит. Мне бы хотелось с вами встретиться. Не возражаете?

Виктор сжимал трубку, напряженно размышляя. Но в его голосе не отразилось ни малейшего напряжения, лишь легкое удивление.

– Я не совсем понимаю смысл нашей встречи. Вы недовольны моей работой?

– Наоборот, – голос Марка в трубке оставался совершенно нейтральным. – Компания хочет предложить вам постоянную работу. Но это не телефонный разговор. Мы можем встретиться в том же кафе, что и в прошлый раз. Согласны?

– Да, разумеется. – Виктор не позволил ни одной из испытуемых эмоций проявиться в голосе. В двенадцать вас устроит?

– Да, вполне. Буду ждать встречи.

Вик положил трубку – итак, началось. Теперь следовало подумать, и очень хорошо подумать. А, впрочем,… На него вполне могли надавить. В отличие от Химеры, хватало людей, надавив на которых его могли заставить пойти на многое. Да и он сам… Мог ли он бежать, разорвав все связи, и отставив всех, кто был ему дорог? А согласится… К чему это его приведет? Он еще

раз обдумал ситуацию, и включил компьютер. Следовало поставить в известность Тиль о задуманном им – иначе она рисковала попасть в ловушку. Виктор набрал сообщение и уже приготовился его отправить, когда заколебался. Перед его взглядом встали ее потухшие глаза, и он решительно добавил "и береги себя, Тиль… Будь очень осторожна."

Входя в кафе час спустя, Виктор заметил Марка за тем же самым столиком. Мысленно усмехнувшись, он так же, как и в прошлый раз, уселся напротив, заказав только чашку кофе, и точно также стал ждать, испытывающее рассматривая своего противника. То, что любой человек компании был ему противником, не подлежало сомнению. Но он не позволил ни одной из своих мыслей отразиться на лице.

Марк откашлялся и начал говорить. Вик слушал его со все возрастающим удивлением. Компания предлагала ему просто царские условия – квартиру в столице, огромную, по его меркам, зарплату, возможность закончить обучение заочно и полную поддержку.

– Простите, но почему столь щедрые условия? – этот вопрос просто напрашивался. – Я конечно, неплохой специалист, но приглашать кого-то в столицу из другого города, причем предлагать такой вариант – это выглядит весьма странным.

– Нам нужны именно вы. Лично. Почему – вам будет объяснено позже. Если мы договоримся.

Вик откинулся на стуле.

– Я бы предпочел знать это заранее. Вполне уместное любопытство, вам не кажется?

– Вполне. – Марк кивнул ему в ответ – Но все равно, вынужден отказать. Это секретная информация, и я не имею права разглашать ее, пока вы не подпишете договор о сохранении секретности.

Виктор сидел и раздумывал. Он ожидал чего-то подобного, хотя, конечно, и не в столь откровенной форме. И собирался согласиться. Если Тиль поступит так, как он ей советовал, они ничего не смогут добиться. Впрочем, риск все равно был. Но именно на этот риск он готов был пойти. Если он что-то не учел. Если вмешается какой-то другой фактор и его план провалится… Да, он рисковал. Но, с другой стороны…Переиграть компанию… Отомстить за Тиль…Он поднял взгляд и посмотрел прямо в глаза Марку.

– Я согласен.

Глава 10.

Столица, главный офис компании «Аэда», 23 августа. Зварыгин.

Зварыгин сидел в кабинете Генерального, и рассматривал сидящего перед ним Виктора Лескова. В кабинете, кроме него, находится сам Андрей Васильевич и Марк, но им он уделял только небольшую часть своего внимания. Генеральный рассказывал о деятельности компании, Виктор слушал с вежливым вниманием, и кроме этого вежливого внимания на его лице не отражалось больше вообще ничего. Впервые за долгое время Зварыгин ощутил невольное уважение к возможному противнику. Этот парень держался так, словно он каждый день спокойно общался с людьми, управляющими многомиллионными компаниями. И впервые за долгое время Зварыгин ощутил легкий холодок вдоль спины – этот парень представлял угрозу – пока еще далекую и неведомую, но угрозу.

" Что же ты за человек?" – Зварыгин разглядывал Виктора, пытаясь проникнуть за ту маску, в которую превратилось сейчас его лицо. – "Не прост, несмотря на молодость, совсем не прост. В его возрасте я таким не был… Что же разглядела в тебе Химера, готовая убивать, чтобы тебя спасти? И какую опасность ты таишь в себе?" Логика могла подвести, интуиция – никогда – это Зварыгин усвоил давно. С Виктором стоило все время держаться настороже, не выпуская из виду – иначе потом можно было сильно пожалеть

– Это все, конечно, очень интересно… – Виктор дождался, пока Генеральный закончит, и теперь слегка подался вперед – Но меня больше волнует другой вопрос – зачем вам был нужен именно я? Меня это весьма удивило. Я совсем не тот специалист, который незаменим для вашей компании.

Генеральный внимательно его разглядывал, потом медленно произнес.

– У нас действительно была очень важная причина. Ведь вы были знакомы с Екатериной Дымовой?

– Мы знакомы…– Виктор говорил медленно, не сводя взгляда с Генерального, а Зварыгин опять ощутил холодок опасности. То, что парень удержался от наводящего вопроса, выбрав выжидающую позицию, говорил о многом. И в первую очередь – о незаурядном самообладании. Генеральный тоже слегка прищурился – сдержанность Виктора явно произвела на него впечатление.

– Она погибла два месяца назад… Случайно, в той

лаборатории, где она находилась, случился пробой тока. Она работала с экспериментальным прибором…– Генеральный смотрел на Виктора, не сводя глаз, но видел только маску, в которую превратилось его лицо. – И только позднее мы узнали, что часть ее сознания перенеслась в компьютер… И теперь мы имеет весьма опасную ситуацию… Химеру, которая находится в сети и которая имеет сильные претензии к компании… И кроме того, которая может угрожать вашей безопасности…

Виктор посмотрел на них, а на его лице было явное недоверие.

– Если вы хотите сказать, что Катя способна причинить вред хоть кому-то, боюсь, вы ее плохо знаете. И, кроме того, вы считаете, что можно с ходу поверить в такую невероятную историю? Скорее, это напоминает неудачную попытку розыгрыша… Или глупый способ меня напугать… Вы уверенны в том, о чем говорите?

– Вполне. У нас есть доказательства. И не забывайте, что речь идет уже не о вашей хорошей знакомой. Речь идет о компьютерном разуме, случайно возникшем в результате эксперимента. О Химере.

– Вы полагаете, мне может угрожать опасность? – Виктор сцепил пальцы рук. – Тогда я тем более не понимаю ваших мотивов. И почему именно сейчас? Ведь прошло уже два месяца, как вы сказали…

– Химера весьма к вам привязана. Но она может причинить вред, даже не желая этого. В конце концов, кто может знать, что сейчас она собой представляет? Поэтому мы бы хотели, чтобы вы находились у нас. Мы подберем вам работу по профилю. И если Химера захочет связаться с вами, мы будем в курсе. Возможно, и вам стоит попробовать связаться с ней. Мы не знаем пока ничего… Ни намерений, ни возможностей. Мы просто имеем потенциально опасную ситуацию… Которая в любой момент может выйти из-под контроля…

– Но может, вы все-таки скажете, что вы планируете? Ведь вы наверняка уже что-то решили. Вам не кажется, что, имея информацию, я буду лучше понимать, как мне поступать?

– Разумеется. – Генеральный откинулся на стуле. – Мы планируем для начала связаться с Химерой. И убедить ее сотрудничать с нами. Нам нужно добиться диалога с ней. И именно в этом нам понадобится ваша помощь. Но все-таки, я думаю, вам надо немного отдохнуть и ознакомится со своими новыми обязанностями. А заодно обдумать, как написать Химере, чтобы она захотела ответить…

– Катя мне ответит. Но я понял. – Виктор кивнул. – Хорошо, я

обязательно подумаю.

– Отлично. – Генеральный встал и пожал Виктору руку. – Туров вас проводит и познакомит с вашим новым начальником. Надеюсь, вам у нас понравится…

Виктор вежливо улыбнулся в ответ и вышел вслед за Марком, а Генеральный, дождавшись его ухода, обернулся к Зварыгину.

– Итак?

Начальник службы безопасности помолчал, пытаясь привести в систему все, что видел и слышал. Потом негромко произнес.

– Он может стать угрозой. Если не станет нашим душой и телом.

– Следи за ним. Я хочу знать о нем все. Абсолютно.

– Разумеется. – Зварыгин встал. – С того момента, как он переступил порог компании, можно считать, что он живет в доме с абсолютно прозрачными стенками.

Генеральный кивнул и пододвинул к себе лежащие рядом бумаги, а Зварыгин молча вышел, правильно поняв это, как сигнал заниматься своими делами.

Зварыгин вернулся в свой кабинет, все еще думая о Викторе. Ничего, очень скоро он будет знать о нем абсолютно все. Его телефон прослушивался, электронная почта проверялась, любой контакт будет зафиксирован. И все же его не оставляло ощущение, что он что-то упустил. Виктор настораживал его, настораживал именно тем, что Зварыгин не мог его раскусить. "Ничего… Скоро я буду знать все. Тогда и посмотрим."

Он включил свой компьютер, и вывел на экран данные о Екатерине Дымовой. Следовало проанализировать и предугадать ее возможные ходы. Следовало понять Химеру…"А ведь я думал, что знаю ее. Выходит, видел только внешность, не суть? Или она изменилась, став Химерой? И если это так, то насколько? Как поступит теперь, узнав, что Виктор в компании?" Вопросы не давали Зварыгину покоя. Как и воспоминания о Химере – перед глазами вставало ее неподвижное лицо – он хорошо успел разглядеть его там, в больнице. Почему же она все же не убила его? Ее глаза… Только после он понял, что именно они почему-то поразили его больше всего – словно сгустки абсолютного мрака, поглощающие любые капли света, попавшие в них. И внезапно ощутил чувство, о котором давно успел позабыть – искру невольной жалости. Зварыгин невидящим взглядом уставился перед собой – что же с ним такое творилось? Следовало взять себя в руки. Он-то думал, что давным-давно разучился что-то чувствовать. На секунду он словно вернулся в прошлое. Но нет, лучше об этом позабыть. Ничего не чувствовать – это благо.

* * *

Где-то в сети, 23 августа. Химера.

Когда пришло сообщение от Виктора, я сначала не поверила своим глазам. Он по-прежнему называл меня Тиль… И вкратце рассказывал о том, что собирается сделать. Прочитав его сообщение, я пришла в ужас. Неужели он не понимал… Хотя нет, он прекрасно понимал, чем рискует, отправляясь в компанию… "Не вмешивайся до последнего… И береги себя… " В сердце вползал едкий противный страх. План Виктора был не просто опасен – он слишком зависел от той невидимой субстанции, которая зовется удачей, и граничил с безрассудством. Стоило хоть чему-то пойти не так – и на его плане можно было ставить крест. Как и на самом Викторе. "Я прекрасно понимаю, что рискую, но жить вечным беглецом – это не для меня. А в покое меня не оставят. Как и тебя." Я принялась ходить по своему убежищу, не зная, как быть и что предпринять… "А если у меня получится – мы оба станем свободными… И не просто свободными…"

Я вышла из убежища и нырнула в поток, позволяя наполнить себя невероятной энергией… Поздно, слишком поздно… Я не успевала остановить Виктора. Да и имела ли право? Он сделал свой выбор, и теперь я могла только не мешать… Наблюдать, ждать и надеяться… И страховать, насколько смогу… Все, время покоя и отдыха закончилось – мне следовало снова быть в курсе всего, что будет происходить в компании. "Меня будут проверять, это несомненно… Контролировать почту, и все контакты. Прослушивать телефон. И постоянно следить…" Следить могла и я. А также просматривать почту и прослушивать телефонные разговоры. И теперь намеревалась этим заняться. Кто предупрежден – тот вооружен. "Поэтому внимательно читай полученные от меня письма. Если я действительно захочу, чтобы ты сделала то, что написано в письме, я сумею вплести в его содержимое твое прозвище. А если там будет стоять только твое имя – не делай этого!" Я боялась за Вика… Сердце обливалось кровью при мысли, что у него может не выйти и я могу его потерять…Но я больше не собиралась пускать события на самотек. Я буду следить за сотрудниками компании не менее внимательно, чем они будут следить за Виктором. И выжидать… Но, если ему будет угрожать опасность, я вмешаюсь. А если не успею?

Тут мне в голову пришла еще одна идея. Как-то давно я читала о том, что можно прослушивать разговоры в комнате, если у человека находился работающий мобильный. Интересно, а я

смогу? Впрочем, необходимая информация мгновенно оказалась к моим услугам, а я стала обдумывать варианты. Да, это было мне вполне доступно… Мои глаза постепенно разгорались. Это сулило еще более интересные варианты. К сожалению, меня ограничивало то, что я не могла успеть сразу везде. Мои возможности были ограничены мной самой – я была одна против многих… Хотя нет – нас теперь было двое – я и Виктор. Первым на прослушке оказался телефон Зварыгина – и я успела услышать конец его разговора с Генеральным. Он не доверял Виктору и собирался за ним следить… Впрочем, это Виктор предвидел… Но мне было страшно. Зварыгин был самым опасным человеком из всех, кто нам мог противостоять. Я все-таки не смогла его убить там, в больнице. Почему-то я вообще не могла представить себя убивающей его. А если выбор встанет между ним и Виктором? Я знала, что любого другого я убью без малейших колебаний, если от этого будет зависеть жизнь Виктора. Но Зварыгин… Нет, если выбор встанет между ним и Виктором я его убью. Я прислушалась к себе. Постараюсь убить.

Сознание раздвоилось. Я находилась на одном из этажей, о существовании которого было мало кому известно в компании. Третий подземный этаж. Архив.

Сведения о нем я получила, рискнув войти в локальную сеть. Можно было пересчитать по пальцам тех, кто знал о существовании в здании 4 подземных этажей. И тех, кто имел сюда доступ.

В Архиве хранилась вся информация о деятельности компании. Патенты. Разработки. Все проработанные пути – как тупиковые, как и приведшие к успеху. Но защита была надежной, очень надежной. Недоступной даже мне.

Камеры наблюдения, находящиеся тут, я блокировала, и теперь стояла, не зная, как лучше поступить. Само помещение было разделено на секции металлическими решетками, двери которых открывались в тот коридор, где я стояла, а чуть дальше находилась бронированная дверь, ведущая в сердце Архива. Но если все двери тут открывались электронными ключами, и поэтому не составляли для меня проблемы – та дверь требовала трех разных ключей, которые хранились у трех членов руководства Компании, плюс трех разных паролей, тоже известных только обладателям ключей. Я ломала голову, как мне проникнуть внутрь и не находила ответа. Поэтому я просто бродила между стеллажами, заполненными аккуратно выстроившимися в ряд папками, и думала, думала…

Знакомый почерк на одной из папок заставил меня замереть, а потом осторожно снять ее с полки. Медленно, очень медленно я

открыла папку, отмеченную номером 587 и коротенькой припиской "Сдано на сохранение". И бесстрастно уставилась на почерк Панского: "Работы по проекту "Химера", 22.05-14.08. Объект Дымова. Закрыто в связи со смертью подопытной."

Я листала бумаги, бесстрастно фиксируя в памяти данные. Оказывается, за мной тщательно следили… Плюс все тесты, что я проходила… Я листала, окончательно складывая в памяти кусочки головоломки и видя себя со стороны – совершенно беспристрастными глазами. Нет, уже не себя – того человека, который потерял близких и замкнулся в себе. А потом, когда приноровился жить, вместо того, чтоб разорвать порочный круг одиночества, в который попал – стал еще более зависимым от него. Человека, которым я была.

Я закрыла папку и прислушалась к себе, потом попыталась восстановить в памяти то, что было до моей первой смерти… Но не смогла. Те воспоминания оказались почти полностью стертыми – или загнанными так глубоко в подсознание, что добраться до них я не смогла. Не удивительно, что я стала другой – я потеряла значительную часть своего прошлого. Но мне больше и не хотелось становиться прежней.

Теперь я искала целенаправленно – если я не могла попасть во внутренние помещения Архива – то следовало поискать тут. Я, наконец, разобралась в правилах систематизации хранящейся тут информации и теперь черпала много нового и интересного. Конечно, большинство информации было просто мусором – но попадались и кусочки чрезвычайно важных сведений. А мне, чтобы помочь Виктору, понадобится любая информация.

Задуманное Виктором было не просто неимоверно сложным – это был гениальный план на грани безумия. Я никогда бы сама до такого не додумалась. В отличие от меня он не собирался уничтожать компанию. Он собирался ее возглавить…

* * *

Столица, главный офис компании «Аэда», 23 августа. Виктор.

К удивлению самого Виктора, Вадим пришелся ему по душе. Марк представил их друг другу и ушел, а начальник компьютерного отдела пригласил его в свой кабинет и предложил кофе. Хотя Виктор всегда предпочитал чай, принял чашку ароматного напитка, невольно отметив, что сорт кофе весьма дорогой. А Вадим принялся рассказывать о своей работе, заодно демонстрируя кое-что на компьютере, занимающем весь стол, и явно являющийся предметом гордости хозяина. Невольно, Виктор увлекся – объяснения Вадима были четкими, толковыми – чувствовалось, что человек досконально знает свою работу – и, кроме того, любит ее и гордится ей. Виктор задал пару вопросов

по тем программам, с которыми работал, и получил вполне конкретные ответы, после чего сам Вадим принялся расспрашивать Виктора. Спустя еще полчаса они обсудили все нюансы, причем оба получили немалое удовольствие от общения – и Вадим обрисовал круг обязанностей Виктора.

– Почаще бы мне приводили таких работников, – с улыбкой произнес Вадим. – Нет, ребята у меня толковые и в своем деле разбираются, но ты просто ловишь на лету. Где учился-то?

– Экономический заканчиваю. – Виктор остался серьезным. – Верней, теперь буду заканчивать заочно.

– Экономический? – Вадим явно удивился. – Что ты с твоими мозгами делаешь на экономическом? Хотя там мозги тоже нужны. Но такое логическое мышление…Погоди, а где ты обучался программированию?

– По книгам. – Виктор не удержался и все же слегка улыбнулся – он чувствовал, что Вадим сейчас говорил совершенно искренне. Странно, занимать такой пост и оставаться самим собой. Хотя, он ведь может и ошибаться…

Начальник компьютерного отдела посмотрел на него странно, но промолчал. Потом произнес совершенно нейтральным тоном:

– Знаешь, по книгам разобраться – надо масса усидчивости, настойчивости и терпения. У тебя редкостное трудолюбие.

Виктор несколько секунд раздумывал, как реагировать на такой комплимент. Потом просто улыбнулся, отметив, что ему следует быть еще осторожнее – в компании работали отнюдь не дураки. Хорошие профессионалы с мозгами.

– Пошли, я покажу тебе твое рабочее место, и можешь приступать… – слова Вадима внезапно прервал низкий заунывный звук, напоминающий завывание сигнализации машины. Казалось, он шел отовсюду, не прекращаясь не на минуту. Виктор недоуменно огляделся, а Вадим подошел к двери и запер ее. Поймав вопросительный взгляд Виктора, кратко бросил.

– Тревожная сирена. Возможно, учения… Хотя меня должны были бы поставить в известность… Уже дважды были – один раз пожарная тревога, другой – общая безопасность. Сейчас объявят, – он выключил компьютер, затем обесточил всю комнату. – В случае включения сирены, до первого объявления необходимо оставаться на своих местах, обесточить все приборы и ждать указаний. Лифты блокируются, пути сообщения между этажами – тоже… – Вадим посмотрел на часы, и лицо его побледнело

– В случае, если тревога учебная, об этом обязаны объявить в течении первых пяти минут… Уже прошло семь…

Внезапно раздался голос из небольшого динамика, расположенного над дверью, и глаза невольно устремились вверх.

– Всем оставаться на местах. Это не учебная тревога. Внештатная ситуация взята под контроль службой безопасности.

Динамик замолк, а Вадим с напряженным лицом уселся на стул, с тоской глядя на выключенный компьютер – было видно, что он бы заплатил немалую цену за то, чтобы включить его и узнать, что творится. А мысли Виктора разбежались – неужели Тиль выкинула что-то опасное? Если с ней случится беда – он проиграет, еще не начав играть. Но что же могло произойти? Минуты тянулись в напряженном молчании. Он тысячный раз попытался сосредоточиться и проанализировать ситуацию – но что можно было анализировать при полном отсутствии фактов? Виктор никогда не думал, что время может тянуться настолько медленно. Спустя полчаса – а казалось, прошло несколько дней, динамик опять ожил.

– Отбой тревоги. Все могут заниматься своими делами.

Вадим первым делом включил компьютер.

– Что же могло случится? – пробормотал он себе под нос. Виктор промолчал. Но этот вопрос его тоже волновал. Очень волновал.

Глава 11.

Столица, главный офис компании «Аэда», 23 августа. Марк.

Это совещание ничем не напоминало предыдущие – Марк рассматривал сидящих за одним столом и с одинаково мрачными лицами Генерального и Зварыгина. И серьезно подозревал, что его выражение лица точно такое же. "Похоже, что все совещание так и пройдет в полном молчании…" – крутилось у него в голове. После того, как его поставили в известность о произошедшем, у него в голове вертелась только одна фраза, которую он и озвучил.

– Все гении – психи… И должны содержаться под непрерывным присмотром.

Зварыгин никак не отреагировал, а Генеральный ожог его злым взглядом, но внезапно остыл.

– Не скажи… Панскому такая идея вообще не пришла бы в голову – слишком он себя ценил.

– Пожалуй, в этом есть часть моей вины. – Зварыгин говорил совершенно нейтральным тоном. – Лавирина нельзя было выпускать из-под контроля.

– Не говори ерунды. – Генеральный все так же мрачно смотрел в окно. – Предсказать такое было невозможно. Но дела наши все хуже и хуже. Компания потеряла двух своих лучших ученых, а что получили взамен – неизвестно.

– М-да… – Зварыгин откинулся на стуле. – Думаю, что более-менее известно, иначе мы бы так не паниковали. Потеряв Панского и Лавирина, мы получили Химеру и теперь, предположительно, Феникса… Ну что у ученых за манера плодить всякую дрянь?

Марк смотрел на Зварыгина в полном недоумении – не иначе, как у того прорезался черный юмор. Если еще и Зварыгин слетит с катушек – компании будет полный.... Додумывать он свою мысль не стал – и так было все ясно. Почему-то только сейчас, когда над компанией нависла угроза, он мог признать заслуги Зварыгина. Хотя бы в глубине души.

Андрей Васильевич тоже смотрел на Зварыгина с легким сомнением – все-таки такая манера поведения была ему совсем не

свойственна. После чего мрачно произнес.

– Подведем итоги. После запрета использовать для опытов добровольцев, Лавирин спятил окончательно – к тому же он был уверен, что нашел гениальное решение проблемы. Когда мы отказали ему позавчера в очередной раз, он закатил скандал, потом сделал вид, что смирился. А сам перенастроил оборудование и использовал себя вместо подопытного кролика. Охранник дежурил за дверью, поскольку тот категорически возражал против присутствия телохранителя в лаборатории, говоря, что не может сосредоточиться на работе, и никак не мог пресечь это безобразие. После того, как подача электроэнергии упала ниже критической, и врубился аварийный сигнал тревоги, мы поняли, что происходит что-то не то, но было уже поздно. Пока охрана добралась до лаборатории, пока взломала двери…В итоге мы имеем полное уничтожение информации, хранящейся на том компьютере – то есть, мы даже предположить не можем, что там произошло и почему – и нет никакого материала для анализа, находящегося в коме Лавирина и то обстоятельство, что любой компьютер, оказавшийся возле него, сходит с ума…

– Как изящно выразился Вадим – происходит полный дисбаланс совместимости программ… – Зварыгин поднял голову. – Я запретил ему приближаться к Лавирину. И приказал охране пресекать такие попытки любыми методами… Вплоть до силовых. Потерять и Вадима мы просто не имеем права. Я вообще пока наложил полный запрет на любые контакты с пострадавшим…

– Не знаю, стоит ли это называть Лавириным… – негромко продолжил Зварыгин, смотря куда-то перед собой и вниз. – Мы даже представить не можем, чем завершился очередной эксперимент. Скорее всего, у этого создания будет полный разлад психики. Я посмотрел прошлые материалы на Химеру… И составил психологический портрет. Будучи Екатериной Дымовой, она была просто не в состоянии никого убить. Даже если бы под угрозой была ее жизнь. Химера готова убивать… Не просто готова – она убивает – ради того, кого помнит и любит. Это человек, который был прирожденной жертвой. Во что может превратиться фанатик, в принципе не ценящий чужую жизнь – мы может только догадываться.

Марк молчал – сейчас он был полностью солидарен со Зварыгиным. Лавирин был фанатиком. Не сильно ценящим чужую жизнь, да и свою собственную тоже.

– Сейчас он на нулевом уровне, под усиленной охраной. А мы должны решить, что нам делать. – Зварыгин по-прежнему не поднимал взгляда. – Лично я – за немедленное уничтожение.

Марк выдохнул – а чего, он собственно, ожидал? И в оценке очередной угрозы был почти солидарен со Зварыгиным.

– Уничтожение – крайняя мера и обратной дороги у нас не будет… – медленно произнес Генеральный, глядя на Зварыгина. – Неужели мы не справимся с Фениксом? Сейчас он отрезан от сети и находится глубоко под землей… В надежном бункере и под надежной охраной…

– На что он будет способен – мы не знаем… – так же медленно произнес в ответ Зварыгин. Глаз он так и не поднял. – Если Химера хоть немного адекватна, то разум Феникса нам недоступен… Судя по тому, что планировал Лавирин, Феникс сам по себе компьютер…А по сути робот с неизвестной программой. Хоть он и не владеет способностями Химеры, поскольку имеет вполне реальное тело, мы не можем знать, на что он станет способен…

– Кстати, а что с Химерой? – резко переменил тему Генеральный. – И с Виктором?

– Никаких подозрительных контактов и движений.. Написай ей три письма – два под нашу диктовку и одно от себя… Которое я проверил… Она ответила только на одно – последнее. И ответ был весьма непонятный – она как будто соглашалась, но с чем – не ясно. Письмо Виктора просмотрели аналитики, но так из него ничего и не выжали. Я бы сказал, что тут три варианта – Виктор умнее, чем нам кажется – но гения такого уровня мы все равно не разоблачим – да и не верю я в такой вариант. Химера как-то чувствует, кто ей пишет… Или насколько хорошо знает стиль письма Виктора, что любые попытки ее обмануть бессмысленны… Или это все просто случайность, она не может прийти в себя оттого, что он тут и не знает, как на это реагировать…А Виктор пока чист – ничего подозрительного, вполне добросовестно выполняет свою работу, Вадим им доволен…

Зварыгин говорил ровным голосом, но Марк настораживался все больше и больше. В нем проснулось то, что является самым неуловимым и загадочным ощущением и зовется интуицией. И сейчас она вовсю вопила, что со Зварыгиным происходит что-то не то. Но с чем это было связанно?

– Насчет Феникса – я против его уничтожения. – Генеральный встал. – Пока против. Во-первых, мы не знаем, что это вообще, во-вторых – возможно, что он станет нашей защитой против Химеры. Продолжай работать с Виктором – пусть попытается добиться от Химеры для начала возвращения наших денег. И еще… – Генеральный встретился взглядом со Зварыгиным, и Марк насторожился еще сильнее – словно они обменялись сообщением, понятным только им двоим. – Хотя нет, не важно. Действуйте. Да, и усиль охрану возле Лавирина – до такой степени, чтоб ты сам был уверен в ее безопасности. Марк… – Генеральный посмотрел на него и протянул ему диск. – Просмотри это. Я хочу знать твое мнение и как можно скорее.

Марк кивнул и взял пластиковую коробочку, испытывая вполне понятный интерес. Генеральный отвернулся, а Зварыгин молча вышел из кабинета. Марк вышел за ним, испытывая множество разнообразных эмоций, основой которых было любопытство. Что же происходило? Он посмотрел на маленький диск в своей руке, и направился в свой кабинет. Включив компьютер, он запустил диск и несколько минут просто смотрел на экран, потом принялся анализировать информацию. Здесь было полное досье на финансового директора компании, Омского… Включая результаты наблюдения, прослушивания телефонных разговоров за последние две недели и полный список контактов. Работа Зварыгина была, как всегда, безупречной. Судя из доставленного отчета, Омский собирал компромат на весь руководящий состав компании… Кроме того, он мухлевал с налогами, что, в принципе, было нормальным, и разницу клал себе в карман, что было уже из ряда вон выходящим. Также вызывали подозрение некоторые постоянные утечки средств компании в неизвестном направлении. Кроме того, он сговорился с несколькими крупными акционерами и поднятии некоторых весьма сомнительных вопросов о работе теперешнего руководства. И еще – один подозрительный нефиксируемый телефонный звонок – абонента установить не удалось. Разговор Омского записался, но там, кроме нескольких "Да", ничего не было.

Марк выключил компьютер, изъял диск и подошел к окну. То, что Генеральный дал ему это, служило знаком доверия… Большого доверия. И это следовало ценить. Марк направился в кабинет Андрея Васильевича, ни капли не сомневаясь, что он его уже ждет.

– Что скажешь? – Генеральный даже не оторвался от бумаг, когда Марк вошел внутрь и плотно закрыл за собой двери.

– Кабинет чист?

– Да, Зварыгин проверил его полчаса назад.

Марк кивнул, и спокойно произнес.

– Омского следует устранить до очередного собрания акционеров. То есть в ближайшие шесть дней.

Генеральный поднял глаза, и словно нехотя кивнул.

– Абсолютно с тобой согласен. Я мог бы простить ему многое… Но не предательство. Им займется Зварыгин. А ты подправь данные для очередного отчета акционерам… С учетом того, что стало известно об Омском. – После чего опять уставился в бумаги.

Марк вышел, анализируя состоявшийся разговор. Там явно присутствовало несколько контекстов. Но основным было, несомненно, то, что Марк вне подозрений. И то, что Генеральный по-прежнему полагается на него и его советы. И предостережение – завуалированное, но оттого не менее явное – с предателями никто церемонится не будет. Впрочем, это было понятно само собой.

* * *

Где-то в сети, 23 августа. Химера.

Я следила и наблюдала… И ждала… Первое письмо Виктора, я прочитала. Но там не было моего прозвища… Как и во втором. Поэтому я просто проигнорировала их. Но третье… Третье содержало массу болтовни, Вик описывал тех, с кем познакомился… И Вадима. " Он одевается своеобразно, но стильно…" Стильно… Тиль…Письмо заканчивалось "Мне бы хотелось, чтобы ты поняла это." Я поняла. Поэтому и ответила "Хорошо, я все понимаю… Я согласна". Странный ответ и странные взаимоотношения. Понятные только нам двоим.

Виктор… Несмотря на то, что он находился в компании, я все время была рядом с ним, готовая в любой момент вмешаться. Выуживала информацию, слушала и запоминала. И едва не проспала настоящую опасность. Грозящую мне.

О да, я сначала ничего не заметила – все-таки мир потоков был слишком изменчивым. И когда я впервые ощутила, что поток меня куда-то увлекает, только слегка насторожилась, не больше. И именно поэтому едва не погибла. Мягкое движение обрело плотность мощного течения, и меня понесло куда-то вперед и вниз….

Да, я принялась бороться. Это напомнило мне, как я когда-то угодила в быстрину. Течение несло, а я могла только с трудом держаться на плаву… Но не в силах что-то изменить, не в силах вырваться, и с трудом пытающаяся отогнать накатывающий волной страх.

Кое-что я усвоила еще тогда – если не удастся сделать

мощный рывок – ты просто потратишь силы впустую. Я рванулась… Но моих сил не хватило. Меня понесло, словно щепку, увлекаемую быстрым ручейком.

Давно я не ощущала себя настолько беспомощной. Я перестала биться, пытаясь вырваться, и просто отстранилась. А потом сосредоточилась на самом потоке.

Это было проще – движение энергий оставалось мне подвластным. Поток замедлил свое течение и почти остановился. Теперь я могла разглядеть, куда меня едва не затянуло. Внизу подо мной висел шар, переливающийся всеми оттенками красного, от ярко-огненного до тускло-багрового. И он управлял потоками, впитывая их в себя…

Мне стало страшно… Неизвестное страшит почти всегда. Но чтобы это ни было, оно было слабее меня. Пока слабее. Я сосредоточилась, и другие потоки тоже замедлились, а потом и вовсе остановились. Шар некоторое время раздувался, но его свечение становилось все слабее и слабее, словно ему не хватало сил, а потом почти угасло.

Я подобралась поближе к странному шару и принялась его изучать, пытаясь понять, что же это такое. Размером он был выше меня, но не намного – его диаметр колебался от полутора до двух метров. Он то увеличивался в объеме, то уменьшался, словно дышал. И, подобно мне, он принадлежал сразу двум мирам.

Странное образование. Оно могло управлять потоками, но, похоже, делало это неосознанно, поскольку даже не попыталось бороться со мной. И ничего не предприняло, когда я перехватила инициативу. Но что это могло быть такое? Несмотря на всю гору поглощенной и перелопаченной информации, несмотря на накопленный опыт у меня пока не было ни малейшего представления.

Меня мучили странные предчувствия, но время пока у меня было. Что это, я не знала… И мое любопытство было разбужено. Но в тоже время от этого шара исходила опасность – пока почти незаметная. И я соблюдала предельную осторожность. Но оставить это все просто так я уже не могла.

Первое, что я осознала – это существо было живым… Его окружало что-то вроде кокона, который подпитывался энергией потоков, а внутри него было нечто, пока еще не известное… После того, как я ограничила ту энергию, которую оно потребляло, оно просто зависло… Пребывало в чем-то наподобие сна…Но любое вмешательство – усиление или ослабление потоков – могло его разбудить… И оно все равно проснется – раньше или позже – как только накопит достаточно сил. Я могла оттянуть его пробуждение… Но и только.

Уничтожить это существо я не могла – я почти сразу поняла, что оно связанно с реальным миром намного сильнее, чем я. А мир потоков был связан с ним лишь частично. Я могла полностью отрезать его от потоков, хотя бы на время. Но это значило, что оно немедленно пробудится в реальном мире… Где-то в компании… А там был Виктор. Интересно, где они держали это существо? Определить его точное местоположение я не могла. Мир потоков не мог дать ответ на этот вопрос. Верней, я боялась воспользоваться обычными способами получения информации – чтобы это не было – оно не позволяло прощупывать себя. Я вспомнила добытые планы – в здании компании было 4 подземных этажа… О которых мало кто знал. Стоянку и склад я отмела почти сразу – они не были засекречены. Значит Архив или бункер…

Я не стала рисковать, вернувшись к подслушиванию. И вскоре была вознаграждена – а также убедилась, что не зря решила прослушивать именно Зварыгина – наконец я поняла, что произошло в компании. Итак, Феникс… У меня появился равный противник… То, что пока он был в бессознательном состоянии, ничего не меняло… А может, он станет не врагом, а другом? Я обдумывала это, и мне так хотелось в это поверить. Но я и сама понимала, что это вряд ли возможно… Достаточно было вспомнить себя саму. Феникс проснется и захочет жить. И, скорее всего, попытается устранить любого, кого сочтет угрозой. Например, меня. Но я тоже хотела жить. У меня оставались незаконченные дела. И, кроме того, я не могла оставить Виктора без поддержки. Следовало подготовиться. В отличие от остальных у меня было преимущество – все разработки по Химере и Фениксу хранились в моей памяти. Я не тянула на гениального ученого… Но порой терпенье и скрупулезный анализ дают не меньше.

Единственное, о чем я жалела – голова у меня была всего одна. Я могла обдумывать несколько проблем, но для анализа нужна была сосредоточенность. И меня не покидало противное ощущение, что я что-то упустила. Но что? Я обдумала все еще раз, но ответа так и не нашла. Некоторое время я колебалась, но Феникс был важнее. И я отвлеклась от прослушивания, утешая себя, что это ненадолго. Следовало проанализировать информацию. Все обдумать. Мне нужны были факты.

* * *

Столица, главный офис компании «Аэда», 24 августа. Виктор.

Виктор сидел, задумчиво глядя перед собой, а Вадим бегал по кабинету и ругался вполголоса.

– Нет, ну как они могут! Они запретили мне из кабинета выходить! – после чего проследовали весьма цветистые

выражения. Похоже, Вадим был не на шутку расстроен.

– Впервые за все время я угодил под домашний арест… – пробормотал он, усаживаясь на стул и со всей силы стукнув по столу

– Уникальнейшая возможность! А они меня тут заперли!

Виктор молчал. Его в произошедшее не посвятили. Но, по словам, в запальчивости вырывающимся у Вадима, он уже составил более-менее внятную картину.

Кто-то из ученых компании крупно накосячил, и теперь получилось нечто, чего они объяснить не могут. Насколько он понял из отрывочных восклицаний Вадима, это нечто дистанционно могло влиять на компьютеры, вызывая весьма увлекательные и необъяснимые изменения работы программ.

Виктор думал об этом вскользь – его мысли сейчас были заняты Тиль. Она явно поняла его письмо – значит, сообщить что-то важное ей не составит особой проблемы. Интересно, а она в курсе, что произошло? И может ли произошедшее нарушить его планы?

На втором столике, втиснутом в самый угол, стоял компьютер, на который Вадим смотрел как на ларец с сокровищами. Вот и сейчас, словно его к нему притягивало невидимым магнитом, он некоторое время не отводил глаз, потом уселся и принялся колотить по клавишам.

– Смотри! – он тыкнул пальцем в экран, и Виктор подошел ближе.

– Вот это! Вот это объяснить просто невозможно. Оно не подключено к сети верно? Как оно это делает!?

Виктор молчал. Действительно, как компьютер, не подключенный к сети, способен выходит в интернет, причем только на один единственный сайт, объяснить с точки зрения логики было невозможно.

– Или вот это! – Вадим вскочил со стула, подошел к стоящему на окне ноутбуку и включил его. Виктор опять последовал за ним, хотя уже знал, что тот ему покажет. Компьютер загрузился, после чего бодро принялся открывать по очереди все окна, ярлычки которых были на рабочем столе, после чего столь же бодро закрыл их и выключился.

– Виктор, ты ж видел – мы только что переустановили систему!

– Видел. – Виктор сохранял спокойствие. – Уже в третий раз.

– И они не дают мне продолжать! Да я все отдам, чтоб наблюдать за самим процессом! А хочу знать, КАК это происходит! А они… – Вадим махнул рукой и опять забегал по комнате, бормоча под нос. – Опасность, опасность… Глупости…

Тихо зазвонил телефон внутренней связи, и Вадим схватил трубку. Несколько секунд он послушал, потом кивнул Виктору.

– Тебе к Зварыгину. Секретарша звонила, просили подойти немедленно.

Виктор кивнул в ответ, и вышел из кабинета Вадима. Охранник, стоявший у двери, проводил его взглядом, но остался на месте. Насколько он понял, телохранителю было приказано пресекать все попытки Вадима подобраться поближе к интересному феномену. Как он резонно решил, они были абсолютно правы – простой запрет уже давно был бы нарушен. Виктор прошел к лифту, уже привыкнув к тому, что его могут вызвать в любой момент – его рассматривали только как ниточку к Тиль. Впрочем, это и было к лучшему. Пока. Интересно, что от него потребовалось на этот раз?

Виктор думал о Зварыгине – ему не нравилось то, как тот на него смотрел. Умен, очень умен. И проницателен. С ним нужно вести себя очень осторожно. Его мысли перетекли на Тиль. Как она? Ну не мог Виктор думать о ней, как о Химере. Даже заглянув в ее глаза и увидев в них бездну. Она была Тиль – его верным другом, который всегда был рядом. А ее силой было понимание – она чувствовала других… Чужую боль, чужую горечь…

Коридоры были пустынны. Как и всегда – встретить кого-то в коридоре в рабочее время было почти невозможно. Виктор нажал кнопку вызова лифта, и двери перед ним послушно распахнулись. Он шагнул вперед, и тут что-то тяжелое обрушилась ему на голову. Даже не успев понять, что же произошло, он рухнул вниз.

Глава 12.

Столица, главный офис компании «Аэда», 24 августа. Зварыгин

– Что значит похитили? Прямо в здании компании? – Генеральный сидел за столом и в упор смотрел на стоящего перед ним Зварыгина. – Иван, что происходит?

– Похоже, кто-то доложил Омскому о том, что его вычислили. И о том, насколько важен Виктор. Жест отчаянья. – Зварыгин потер переносицу.

– И где он сейчас? – Андрей Васильевич откинулся в кресле. – Только не говори, что не знаешь.

– Знаю, конечно. – Зварыгин смотрел мрачно – Нулевой уровень, второй отсек.

– Что!? – Генеральный медленно поднялся, а потом так же медленно опустился в кресло, и неожиданно спокойно произнес.

– Иван, как он узнал? Как он узнал о Фениксе? От кого?

– Не знал он. – Зварыгин помолчал. – Он только о Химере знал. И о том, что Виктор – ключ к ней. Ему доложили, что нам все известно, и он решил действовать. Теперь он попытается управлять Химерой.

– Кто крыса? – лицо Андрея Васильевича казалось высеченным из мрамора.

– Ваша секретарша. Лидия.

– У нее были возможности… – Генеральный медленно кивнул. – А теперь по порядку.

– Он знал больше, чем мы думали. Знал о Химере и о том, что ключ к ней – Виктор. Знал, что он под подозрением. И когда понял, что мы все знаем, решил, что сможет уничтожить нас руками Химеры. Лидия вызвала Виктора вроде как по моему приказу – даже Вадим ничего не заподозрил. Как я ее раньше не вычислил? Но когда Вадим позвонил мне – все встало на свои места. Если хоть немного раньше… Виктор вышел, и тут Омский его и оглушил. Скорее всего, это произошло возле лифта. У Омского был допуск на нижние этажи – поэтому он просто съехал на лифте вниз, прекрасно понимая, что из здания компании ему не выбраться. Рассчитывал в бункере пересидеть, а оттуда нам условия диктовать. Не ожидал, что первый отсек окажется занят и к тому же под усиленной охраной. Но в безопасности он хорошо разбирался – просто блокировал бронированные двери между коридором и отсеками. Охранники его видели, но сделать ничего не могли. Он затащил бесчувственного Виктора во второй отсек и запер двери. Как оборудованы оба бункера, не мне вам рассказывать. Выйти он не может, но и мы подобраться к нему не

в силах. Продуктов там на месяцы хватит, электричество автономно, как и доступ в сеть. Мы должны действовать немедленно. До того, как он доберется до Химеры.

– Сколько у нас времени? – Генеральный говорил по-прежнему спокойно.

– Похоже, оно уже все вышло. Мы должны действовать немедленно. – Зварыгин посмотрел Генеральному прямо в глаза и это взгляд внезапно напомнил ему прежнего Ивана – такого, каким он был шесть лет назад.

– И что ты предлагаешь? – Андрей Васильевич обдумывал варианты и теперь с легким любопытством ждал, что предложит Зварыгин.

– Связаться с Химерой. Немедленно. До того, как это сделает Омский. И рассказать ей все прямым текстом.

– Рискованно… – Генеральный потер подбородок. – Где Марк?

– Сейчас придет. Я велел разыскать его и передать, что он нужен срочно.

Двери открылись почти одновременно с его словами, и в кабинет вошел мрачный Туров.

– Такое ощущение, что у нас и полдня не может пройти без того, чтобы что-то не случилось. – Он плотно закрыл двери. – Что стряслось на этот раз?

Пока Генеральный вводил его в курс дела, Зварыгин раздумывал над своим промахом. Давно следовало вычислить эту мерзавку. Распустился он что-то, расклеился. Когда шесть лет назад он из-за несчастного случая потерял двух самых дорогих ему людей, едва не сломался. Тогда его спас Андрей. Можно сказать, с того света вытащил. А потом он с головой ушел в работу. Тогда он думал, что никогда больше ничего не сможет чувствовать. Он ничего и не чувствовал – никаких эмоций. Равнодушие стало его броней, защитой от той запредельной боли, которая когда-то почти свела его с ума. Но сейчас было такое ощущение, что его панцирь стал давать трещины. А он стал допускать ошибки.

Зварыгин уселся за компьютер и стал составлять письмо. Марк ходил туда-сюда, время от времени останавливаясь за его спиной и читая то, что он набирал. Но он не чувствовал сейчас ничего – даже привычного легкого раздражения. Зварыгин представлял лицо Химеры, ее взгляд и пытался понять, как она будет реагировать. Вот на эту фразу. А вот на эту. От того, как он напишет сейчас, зависело слишком многое. Зависело, на чьей стороне окажется опасное и непредсказуемое существо. Имя Екатерина явно ей больше не шло. Да она и сама себя называла Химерой. Что она чувствовала? Что пересилит в ней – ненависть к

компании или желание спасти Виктора? Какие эмоции управляют ею сейчас?

Закончив, он перечитал еще раз.

Генеральным тоже подошел и быстро перечитал написанное. Затем кивнул. Зварыгин молча отправил – теперь оставалось только ждать. И надеяться, что они успели раньше Омского. Что подобрали верные слова. Судорожный вздох Марка заставил его резко обернуться, испытав на мгновения смесь торжества по поводу того, что он не ошибся и отчетливого чувства, что именно сейчас все висит на волоске – перед ними, неподвижно замерев в напряженной позе, стояла Химера.

В отличие от него, ни Марк, ни Андрей не видели ее раньше. Но и впечатление, произведенное на него, тоже было сильным. Химера пока молчала, а в ее абсолютно черных глазах ничего не отражалось. Лицо своей неподвижностью напоминало маску.

Похоже, направленные на нее взгляды ее отнюдь не смущали. Постояв на месте несколько секунд, она плавно шагнула вперед, обошла Марка и уселась в кресло.

Зварыгин рассматривал ее, пытаясь понять, как строить с ней разговор. Нет, внешне она почти не изменилась. А вот ее движения стали на удивление четкими и изящными. Точно выверенными. Жутковатое впечатление производила ее манера неподвижно замирать в любой позе – даже кажущейся явно неудобной. Да и в кресле она сидела не вольготно расслабившись – а напоминая взведенную пружину. И она, медленно повернув голову, обвела всех взглядом, после чего уставилась ему прямо в глаза.

На лице Зварыгина не отразилось никаких эмоций. Но внутри… Словно в какой-то момент прорвало плотину, которой он столько лет успешно отгораживался от мира. Он чувствовал слишком много – опасение, торжество и страх все испортить. Желание понять, какая она под маской. Желание снова ничего не чувствовать – просто вытравить все эмоции, не сдерживать себя, а просто и в самом деле вернуть былую опустошенность…Химера молчала, глядя на него, и он постарался откинуть все эмоции в сторону. По всему выходило, что разговор начинать придется ему. Но что можно сказать человеку, которого ты обрек на смерть? Спокойно и хладнокровно списал, как расходный материал? Что можно сказать существу, которое видит в тебе своего убийцу?

– Спасибо, что согласилась на встречу. – Его голос, несмотря на все, что он испытывал, звучал ровно. – Думаю, пришло время поговорить. Обо всем.

– Поговорить… – ее голос был странно тихим, но, в отличие от маски, которую она носила, в нем отражалось множество

эмоций, расшифровать которые он пока не мог.

– Да, время пришло…

* * *

Столица, главный офис компании «Аэда», 24 августа. Химера.

Когда я закончила анализировать информацию, я поняла, не зря потратила время. Теперь я знала, что представляет собой Феникс. Вернее, что будет представлять, когда проснется.

То тело, которое обретала я, выходя в реальный мир, представляло собой энергетическое образование и нуждалось в постоянной подпитке энергией. Я делала это неосознанно, просто забирая то, что нужно мне, из мира потоков. Феникс имел вполне реальное тело, защищенное энергетическим коконом. Но та оболочка, которая защищала его – она тоже подпитывалась посторонней энергией. Он не сможет, подобно мне, перемещаться через мир потоков… Но это не делало его менее опасным. Как и я, он был почти неуязвим в мире высоких энергий. Но его тело – несмотря на надежную защиту – оставалось телом человека. В отличие от меня, потеря тела значила для него смерть.

С психикой было сложнее. Вообще, сложно было сказать, сколько останется в нем человеческого – скорее всего, намного меньше, чем даже во мне. Хотя, в отличие от меня, он сохранит все свои воспоминания. Но утратить их адекватную оценку. А может, и наоборот – потому что будет видеть во всем только логику – и ничего больше.

Я замерла в потоке, позволяя энергиям обтекать мое тело, наполняя его силой. Я давно привыкла к тому, что мои глаза видят сквозь всевозможные цветовые оттенки, словно охватывая этот мир во всем его совершенстве. Потому что этот мир был невероятно красив – во всяком случае, с моей точки зрения. Самая слабая аналогия, которую я могла придумать для реальности – это если человека из темной комнаты внезапно поместить в центр фейерверка… Когда одновременно взрываются миллионы огней и сверкающие реки всех цветов омывают тебя со всех сторон.

К сожалению, моя эйфория длилась совсем недолго – пришедшее письмо напрочь убила желание любоваться красотами. Письмо было от Зварыгина и сообщало о похищении Виктора. Несколько секунд я колебалась, подозревая ловушку и перечитывая письмо. Потом попыталась найти Виктора – он знал, что не должен выключать свой мобильный. Сигнала не было. И я решилась – даже если мной попытаются управлять – оставить без внимания такую угрозу я не могла. И я сделала шаг в реальность, возникнув как раз там, где меня ждали.

Мое появление, похоже, явилось некоторой неожиданностью. Передо мной были очень и очень знакомые лица. Зварыгин. Туров. Царев.

Замерев на несколько секунд, я решила, что не позволю им диктовать себе условия. Мне нужна была от них информация – и только. Я прислушалась к себе, пытаясь понять, что же я ощущаю, стоя к ним вот так, лицом к лицу… И поняла, что почти ничего. Равнодушие.

Легко обойдя Турова, я уселась в кресло и принялась внимательно их изучать, размышляя о том, что могу сейчас им отомстить. Но не испытывая никакого желания это делать. Мне важен был Виктор, а до остальных мне не было почти никакого дела. Разве что… Я встретилась глазами со Зварыгиным… Разве что еще до одного человека.

Молчание затягивалось, но начинать разговор первой я не собиралась. Я смотрела в глаза начальника службы безопасности, и пыталась понять, чего от него ждать. Странно, но исходящую опасность я ощущала только от него. Остальные были не важны. Хотя почему? Они тоже могли принимать решения. Но, прислушиваясь к своим ощущениям, я понимала, что сейчас они для меня не опасны. Только Зварыгин. Он выдерживал мой взгляд, не отводя глаз, но все же начал разговор первым.

– Спасибо, что согласилась на встречу. Думаю, пришло время поговорить. Обо всем.

– Поговорить… – Я заставила себя сосредоточиться.

– Да, время пришло…– Немного помолчав, я добавила с изрядной долей равнодушия.

– Если я узнаю потом, что вы пытались меня подставить или солгали мне, я вас всех убью.

Марк закашлялся, но Царев и Зварыгин остались невозмутимы.

– А теперь хочу знать подробности того, что произошло.

Зварыгин принялся рассказывать. Коротко, откидывая все лишнее. Только факты. Я внимательно слушала, анализируя и пытаясь понять, врут мне или нет. По всему выходило, что вряд ли. Не рискнули бы они. Да и выгоды особой во вранье не было. Итак, у меня появилась новая цель. Омский.

– Я не могу туда проникнуть. Верней могу, но это слишком опасно. Слишком близко к Фениксу. Если он почувствует возмущения потоков, то может проснуться.

Теперь невозмутимым остался только Зварыгин, но и ему, похоже, это далось с трудом. Они что, всерьез думали, что мне ничего не известно?

– Боюсь, мы ничего не знаем о Фениксе, – голос Зварыгина

оставался невозмутимым, но в глазах явно промелькнула какая-то искра.

Теперь молчала я, молчала, прикидывая, какой частью информации могу поделиться, и стоит ли это делать в принципе.

– Кем он станет, когда проснется, неизвестно. Но человеческого в нем останется очень и очень немного. – Я опять помолчала, потом нехотя продолжила. – Даже меньше, чем во мне. Феникса очень сложно уничтожить. Хотя его тело смертно, сам он почти неуничтожим. Он будет защищаться от всего, в чем почувствует угрозу. Самый первый и важный инстинкт – самосохранение. Как только вы попытаетесь его убить – он перейдет в активную фазу. Любая угроза его существованию станет спусковым крючком к его мгновенному пробуждению.

– А если мы его уничтожим? – голос Царева тоже был спокойный, но в нем звенело напряжение. Я перевела взгляд на него и некоторое время его изучала. Ему это явно не нравилось, но он терпел.

– Вы можете попробовать – но вряд ли вам это удастся. Его тело защищено энергетическим коконом, пробить который достаточно сложно. Я бы рекомендовала эвакуировать людей из здания. Когда Феникс проснется – его почти ничто не сможет остановить.

– Почти ничто? – Туров подался вперед, но я промолчала, не собираясь отвечать на этот вопрос. Настаивать он не решился.

– А он проснется? – В голосе Зварыгина впервые прозвучали странные нотки, как будто он что-то хотел добавить и изо всех сил себя сдерживал.

– Он проснется. Рано или поздно.

– И что он предпримет?

– Не знаю. Знаю только, что он захочет жить. Все хотят. – В моем голосе проскользнула усталость вперемешку с горечью. И тут же осознала, что это не укрылось от Зварыгина – он улавливал мои эмоции ничуть не хуже, чем я его. Что за странная связь возникла между нами? Я внезапно отвернулась, чувствуя, что проигрываю. Он обрек меня на смерть. Он стрелял в меня. И я не смогла его убить. Внезапно я почувствовала, как что-то изменилось. Застыв на несколько секунд каменным изваянием, мучительно раздумывая, как действовать дальше. Потом с безразличием произнесла.

– Мне написал Омский. Говорит, что Виктор у него и требует, чтобы я связалась с ним.

Напряжение, повисшее в комнате после этих слов, можно было пощупать руками. Я просчитывала варианты, а то, о чем думали остальные, меня волновало мало. От задумчивости меня

отвлек вопрос Зварыгина.

– Тебе нужна помощь?

Вопрос был настолько неожиданным, что я на некоторое время растерялась. Потом испытала дикое желание расхохотаться. А после заглянула в глаза Зварыгина и поняла, что он говорил абсолютно серьезно, не понимая, насколько это дико звучит для меня. Но почти сразу поняла свою ошибку – он все прекрасно понимал. И ни на что особо не рассчитывал. Я немного помолчала, после чего сделала самую большую уступку, на которую была способна.

– Если понадобиться, я буду иметь в виду. И я поставлю вас в известность, когда приму решение.

Даже не потрудившись встать, я закрыла глаза и перенеслась в мир потоков. Омский сам себя приговорил. Теперь оставалось только выполнить приговор – и чтоб при этом пострадало минимальное количество людей. И чтобы ни в коем случае не пострадал Виктор. Мне нужен был план.

* * *

Столица, главный офис компании «Аэда», 4 подземный этаж, 25 августа. Виктор.

Виктор застонал и с трудом открыл глаза. В голове мутилось. Стиснув зубы, он взял себя в руки и попытался понять, что же произошло. Он помнил, как его вызвал Зварыгин… Как он подошел к лифту… Дальше зияла пустота. Судя по пульсирующей боли в голове, он хорошо схлопотал. Но от кого? И какой-то противный запах, от которого его до сих пор мутило. Сколько он пробыл без сознания? Неужели его просто решили вывести из игры? Странно. Должны же они были понимать, что это почти немедленно спровоцирует Тиль на ответные действия. Или они добивались именно этого? Но зачем? Боль в голове мешала думать и рассуждать. Он попытался встать и тут осознал, что связан. Нет, кто бы ни был в этом замешан – это явно не руководство компании. Возле него просто поставили бы пару телохранителей или заперли. Чья-то самодеятельность? Но чья?

Только теперь он обратил внимание на помещение, в котором находился. Небольшая комната с двумя дверями, кожаный диван, на который его сгрузили, стол с компьютером – вернее, заменяющее его непонятное сооружение с тремя экранами и множеством кнопок и консолей, стена, разделенная на множество закрытых ячеек, еще один стол, уже письменный, кожаные стулья и не режущий глаза дневной свет.

Виктор опять закрыл глаза и застонал. Что же он упустил?

Какой фактор? На его стон отреагировали – одна из дверей открылась, и внутрь вошел человек, которого он узнал почти мгновенно. Омский.

Боль отступила на второй план – Виктор интенсивно думал. Омский скользнул по нему взглядом и уселся за стол. Засветились экраны, причем, сколько Виктор не пытался понять, что он делает – не мог. По одному из экранов бежал какой-то график, другой выдавал несколько картинок – похоже, а него поступали какие-то данные с Интернета, причем было открыто сразу несколько окон. Третий экран он не видел – он был расположен под углом и сколько он не вытягивал голову – ничего разглядеть не мог. Поэтому он просто задумчиво уставился в потолок, краем глаза наблюдая, как Омский барабанит по клавишам. Мыслей было много, но причина, почему его похитил Омский, могла быть только одна – Химера. Ему что-то надо от нее, что-то, чего он может добиться только угрозой.

– Где я? Что происходит? – вопрос однозначно был глупым, но попытаться стоило. Если удастся разговорить Омского, то у него будет шанс. Все же лучше, чем гордо и молчаливо лежать связанному, подобно бревну.

К его некоторому удивлению, Омский ему ответил

– В так называемом бункере… Нулевой уровень. Или четвертый со знаком минус. Четвертый подземный.

– Ясно… – Виктор прикидывал, как лучше начать разговор. – А что я тут делаю? Связанный?

– Отдыхаешь. Чем не курорт? – в голосе Омского проскочила издевка. – Или слишком сильно по голове получил? Мне нужен был заложник. Причем ценный заложник. А ценнее тебя в этой компании только Генеральный. Но к нему мне, сам понимаешь, подобраться было невозможно.

– Но зачем все это?

– Царев отдал приказ о моей ликвидации. Я знал, что рано или поздно это произойдет. И приготовил путь к бегству. Но опоздал, – лицо Омского приняло странно обиженное выражение, что выглядело бы весьма забавно в другой обстановке. – Меня предали. Подставили. Сделали из меня козла отпущения. Поэтому пришлось импровизировать.

Виктор напряженно думал. То, что Омский старался не для

себя, было ясно. Но тогда для кого?

– Предали? – Виктор предпочел выглядеть полностью сбитым с толку. – Но кто? И причем тут все-таки я?

– Думаю, уже догадался… – Омский опять уставился на экран. – Ведь ты же не полный идиот. По той же причине, по которой ты оказался нужным компании. Екатерина Дымова. Химера.

Разумеется, полным идиотом он не был и именно это и предполагал. Но разговорчивость финансового директора – бывшего финансового директора была плохим признаком. Это значило, скорее всего, что он приговорен. Виктора обуяла холодная злость – этот гад разрушил план и какой план! Нет уж, не дождется. Сейчас из него надо вытянуть максимум информации – а потом потягаемся. Тиль вмешается – он в этом даже не сомневался. И управлять собой она тоже не позволит.

– Зачем она вам?

– Не придуривайся. Она сейчас может очень и очень многое. Кто владеет информацией – владеет всем. А Химера не просто ею владеет. Она хотела уничтожить компанию? Я подскажу ей, как это сделать. Все ее прежние мелкие укусы по финансам были игрой – разорить компанию с ее возможностями вообще легко и просто. Впрочем, возможно она хотела, чтоб агония была долгой. Но у меня больше нет времени ждать, пока она наиграется. И потом, она могла передумать, когда Царев заполучил тебя. А теперь этого сдерживающего фактора больше нет – а я подтолкну ее к тому, чтобы действовать быстро. И ты будешь моим заложником, пока она действует.

Виктор лихорадочно соображал – Омский не знал многого, очень многого. Не знал, что Химера способна выходить в реальность. Не знал, что она никому не позволит диктовать себе условия. Но его теперь интересовал другой вопрос.

– Но мне все-таки непонятно, почему вы говорите о предательстве? За что вас приказали убить?

Омский молчал, словно что-то прикидывая, а Виктор напряженно ждал. Почему-то ему казалось, что этот вопрос важен, очень важен. И если не сейчас – то будет очень важен впоследствии.

– За что? – Омский уставился на экран и некоторое время молча раздумывал. – Мне пообещали деньги…Большие деньги. А, кроме того, Компанию очень хотели прибрать к рукам – ты даже не представляешь, какой у нее потенциал. Есть куча патентов и открытий, принадлежащих Компании и намертво похороненных. Информация на вес золота, недоступная другим. И люди, которые

весьма заинтересованы в том, чтобы ее получить. Данные, которые Компания придерживает специально – просто для того, чтоб не дать вырасти тому, кто со временем может превзойти ее по всем статьям.

Виктор напряженно прислушивался, опасаясь спугнуть откровения Омского неудачной фразой. Значит, прибрать Компанию к рукам планировали давно, а сама Компания представляла гораздо большую ценность, чем он предполагал.

– Почему не отвечает Химера? – Омский опять уставился в экран. – Или она не верит в серьезность моих намерений? Почему она молчит? – он повернулся к Виктору, а в глазах его промелькнул страх и что-то еще. – Почему?

– Скорее всего, она думает… – Виктор говорил медленно и спокойно – до него уже дошло, что нервы Омского на пределе и тот в любой момент может отреагировать неадекватно. – Или не знает, что ей делать.

Омский опять обернулся к компьютеру, и принялся что-то регулировать. После чего заметно напрягся и грязно выругался.

– Все равно они ничего сделать не смогут. – Он обернулся к Виктору. – Хотя, несомненно, попытаются…

– Кто? – Вопрос прозвучал по-идиотски, но, похоже, Омский ожидал именно такого вопроса.

– Кто? – Он криво усмехнулся в ответ, после чего повернул к Виктору третий экран. – Разумеется, начальник службы безопасности компании, Иван Николаевич Зварыгин… Знать бы еще, что ты, сволочь, задумал!

Омский с ненавистью смотрел на экран, на котором горели квадратики, явно поступающие с камер наблюдения, причем несколько квадратиков уже светились сплошной чернотой. А на очередном квадратике Зварыгин в сопровождении охранников отключал еще одну камеру. Все процедура заняла не больше минуты.

– Сволочь! – в очередной раз выругался Омский, глядя на потухший экран.

Глава 13.

Столица, главный офис компании «Аэда», 25 августа. Зварыгин.

Зварыгин действовал, как всегда, методично. Сначала следовало отрезать находившегося в бункере Омского от любых связей с внешним миром. Поэтому он отключил очередную камеру наблюдения и, не торопясь, направился по коридору к следующей – их оставалось менее десятка. Если он все правильно рассчитал, сейчас Омский был сильно на взводе – он и по характеру был паникером, а сейчас должен был просто сходить с ума, ощущая себя загнанным зверем.

Дальнейшая реакция Омского была тоже предсказуемой. Он сорвет злость на Викторе. А это однозначно спровоцирует Химеру на действия. Нельзя было позволить ей выжидать и раздумывать – не было никакой гарантии, что она не пойдет против них. И шанс на то, что Омскому удастся ее переубедить, был достаточно велик. Этого нельзя было позволить. Ни в коем случае. Что будет с самим Виктором, его волновало мало. Виктор его даже раздражал – хоть в этом было сложно признаться самому себе. Раздражал каким-то чересчур спокойным поведением, уверенностью в себе и умом. Хотя что было толку себя обманывать? Иван слегка усмехнулся. Виктор раздражал его именно тем, что его любила Химера. И логика тут была не при чем.

Последняя камера наблюдения мигнула и погасла – Зварыгин тут же представил, с каким выражением Омский смотрит на черный экран, и растянул губы в ухмылке. Впервые за очень долгое время он ощущал что-то вроде азарта – кто кого переиграет. Тем более, ставки были высоки, очень высоки. Ставкой в этом невероятном соревновании была не только Химера – существование самой Компании. И он собирался выиграть.

Не обращая внимания на следующих за ним охранников, он вызвал лифт и направился прямо в кабинет Вадима. У дверей стояло еще двое представителей охранной структуры – и Звырыгин опять ухмыльнулся – по распоряжению Генерального всех работников на неделю отправили в оплачиваемый отпуск, а ко всем, оставшимся в здании компании, была приставлена охрана. Никаких исключений.

– Эти питекантропы меня раздражают. – Вадим на мгновение оторвался от монитора и сосредоточил взгляд на начальнике безопасности, а потом ткнул пальцем в еще одного представителя

этой породы, стоящего у окна с каменным лицом,

– Неужели нельзя и этому дежурить в коридоре?

– Увы. – Зварыгин посмотрел на охранника, потом кивнул на второго, вошедшего вслед за ним, – даже я не избавлен от этого. Ты лучше о своих успехах расскажи.

– Это было нелегко. – Вадим повернулся опять к экрану, а Зварыгин подошел ближе. – Я установил фильтр. Омский и бункер отрезаны от сети – они могут выходить на локальную сеть компании – остальное им недоступно. Но это не остановит Химеру – полностью отрезать связь невозможно – разве что вместе с кабелем.

– В этом нет необходимости. – Зварыгин обдумывал ситуацию. – Ты отлично поработал. Считай, что у тебя неделя отпуска.

Вадим медленно поднялся и посмотрел в глаза Зварыгину, а потом сказал, четко выговаривая слова.

– Я никуда отсюда не уйду, пока не разрешится ситуация с Виктором. А если вы попытаетесь меня заставить – это будет равносильно моему увольнению с должности.

Иван мысленно высказал несколько неприличных замечаний, суть которых сводилась к тому, что некоторые идиоты не видят дальше собственного носа. Но Вадима он знал достаточно – если тот что-то вбивал себе в голову, переубедить его не представлялось возможным. К счастью, почти всегда он оставался спокойным, легко идущим на компромисс и вполне адекватным. Но только не тогда, когда начинал говорить таким голосом – это значило, что решение им уже принято и он его выполнит – даже в ущерб себе. Раздражение на Виктора становилось все сильнее – этот парень еще и цеплял людей так, что они были готовы действовать ради него, невзирая на последствия.

– Вадим, ты ведь понимаешь, что помочь ему ничем не можешь – только подвергаешь себя опасности, находясь здесь? – Зварыгин с неудовольствием отметил, как губы Вадима сжались, а взгляд стал отсутствующим. Нет, самым умным решением будет прибить Виктора при первой возможности. Этот парень еще и намного опаснее, чем кажется. Мысленно прикинув, стоит ли заводиться с Вадимом, Зварыгин махнул рукой.

– Неужели ты думаешь, что приказ о полной эвакуации – это просто прихоть? Делай, что хочешь – но из кабинета не выходи. Бессмысленный риск ни к чему.

– А в чем риск-то? – Вадим упрямо выставил голову вперед, совершенно не собираясь сдаваться. – Что, Омский может покинуть бункер и отправится на охоту по коридорам?

– Омский, пожалуй, нет… – Зварыгин говорил нарочито

медленно, не отрывая взгляда от лица Вадима. – Но неужели ты думаешь, что он сам все продумал? И старался только для себя? Или что сейчас он основная угроза? Феникс – угроза далеко не потенциальная, а вполне реальная.

– Но Феникс же… – Вадим резко замолчал и побледнел, а потом произнес совсем тихо. – Приказ уже отдан?

– Ты же знаешь Генерального… – Иван сделал знак и оба охранника вышли в коридор, но Вадим почти не отреагировал на это – на лице его медленно выступало понимание. – Я направляюсь как раз туда. Он ждет меня через 20 минут – на этот раз он изъявил желание контролировать ситуацию от начала до конца.

– Подозреваю, Марк уже там, – Вадим поднялся со стула и выключил комп. – Я иду с вами. Теперь я понимаю, почему от сети вы потребовали отрезать оба бункера. Предупреждаю еще раз – мой фильтр не остановит Химеру, и я не думаю, что остановит Феникса.

– Твой фильтр нужен только для того, чтоб отрезать от сети Омского. Только для этого. Никто не ждет от тебя невозможного.

Вадим молчал, явно что-то обдумывая. Зварыгин еще насколько секунд изучал его лицо, после чего только кивнул – Генеральный конечно, будет недоволен, но и Вадим не отступится. Да и потом, возможно от него будет толк – в отличии от Марка. Вот кого он бы не подпустил бы к бункеру и на пушечный выстрел. Размышляя над принятыми мерами безопасности, он молча вышел из кабинета, не сомневаясь, что Вадим следует за ним. Охрана держалась сзади, вызывая у него мрачное веселье – шесть человек, топавших за ним с Вадимом, выглядели глупо, но, если они встретятся по пути с Марком или Генеральным – количество охраны станет таким, что это вообще перейдет в разряд абсурда. Войдя в лифт и подождав, пока в него втиснуться все остальные, он достал магнитную карточку и аккуратно вставил ее в прорезь, после чего набрал на панели нужные цифры. Доступ к четвертому подземному уровню был только до сих пор только у пятерых – к сожалению, Омский входил в эту пятерку. Двери лифта бесшумно закрылись, и он заскользил вниз. Сам Зварыгин почти не думал о предстоящем – не то, чтобы его волновал полученный приказ об уничтожении или принятые меры безопасности. Он думал о Химере – о ее предупреждении насчет Феникса. И о горечи в ее голосе, когда она произнесла те слова. Сколько в ней человеческого? Что вообще может служить мерой человечности? Разум, возникший из человеческого, но ставший… чем? Химера, Феникс – люди они по-прежнему или нечто совершенно чуждое, которое нужно

уничтожить любой ценой?

Едва двери лифта открылись, Иван с легким неудовольствием уставился на поджидающего его Чижова. Хотя его заместитель вполне справлялся со своими обязанностями, он ему не доверял. Впрочем, кому он доверял полностью? Разве что Андрею…

– Все готово. – Чижов невозмутимо выдержал его взгляд.

– Хорошо, – они сейчас находились в прямоугольном помещении, отличающемся от обычной комнаты только двумя бронированными дверями друг напротив друга и отсутствием окон – в остальном легко можно представить, что находишься в комнате ожидания или чьей-то приемной – ковровая дорожка и кресла вдоль стен. Возле Чижова с недовольным видом стоял Марк и смотрел куда угодно, только не на него.

– Что произошло? – он в упор уставился на Марка, прислушиваясь к тревожному предчувствию – опасность. Пока далекая, но неотвратимая.

– Генеральный приказал, чтоб мы все наблюдали происходящее из его кабинета. Находились на связи, принимали участие, но не тут. В общем, в бункер нас не пустят.

– Что? – Зварыгин отодвинул его в сторону и пошел прямо к двери – полученные распоряжения были настолько странными, что не укладывались в сознании. – Это бессмысленно. В конце концов, о безопасности должен распоряжаться я.

– Извините, Иван Николаевич, – выражение лица Чижова было непроницаемым, – вы неправильно представляете себе ситуацию. Вы все до окончания операции смещены со своих должностей. Мне приказано взять на себя обязанности начальника безопасности и отправить вас наверх. Если понадобится – то под охраной.

– А если я откажусь? – Зварыгин напрягся, Марк, стоящий с мрачным выражением лица, посмотрел на него с интересом, а стоящий за спиной Вадим закашлялся.

– Иван Николаевич, рекомендую вам быть благоразумным, – Чижову явно не улыбалось применение силы, хотя Зварыгин почти не сомневался, что приказ Генерального прозвучал – любой ценой – Андрей никогда не мелочился. Но почему? Что произошло?

Зварыгин замер на месте, прикидывая возможные варианты, потом молча развернулся и направился к лифту, не обращая внимания на удивленный взгляд Вадима, злой – Марка, растерянный – Чижова. Это все могло значить только одно – Андрей перестраховался. Хотел спасти руководящий костяк компании, если вдруг ситуация все же выйдет из-под контроля. Но остаться внизу и рисковать самому? Тоже нет – Генеральный

всегда заботился о своей безопасности.

Двери лифта бесшумно закрылись, и он помчался вверх. Никто из находившихся внутри не проронил ни слова. А Иван продолжал размышлять. Если за всеми событиями они будут наблюдать из кабинета Генерального, тогда где будет сам Андрей? Если не в бункере – то он мог находиться только в одном месте. И теперь следовало хорошо подумать – заявиться к нему и сорвать планы этого интригана или сделать вид, что он ни о чем не догадался и направится в кабинет? Интересно, а какого поступка ждал от него сам Андрей?

Лифт остановился, и двери с насмешливой медлительностью разъехались в стороны. Иван вышел первым и направился к кабинету, не обратив никакого внимания на следующих за ним. Но, не доходя до двери, свернул в конференц-зал и распахнул двери, ведущие в небольшую подсобную комнату, называемую малой диспетчерской. К его удивлению, она была пуста, а аппаратура отключена. Мысли Ивана заметались, как в калейдоскопе. Не обращая никакого внимания на удивление на лице Вадима, на явно ничего не понимающего, и оттого злящегося все сильней и сильней Марка, он быстрым шагом направился к кабинету Генерального и распахнул двери. Никого. Аппаратура была подключена, на экран компьютера поступала информация с камер наблюдения. Иван напряженно охватил взглядом весь калейдоскоп картинок. Пустой коридор между двумя бункерами, где они стояли минут 5 назад. Сам второй бункер был разделен на три секции – первая, в которой и находился сейчас Феникс, была полностью блокирована. Во второй копошились охранники, производя странные манипуляции с оборудованием. Чижов наблюдал за ними с напряжением и каким-то ожиданием.

Взгляд Зварыгина остановился на лице Генерального, тоже смотрящего на монитор.

– Конференц-зал проверил? – в его голосе прозвучало легкая насмешка, когда Царев ненадолго отвлекся и скользнул взглядом по ним троим. – Но я все же тут, внизу. Не доискивайся почему – просто я так решил. Приступаем. Как только все будет готово. -

Словно в ответ на его слова трижды взвыла сирена. Лицо Генерального стало недоуменным, потом озабоченным – и в ту же секунду свет погас во всем здании. Воцарилась полная темнота.

* * *

Где-то в сети, 25 августа. Химера.

Я находилась, словно в бреду, чувствуя себя совершенно беспомощной. Все идеи, приходящие в голову, были не тем, совсем не тем. Ясность мысли осталась позади – в голове

крутились лишь обрывки идей, не желающих выстраиваться в точную картину. Меня словно лихорадило – это напомнило мне то время, когда я еще была человеком и заболев, беспомощно лежала с температурой в пустой квартире… Не в силах ничего сделать, даже встать, чтобы напиться. Я металась из потока в поток, словно стараясь объять все сразу, но информация протекала через сознание, не задерживаясь… Я просто была не в силах сосредоточится. Страх… Я, наконец, поняла, что мною управляет. Банальный страх, которому я позволила завладеть своим сознанием. Я боялась потерять Виктора… Навсегда остаться одной.

Будь я человеком, я бы просто забилась в истерике. Но для Химеры такой простой способ снять стресс был недоступен. Хотя осознание того, что со мной происходит, немного помогло. Я прекратила бессмысленные метания и, наконец, сосредоточилась на Омском, точнее – на его компьютере. Следовало действовать очень и очень осторожно – Феникс был совсем рядом. Его кокон дышал огнем, а если он почувствует мое присутствие… Его я тоже боялась. Причем боялась иррационально – так человек может бояться паука или змею. Страх, на который реагируешь настолько автоматически, что тебе даже не приходит в голову что можно иначе. Страх, который может свести с ума, если человеку не оставить никакой лазейки. Если страх потерять Виктора был мне понятен, то страх перед Фениксом – нет. Ему вообще не было никакого логического объяснения.

Аккуратно, словно балансируя на натянутом канате, я потянулась вперед. Самое важное было сейчас не позволить обнаружить свое присутствие. Я была близко к Фениксу – намного ближе, чем подбиралась когда-либо раньше. И теперь видела кое-что новое – от его кокона исходили тонкие полупрозрачные канаты, охватывающие пространство, иногда входящие в потоки, иногда огибающие их. Мое любопытство было разбужено – и я подошла еще ближе, пытаясь понять, что же это такое.

Я наклонилась к канату, и он тут же медленно задрожал, словно реагируя на мое присутствие, а я в испуге отступила. Его колебания тут же прекратились, и он опять повис неподвижно. И тут до меня наконец дошло – я и сама была способна на такое, просто вряд ли выбрала именно такую форму. Система раннего оповещения и защиты. Я была права – даже если Царев отдаст приказ ликвидировать Феникса, им это не удастся. Он проснется раньше – при первом же признаке угрозы.

Осторожно лавируя между нитями и стараясь выбирать самые медленные потоки, я осторожно проскочила мимо. Теперь передо

мной была цель – та самая, откуда мне пришло письмо Омского. Теперь мне стал ясен еще один момент – почему-то сообщение было единственным. Омского блокировали – причем блокировали довольно хитро – но для меня это помехи, естественно не составило. Я обошла защиту, словно ее не было, и наконец, вошла непосредственно в его компьютер.

Находящуюся в нем информацию я впитала мгновенно, и тут же получила доступ к камерам наблюдения самого бункера. И тут же увиденное сорвало с меня последние остатки самообладания и цивилизованности – Омский избивал Виктора. Я больше не контролировала себя – что-то темное, безумное поднялось из глубины души и накрыло меня с головой, сметая остатки терзаний, боли и здравого смысла.

Я вышла из потока прямо за спиной Омского и одним ударом отбросила его прочь. Клубящаяся во мне ярость была так сильна, что я даже не пыталась больше себя сдерживать. Екатерина Дымова умерла окончательно и бесповоротно – ее место заняла Химера.

Омский сполз по стене, а в его глазах горел ужас. Я бросила всего один взгляд на окровавленное лицо связанного Виктора, после чего медленно, очень медленно скользнула к Омскому, не отрывая больше взгляд от его лица и наслаждаясь его страхом. Он завопил и бросился бежать, но и эту попытку я пресекла в зародыше, отбросив его обратно к стене. Я не собиралась играть с ним в кошки-мышки. Мне нужно было другое.

Сквозь пелену безумия до меня доносились его крики и голос Виктора, но они скользили мимо. В первый раз я убивала человека не в аффекте – а сознательно, стремясь причинить ему как можно боли. Я била его короткими ударами тока, давала отойти и била опять, смотря, как ужас и боль на его лице переходят в безумие. Так умирала Екатерина Дымова – точно так же долго и мучительно. Едва эта мысль дошла до моего сознания я остановилась. Ярость схлынула – я стояла, а у моих ног ползал скулящий Омский. Я замерла, прислушиваясь к себе, понимая, что уже изменилась необратимо. Потом посмотрела на Виктора и его взгляд, полный страха, сожаления и чего-то еще трудноуловимого, окончательно завершил изменения. Я склонилась к Омскому и совершенно хладнокровно добила его одним ударом. Не обращая больше абсолютно никакого внимания на тело на полу, направилась к Виктору и принялась развязывать веревки на нем.

Он явно пытался что-то сказать и не мог. Я не обращала на это внимания. Для него я тоже стала монстром. Для всех. Но это не имело никакого значения. Я знала, что все равно буду

защищать его – до своей последней связной мысли – и мне было почти все равно, что он сам скорее всего предпочтет никогда со мной не сталкиваться. Что в его глазах я теперь всего лишь чудовище. Слишком поздно. Я действительно больше не была человеком.

Веревки упали вниз, и Виктор с трудом уселся на кровати. Я немного отступила назад, давая ему прийти в себя и смотря как он растирает руки.

– Надо выбираться отсюда. – Он с трудом встал на ноги. – Надо…

В моей голове раздался громкий хлопок и на несколько мгновений я замерла, оглушенная и беспомощная. Еще через минуту до меня дошло, что я лежу на полу, не в силах пошевелиться. На лице Виктора отразилась тревога, он шагнул ко мне и в это мгновение свет погас. Вокруг была полная темнота.

* * *

Столица, главный офис компании «Аэда», 4 подземный этаж, 25 августа. Виктор.

– Что они сделали с компьютером?! – крик Омского отразился от стен бункера, а сам он от злости швырнул клавиатуру на пол. – Какого черта?!

Виктор замер, стараясь привлекать как можно меньше внимания – то, что Омский находится в невменяемом состоянии, было ясно и так.

– Почему я не могу выйти в сеть?! У бункеров автономное соединение! Это невозможно! Разве что… – его глаза остановились на Викторе. – Разве что это шуточки Химеры и она сговорилась с ними… Не так ли?!

Омский подскочил к Виктору и затряс его, как беспомощную куклу. Виктор стиснул зубы, стараясь не потерять остатки самообладания, и лихорадочно пытаясь придумать, что же сказать. Но не успел. Омский бросил его и с размаху ударил в живот.

В глазах потемнело и дышать он тоже не мог. Омский что-то выкрикнул и на него посыпался град ударов. Вик стиснул зубы и попытался уворачиваться, но связанные руки не давали ему этой возможности.

Внезапно все кончилось. Виктор открыл глаза – Омский ползал у противоположной стены, а над ним стояла Химера.

– Тиль! – его голос отразился от стен бункера, но вопли самого Омского перекрывали его крик. Его боль постепенно уходила, а он сам приходил в себя. Она не отреагировала на его крик и это его испугало. Он опять позвал ее, но она продолжала бить Омского, не обращая больше ни на что внимания. Виктор

почувствовал, что в сердце вползает противный страх, в горле пересохло. Тиль… или уже не Тиль? Внезапно она обернулась, и он увидел ее глаза, застывшее неподвижной маской лицо, на котором не отражалось никаких эмоций. Он тяжело сглотнул, понимая, что мог и ошибаться – слишком он верил в человечность Химеры. Вернее, в человечность ее второго я – Тиль.

Она стояла, замерев и ни на что не реагируя. Потом на мгновение склонилась над Омским, и тут же перешагнула через лежащее тело и подошла к нему.

Веревки упали на пол, и Виктор смог наконец сесть и размять руки, чувствуя, как боль постепенно уменьшается до вполне терпимой. Химера неподвижно стояла перед ним, и он внезапно почувствовал, что это затянувшееся молчание надо прервать, причем как можно скорее.

– Нам надо выбираться отсюда… – он сам не узнал своего голоса. – Надо…

Внезапно Химера пошатнулась и упала на пол – совершенно беззвучно. Ощущение неправильности, нереальности происходящего привело его в состоянии прострации. Химера лежала совершенно неподвижно, и Виктор внезапно ощутил дикую, необъяснимую тревогу, желание оказаться отсюда как можно дальше. И в ту же секунду погас свет.

Тревога сменилась совершенно необъяснимой паникой, которую ему с трудом удалось подавить. Мысль о том, что к тому же они находятся глубоко под землей, а с Тиль что-то стряслось, сменилась бешеным желанием действовать, но он сумел подавить и это желание. Действовать надо было не торопясь и очень осторожно. Хорошо еще, что он больше не был связан.

Виктор порылся в карманах и с огромным облегчением достал маленький фонарик, который таскал вместо брелока к ключам. Даже небольшой лучик света, разогнавший окружающую темноту, подарил облегчение. Тиль по-прежнему неподвижно лежала на полу, а глаза ее не реагировали на свет. Виктор склонился над ней и в этот момент вокруг снова стало светло.

Тусклые лампочки аварийного освещения разогнали тьму, и Виктор с облегчением спрятал фонарь, припоминая то, что рассказывал ему Вадим. Автономные системы освещения, подсоединенные к нескольким мощным аккумуляторам, имелись на каждом этаже. Он подхватил Тиль на руки и перенес ее на диван. Она показалась ему почти невесомой. Некоторое время он пытался привести ее в чувство, но она не реагировала – ее кожа была холодной, лицо – неподвижным, а глаза не реагировали на окружающее. Чем ей помочь, Виктор не знал и принялся изучать бункер.

Омский был мертв – в этом Виктор убедился первым делом. Соседство с трупом было неприятным, но сейчас его волновали другие проблемы. Он включил компьютер, но еще спустя 10 минут убедился, что все бесполезно – компьютер не подлежал реанимации и не реагировал на команды. Виктор впервые почувствовал, что не знает, как поступить.

Кроме того помещения, где они находились, было еще три вспомогательных – кладовая-холодильник, кухня-столовая и ванная. И коридор, ведущий к тяжелой металлической двери, которую он не смог открыть, несмотря на все усилия. Некоторое время спустя, пошатавшись по всем помещениям и чувствуя, что звереет, он, наконец, составил план действий. Еды было столько, что от голода он не умрет еще долго, даже если придется сидеть на консервах. Труп Омского он оттащил в кладовую – конечно, неприятно было сваливать его возле продуктов, но учитывая, что неизвестно, сколько времени ему тут придется проторчать… Нельзя допустить, чтоб тело принялось разлагаться. А холодильные установки кладовой продолжали работать.

Вода была – смерть от жажды ему тоже не грозит. То, чего он добивался, тоже можно было сформулировать всего в двух словах – выбраться отсюда. Значит, перед ним стояло три варианта действий – привести в себя Тиль, попытаться реанимировать компьютер или открыть двери бункера. Важней всего была Тиль.

Она лежала совершенно неподвижно на кровати – в той же позе, в которой он ее уложил. Отгоняя противный страх, Виктор склонился над ней. Что же произошло? Неужели Тиль… Он не слышал ее дыхания, пульса тоже не было, а руки были холодными. Но что-то в глубине души сопротивлялось всем этим доказательствам. Тиль не была человеком. Он сам видел, как она могла просто исчезать, оставаясь частью сети. Но что произошло сейчас? Тиль ускользнула? Тогда почему перед ним лежало ее тело? Он нерешительно коснулся ее лица, провел рукой по щеке. Возможно, с ней случилось то же, что и с компьютером? Едва эта идея угнездилась в голове, как внимание Виктора переключилось на машину. В компьютерах он разбирался, да и кроме того за последние дни прошел неплохую практику у Вадима.

Спустя два часа он, наконец, начал кое-что понимать. То, что он видел, какие шуточки выделывали компьютеры, принесенные Вадимом из секретной лаборатории, сильно ему помогло – потому что позволило принять самое невероятное объяснение. Он понял, что произошло. Все процессы, протекающие в электронных схемах, были замедленны в сотни раз. Невозможно. Ток тек по цепи с другой скоростью. Это нечто могло нарушать основные физические законы. Компьютер находился в состоянии комы – так

же, как и Тиль.

Идея созрела неожиданно и на первый взгляд казалась дикой. Но медлить было опасно. А стоило допустить сомнение хоть на миг – и он знал, что потом не сможет решиться. Молясь про себя, чтоб не повредить Тиль, он почти мгновенно отсоединил провода, идущие к одной из ламп, и оголил концы. После чего нажал кнопку включения и дотронулся импровизированным шокером до груди Тиль.

Ее тело выгнуло дугой, а сама она закричала – странным безостановочным криком на одной ноте. Виктор отключил ток и бросился к ней. Сердце билось как ненормальное – он испытывал страх, затуманивающий мозг. Неужели он ошибся и повредил ей? Следовало еще подумать, следовало…Он подхватил ее на руки, но она внезапно оттолкнула его со страшной силой, после чего попыталась свернуться клубком, поджимая руки и ноги. Одержимый каким-то инстинктом, он чувствовал, что нельзя допустить это. Опять подскочив, он принялся ее трясти, а она внезапно перестала сопротивляться, и тут он почувствовал, как у него самого шевелятся волосы от ужаса. Что-то было не так… И только спустя минуту до него дошло. Лицо Тиль приняло осмысленное выражение. Оно больше не было неподвижной маской.

Глава 14.

Столица, главный офис компании «Аэда», 25 августа. Зварыгин.

Когда свет погас, Зварыгин мгновенно оказался на ногах. Чувство опасности достигло максимума – и он догадывался почему. Причина на все происходящее вообще могла быть только одна.

Одним движением он очутился у окна и распахнул тяжелые шторы. В комнате сразу стало светло – солнце клонилось к вечеру, но до заката было еще далеко. Жалюзи он поднимать не стал – света вполне хватало. Еще одним взглядом он охватил лица Вадима и Марка и с некоторым удовлетворением отметил на их лицах спокойствие и собранность – все-таки паникерами они не были. Вадим мгновенно уселся перед потухшим компьютером и начал барабанить по клавиатуре, после чего склонился над блоком питания, а Марк на мгновение замер в нерешительности, а потом достал из кармана небольшой пистолет и снял его с предохранителя.

Первым делом Иван достал мобильный телефон – связи не было. Бункер… Что творилось там? Секунду поколебавшись, он принял самое логичное решение.

– Марк, останься здесь и охраняй его, – Зварыгин направился к двери, на ходу доставая свое оружие. – Не выходите пока никуда. Только если другого выхода не будет.

Дождавшись кивка, он осторожно открыл дверь и вышел в коридор, все время прислушиваясь. Но стояла полная тишина. И темень.

То, что перед лицом опасности остальные молча признали его лидерство, было весьма показательным. Он ожидал возражений от Марка – но тот просто молча признал, что в экстремальной ситуации надо безоговорочно исполнять команды наиболее опытного – и так же молча покорился. Каждый делал то, что умел наилучшим образом. Даже сейчас, когда было неизвестно что и как. И поэтому шансы выкрутится у них были. Во всяком случае, он на это надеялся.

Мигнули и загорелись лампы аварийного освещения, и коридор перед ним осветился тусклым светом. По-прежнему прислушиваясь, он направился вдоль коридора к лифтам, аккуратно заглядывая в кабинеты, мимо которых проходил. Как он и ожидал, кроме них на всем этаже не было ни одного человека. Сотрудников отпустили заблаговременно. Охрана должна была находиться только у пропускного пункта на первом

этаже и, разумеется, в бункере.

Лифты не работали. А вот это было странным. Аварийные системы энергоснабжения должны были в первую очередь обеспечить энергией лифты – на верхние этажи и в бункер других путей не было. Но лифты не работали – не реагировали на вызов, а открыть двери того, что доставил их сюда и так и замер на этом этаже он тоже не мог. Развернувшись, он направился обратно. Разумеется, здание имело аварийный выход. Но, используя его, можно было только спуститься вниз, а не подняться – меры безопасности. Металлическая лестница, нижняя площадка которой опускалась на пружинах под тяжестью человеческого тела – и поднималась опять вверх, стоило с нее встать. Открыв дверь в самом конце коридора и, выйдя на площадку, он замер, на несколько мгновений ошеломленный открывшимся перед ним зрелищем, но почти сразу опомнился – об этом он подумает потом – если останется в живых. Как он и ожидал, аварийный выход был в полном порядке. Вернувшись в кабинет, он выжидательно посмотрел на Вадима, на что тот отреагировал почти сразу, оторвавшись от компьютера.

– Это Феникс. Не думаю, что еще хоть что-то способно на такое. Напоминает мне те эффекты, которые возникали при воздействии его на компьютеры. Невероятно. Компьютер парализован, и сделать ничего нельзя. Но, тем не менее, он включается и пытается работать. Если бы речь шла о человеке, я бы сказал, что его привели в состояние глубокого шока.

– То, что это Феникс я не сомневаюсь. Особенно после того, что увидел. Пошли. – Зварыгин кивнул на дверь.

В глазах Вадима он прочитал интерес, но тот просто молча встал из-за компьютера и направился к двери. Марк сжал зубы и прожег его злым взглядом, но от высказываний тоже воздержался и направился следом. Иван шел замыкающим, настороженно прислушиваясь – но вокруг царила все та же тишина, прервавшаяся только замысловатым ругательством Марка, вышедшего на площадку аварийного выхода – и судорожным вздохом Вадима. И он их понимал. Здание Компании оказалось заключено в огромный полупрозрачный радужный пузырь, сквозь который смутно виднелись рядом стоящие дома. Но времени на отвлечения не было. Несколько секунд он вместе с ними изучал захватывающее, поразительное зрелище, после чего принялся спускаться.

Теперь он шел первым, а остальные старались не отставать.

– Не знаю, что это… – Процедил сквозь зубы Марк. – Но выяснять что-то не хочется…

Радужная завеса колебалась на расстоянии каких-нибудь пяти

метров от них. Она напоминала одновременно колеблющуюся ткань и перелив цветов на разлитом бензине… Страшное именно тем, что не укладывалось в голове, что это такое… И чем может быть опасно… Больше всего человека подсознательно страшит необъяснимое. Нарушающее логику происходящего.

Зварыгин остановился на уровне второго этажа. Он руководствовался инстинктом – а инстинкт сейчас говорил, что лучше пройти через 2 этаж и спуститься по внутренней лестнице – оставляя позади это радужное марево. Двери аварийного выхода были в полном порядке – он легко открыл их специальным ключом – а чтобы открыть или закрыть их изнутри, достаточно было просто дернуть рычаг. Компания всегда строго следила за безопасностью своих сотрудников. Войдя внутрь, он сразу почувствовал себя легче – едва эта мерцающая радуга скрылась из глаз. Но осторожности они не потеряли – каждый из них понимал, что дело серьезно, очень серьезно. Остановившись возле лифтов, Зварыгин снова попытался их запустить – и все так же безрезультатно. Лифты не работами. Все, кто оставался в бункере, были отрезаны. Другого пути с подземных этажей не было.

Иван думал об Андрее. Почему Царев остался внизу? Почему? Он был гением, а Компания – его творением. Человек такого уровня весьма ценит свою безопасность – и Андрей тоже ее ценил. Почему он не поставил его в известность о том, что он задумал? Хотя последний вопрос был зряшным – Царев всегда был интриганом. Но до последнего времени Иван был уверен, что тот ему доверяет. Одному из очень не многих. И не сомневался, что Андрею прекрасно известно – если понадобится, он пожертвует жизнью, чтоб его спасти. Просто потому, что его жизнь и так принадлежала Андрею – с того момента, как он появился в его квартире и отобрал у него бутылку водки и пистолет с одним-единственным патроном. И сказал одну-единственную фразу: "Чтобы она сказала, если бы увидела тебя сейчас? Выбрать легкий путь – трусость. А ты никогда трусом не был." А потом сделал своей правой рукой, поставив во главе безопасности Компании.

Зварыгин тогда сумел взять себя в руки. Продолжал жить, позволив практически всем чувствам умереть. Равнодушно принимая все, что приносила жизнь – и ревностно выполняя свои обязанности. Его интересовала только работа – больше ничего.

А сейчас Андрею угрожала опасность… Если только он был еще жив. Иван не сомневался, что сделает все возможное, чтоб попытаться его спасти. И невозможное тоже. Но иллюзий не питал – то, что проснулось в бункере могло быть всем, чем угодно.

На лестнице, ведущей на первый этаж, лампы почему-то не

горели. Спускаться приходилось в полной темноте, двигаясь на ощупь. Хотя Вадим с Марком пока держали себя в руках, он не сомневался, что нервы у них на пределе. Насколько их хватит?

Наставленное на них оружие охраны первого этажа, встретившее их на выходе, едва не оказалось тем спусковым крючком, от которого человек идет вразнос. Слишком сильно они перенервничали. Марк сорвался и наорал на троих охранников, Вадим прислонился к стене и впал в прострацию, а он просто прошел внутрь поста и снял трубку. Телефоны не работали – ни наружный, ни внутренний. Следующим он проверил лифты – и, как раньше, они не реагировали ни на вызовы, ни на дерганье рубильника. Потом взглядом нашел среди охранников главного – и потребовал от него полный отчет.

Ситуация выглядела следующим образом – о том, что их отослали из бункера наверх, охрана не знала. Они были уверены, что в здании никого нет – за исключением бункера, где проводился сверхсекретный и опасный эксперимент. Когда отключилось электричество, они пытались связаться с начальством, но связи не было. Входные двери работали от фотоэлементов и тоже оказались заблокированными. Пока они возились, переводя их на ручное управление, включилось аварийное освещение и двери тоже заработали… Вот только выйдя наружу, они оказались перед радужной пленкой неясного происхождения, окружающей здание Компании, куда только доставал взгляд.

У одного из охраны сдали нервы, и он рванул напролом, за что и поплатился – от дымки его отшвырнуло сильным разрядом тока, едва не стоившим паникеру жизни. После этого они молча ждали неизвестно чего… Пока двери, ведущие с верхних этажей, внезапно не открылись, и ошеломленные охранники не оказались лицом к лицу с непосредственным руководством.

Следующие несколько часов Зварыгин обдумывал, как попасть в бункер, Вадим колдовал над компьютером пропускного пункта, а Марк нервно ходил туда-сюда. Тишина угнетала, но заводимые несколько раз бессодержательные разговоры угнетали еще сильнее. Несколько раз Иван выходил наружу и внимательно изучал странное радужное марево – причем без малейших успехов. Единственное, что удалось выяснить – эта дрянь билась током. Кроме того, она, по-видимому, накапливала статическое электричество – вблизи волосы вставали дыбом, а металлические предметы начинали сыпать искрами. Единственное, что пришло в голову одному из охранников – в преграду потыкали найденной деревянной шваброй – что не возымело практически никакого эффекта. Просто они убедились, что кажущийся таким тонким

радужный слой по твердости не уступает стали.

О том, что творилось за этой радужной преградой, оставалось только гадать. Происходящее сейчас в городе оставалось тайной за семью печатями. Как и происходящее в бункере. Они были предоставлены самим себе. Уже давно должно было стемнеть, но они этого не ощутили – радужный слой мягко светился. Ожидание. Выматывающее, мучительное ожидание, от которого был избавлен только Вадим, занятый любимой работой – потрошением компьютера. Иван бросал все более напряженные взгляды на лифт, прикидывая, что еще можно сделать в такой ситуации. Но все идеи, пришедшие ему в голову, он отметал одну за другой, как абсурдные.

Внезапно что-то изменилось. Мозг еще только переваривал поступившую информацию, а тело уже действовало – Зварыгин вскочил со стула и метнулся через холл. Нет, он не ошибся – тихий звук, сорвавший его с места, оказался вполне реальным. Работал привод лифта. Правого. С напряженным вниманием он смотрел за миганием индикатора этажа, почти не реагируя на тех, кто в напряженных позах стоял рядом. Лифт опустился вниз, минуя первый этаж и на несколько мгновений замер там. После чего поехал вверх.

Иван с какой-то отрешенной медлительностью спустил предохранитель, и тут до него дошло, какую мишень они все представляют для того, кто сейчас тут появится. Похоже, дежурный охраны сообразил это одновременно с ним и подался в сторону, но было уже слишком поздно. Лифт остановился, и его двери медленно разъехались в разные стороны…

* * *

Столица, главный офис компании «Аэда», 4 подземный этаж, 25 августа. Химера.

Состояние полной прострации… Я продолжала видеть, но информация доходила до сознания с задержкой… Практически не оставляя следа. Совершенная беспомощность… Тьма, потом свет… Склонившийся надо мной Виктор…

Я больше не ощущала потоков. Мои чувства были полностью парализованы. Связь прервалась. Почти прервалась. Смутно я ощущала, что больше не едина. Сознание было отрезано от мира потоков… От моего основного я.

Раньше, выходя в реальность, я всегда продолжала оставаться частью потока. Почти не осознавая этого, я одновременно находилась в двух местах – и это стало настолько естественным, что я даже не задумывалась об этом. А сейчас связь с моим вторым я, оставшимся в мире потоков превратилась в тончайшую нить. И сделать ничего было нельзя.

Время, казалось, превратилось в вечность. Покой… Равнодушие… Мир застыл и я вместе с ним… Пока внезапно на меня не обрушилась дикая, сумасшедшая боль.

Кажется, я закричала. Боль охватила тело, совсем как тогда, несколько месяцев назад. Тонкая нить, связывающая меня с моим вторым я, натянулась и завибрировала. В диком страхе я попыталась удержать ее, но мне не дали. Темное чувство, поднявшееся из глубины души, вылилось в тоскливый крик, когда медленно, очень медленно эта нить истончилась и исчезла. Связь с миром потоков была прервана. Я осталась одна. Хотя нет, не так. От меня осталась только половина. Вторая половина сознания была наполнена тоской и сосущей пустотой. И я знала, что мне надо снова обрести единство. Причем как можно скорее. Потому что неизвестно, сколько сможет просуществовать мое тело, лишенное поддержки потоков…

Медленно, очень медленно я начала осознавать окружающую обстановку. Бункер… Я по-прежнему находилась в бункере, а надо мной склонился Виктор. Так же медленно, словно таяла какая-то стена вокруг меня, до меня стал доноситься его голос. Слова постепенно обретали смысл – а не обтекали мое сознание. Я приходила в себя.

– Тиль? Как ты, Тиль? Что с тобой?

Я попыталась ответить, но голосовые связки повиновались еще неохотно, и из моего горла вырвалось только сдавленное шипение. Я попыталась сесть, но не смогла. Слабость, которую я не ощущала, пока не попыталась двигаться, вызвала тошнотворный испуг – как мне обрести целостность, если я и с места двинуться не могу?

– Тиль?

Вик был со мной. Это единственное что внушало надежду. Вик был тут, он не шарахался от меня в испуге, а пытался помочь.

– Вик… – я, наконец, смогла говорить. – Вик, нам надо… Наружу…

На его лице отразилось облегчение и вместе с тем – легкое сомнение.

– Тиль, мы заперты – я так и не сумел открыть двери. Что стряслось?

– Начни ты… – я выговаривала слова еще невнятно. – Мне надо… Немного времени…

Вик кивнул и уселся рядом на кровать, после чего начал рассказ в своей обычной манере – четко, с полным анализом ситуации – разбирая каждую мелочь. Я вслушивалась в его голос, и тут внезапно осознала, что для него я по-прежнему человек. Тиль. Ничто из того, что он увидел и пережил, не поколебало

этого мнения.

Почему-то именно это придало мне силы. И когда Вик закончил, я начала свой рассказ. Феникс его заинтересовал особенно, и он обрушил на меня град вопросов, на большинство которых я просто не знала ответа. И почти ничего не могла объяснить.

– Вик… Я просто боюсь его… И у меня нет этому объяснения. Многое о нем я понимаю инстинктивно, когда нахожусь вблизи. Но объяснить как – не могу.

– Почему ты его боишься?

– Не знаю… – Я поежилась – Мне просто страшно…

– Анализируй, Тиль. Может дело в том, что он сильнее тебя? И ты это чувствуешь?

– Нет. – Я задумалась над словами Виктора – может он все же прав? Но нет, дело было не в этом.

– Нет, Вик. Я не могу судить о его силе – ведь мы не сталкивались. Просто он настолько… – я несколько секунд подбирала нужное слово. – Он настолько чуждый, что это не укладывается в голове. Иной. Я ближе к людям, чем он – ко мне.

– Ты человек, Тиль. Не говори ерунды.

– Я не… Вик, я должна оказаться снаружи как можно быстрее. Или я умру.

– Что? – На его лице отразился целый калейдоскоп эмоций, но я уловила основную. Страх. Вик боялся за меня.

– Связь с миром потоков прервалась… Если я ее не восстановлю – я умру. Не знаю, сколько у меня времени. Сколько смогу сохранять энергию без подпитки…

– Значит, надо выбираться. Или найти способ поддержать тебя. Мы справимся, Тиль. Должны. Старайся двигаться поменьше. Экономь силы. – Он встал. – Пойду еще раз попробую открыть входную дверь.

– Возьми меня… – я сглотнула, прислушиваясь к себе – нет, энергии у меня пока хватало. Интересно, почему я еще была жива? Почему выжила, несмотря на разорванную связь?

– Уверенна? – Вик не стал спрашивать зачем, а просто подхватил меня на руки и понес к двери. Я прикрыла глаза и заставила зрение раздвоиться. Энергии ушло немного – но затягивать все равно не стоило. Теперь я видела энергетические спирали мира потоков. Видела – но дотянуться не могла. Внешний мир, где осталось мое второе я, отделяла какая-то преграда. И пробить ее у меня не было сил. Любая подобная попытка привела бы к тому, что я потеряла бы все энергию, которая у меня еще оставалась. Но был и плюс.

Потоки внутри здания были завиты в странные изогнутые

спирали, и одна из них находилась как раз возле выхода. И от нее отходила энергия, подпитывающее мое тело. Именно поэтому я до сих пор существовала, несмотря на то, что основной поток был отрезан. Багровые спирали, чуть мерцающие на фиолетовом фоне… И практически никаких других оттенков.

Что сделал Феникс, чтоб ушло, исчезло огромное разноцветье этого мира? Что убрал и что оставил? Мир в багрово-фиолетовой гамме нагонял тоску. Я заставила себя сосредоточиться, и тихо сказала Вику поднести меня к тому месту, где нити спирали уходили в блок, который, похоже, и управлял бронированной дверью. Сам Вик не спорил – для него этого мира не существовало. А я… Я боялась.

В голове крутились совершенно посторонние мысли. Феникс неплохо обустроил это место, обезопасив себя. Он больше вообще не зависел от внешнего мира – за все время моего существование мне просто в голову не пришло такое. Ему больше не нужна была внешняя энергия. Маленький автономный мирок, надежно защищенный от вторжений снаружи. Практически от любой опасности. Но зачем?

Самого Феникса я не ощущала – пожалуй, встречи с ним я боялась больше всего. Аккуратно, очень аккуратно я протянула руку – и послала короткий импульс. Тонкая ниточка потока обвилась вокруг моей руки.

Легкое тепло – больше ничего. Никакой информации. Поток был пуст – всего лишь ручеек энергии. Пустышка. Я испытала легкое разочарование – но тут до меня дошло, что я видела. Эти потоки создавались вовсе не для того, чтобы передавать информацию – а чтобы самим своим существованием поддерживать таких как я… Или Феникс. Вечный двигатель – энергии перетекали – вернее, текли бесконечно, порождая новые энергии за счет своего движения. Невероятно. Вечный двигатель, которым могло воспользоваться только существо мира потоков. Феникс был гением… И опять липкий страх начал туманить голову. Но мне надо было наружу. Я стиснула зубы и просто оборвала тоненькую нить, ведущую к двери.

– Теперь… – я бессильно обвисла на руках Вика. Несмотря на то, что рассеянной в пространстве энергии хватало, чтоб поддерживать мое тело – любое усилие забирало от меня слишком много. Виктор понял меня с полуслова, и, усадив на пол, аккуратно открыл дверь и выглянул наружу.

Больше всего меня выводила из себя собственная беспомощность. Невозможность самой стоять на ногах, двигаться, делать хоть что-то. Если сейчас с Виком что-то случится, я даже ничем не смогу ему помочь. От тоски и бессилия мне хотелось

завыть. Но я заставила себя молча наблюдать, как Виктор выходит за двери – только моей истерики ему не хватало. Те три минуты, что он был снаружи, я провела, стиснув зубы, и считая секунды, чтоб не заорать.

– Что там? – мой голос звучал хрипло. Я рассматривала мрачное лицо Виктора, преисполняясь самых дурных предчувствий. В ответ он просто подхватил меня на руки и понес наружу. Удивляясь, что способна еще испытывать любопытство, я повернула голову.

Я прекрасно помнила план подземного этажа – и теперь прикидывала расположение помещений. Впрочем, и прикидывать особо было нечего – мы вышли из помещения второго бункера – и прямо напротив располагалась дверь в первый. Приоткрытая приблизительно наполовину. И лежащее на пороге тело охранника. И полная тишина вокруг – ни звука, ни движения.

Виктор нес меня по направлению к лифтам – и тут я была с ним полностью согласна. Другого пути отсюда не было. Но откуда знал это Виктор? Подойдя к лифтам, он несколько раз нажал кнопку вызова одного, потом второго… Никакой реакции. Он помрачнел на глазах и уже развернулся, когда я молча тронула его за плечо. Говорить почему-то было страшно – словно любой звук, нарушивший стоящую тут тишину, нес угрозу. Я опять собралась и взглянула на происходящее двойным зрением.

Мир в багрово-фиолетовых тонах пугал и завораживал. Но первое, что я почувствовала – Феникса поблизости не было. Это придало мне сил и притупило страх. Я не сомневалась, что почувствую его присутствие, если он окажется рядом – так же, как и он почувствует мое. С лифтами происходило то же самое, что и с бронированными дверями – энергия, которая должна была приводить их в действие, просто не доходила до них – она работала на поддержание иного мира. Теперь я действовала гораздо увереннее – выловив ниточку потока, не дающую энергиям правильно течь, я быстро и аккуратно ее оторвала. И тут же опять почувствовала, что силы мои на исходе – а любой мощный забор энергии был чреват тем, что Феникс мгновенно определит, что он тут не один. Я обессилено повисла на руках Виктора удерживаясь изо всех сил, чтоб не хапнуть бесконтрольно энергию – такую близкую и привлекательную – и такую опасную. Все равно умирающий от голода человек очутился перед столом, полным всевозможных угощений – но прекрасно понимающий, что при любой попытке прикоснуться к еде явится хозяин – и отнюдь не в благодушном настроении.

Откуда-то издалека до меня донесся тихий шум – работал привод лифта. Я заставила себя собраться и с ужасом,

переходящим в панику ощутила, что от энергии, поддерживающей мое тело, остались жалкие крохи. Лифт полз вверх, Вик крепко прижимал меня к себе, а я прикидывала, сколько еще смогу протянуть. Выбора не было – я знала, когда и эти крохи сойдут на нет, я начну брать энергию Феникса – так у меня будет хоть какой-то шанс. Донесшиеся голоса привели меня в чувство – должно быть на некоторое время я впала в бессознательное состояние. Почти без удивления я узнала Зварыгина и Турова – но смысл слов скользил мимо моего сознания.

– Вик… Наружу… Скорее…

Они замолчали мгновенно, сосредоточившись на мне.

– Никто не может выйти из здания… Там преграда. – Голос, донесшийся до меня, был чужим и незнакомым. Я повернулась к Вику.

– Быстрее… И всем… Одновременно…

Виктор не задумался ни на секунду и направился к дверям. Холл компании, когда-то такой знакомый, сейчас казался чужим. Я не знала, последовали ли за Виктором остальные – но то, что он доверял мне – причем без всяких оговорок и вопросов – это почему-то внушило уверенность, что у меня все получится. Мы приближались к той самой преграде, которая отделяла меня от существования, ставшего привычным за последние месяцы. От моего второго я.

Я видела Преграду одновременно и из реальности, и из мира потоков. В реальности она казалась мыльным пузырем невероятных размеров. Мир потоков рисовал совсем другую картину. Кольчуга, где чешуйки плотно прилегали одна к другой. Энергетический щит. Словно откуда-то издалека до меня доносились предостерегающие крики, но я их не слушала… И самое главное, Виктор их не слушал тоже. На его лице застыла решимость, он молча шел вперед – туда, куда я ему указала… К тому месту, где одновременно сходились пять чешуек энергетического шита. Зато я очень остро ощущала, как воздух наполняется энергией, как нити, несущие огромную энергию от щита куда-то вглубь здания становятся все ближе…

Я закрыла глаза – теперь мне не надо было видеть. Я, наконец, впитала чужую энергию – мгновенно, почти не задумываясь. Так жадно пьет только умирающий от жажды, когда ему наконец дают кувшин полный воды. Краешком сознания я ощутила, как просыпается Феникс – где-то в глубине здания, как энергетические потоки приходят в движение… Но поздно, слишком поздно. Всю полученную энергию я вложила в один-единственный удар – в то самое уязвимое место соединения,

которое могла видеть только я.

В том месте, куда пришелся удар, энергетические пластины вывернуло наружу, как лепестки цветка. Теряя сознание, в последние мгновения я рванулась вперед, наконец-то сливаясь с потерянной половинкой и обретая целостность. Мир потоков наконец-то расцвел яркими разноцветными красками вокруг меня… А меня пронзила невыносимая радость, перед которой меркло все остальное – я жила… Я сумела выжить. И тут же эйфория прошла почти мгновенно. Теперь Феникс знал о моем существовании. В то последнее мгновение он уловил мое присутствие. Что он понял обо мне, о моих возможностях? Думал ли, что я могу представлять для него угрозу? Что решится предпринять? Ответов у меня не было. Мне просто было страшно.

* * *

Столица, главный офис компании «Аэда», 4 подземный этаж, 25 августа. Виктор.

Когда Тиль более-менее пришла в себя, Виктор с трудом скрыл огромное облегчение. Слушая ее рассказ, он наконец-то выстроил потерянные кусочки головоломки – все становилось на свои места. Но от этого ситуация не становилось менее опасной, скорее наоборот. Феникс… О нем следовало знать как можно больше.

– Он тоже может управлять потоками? Переходить по ним из одного места в другое?

– Да и нет. – Тиль продолжала лежать на кровати, не делая попыток встать, и только переводя взгляд с него на потолок и обратно. – Он может управлять потоками – теми, что рядом – но перемещаться из одного места в другое – нет. Не забывай, тело у него вполне реально. И потеря тела для него, в отличие от меня, будет означать смерть.

– Ты говоришь, он совершенно лишен эмоций. Тогда почему он не может решить, что тело ему только мешает, и стать таким как ты?

– Решить он может. Но выполнить – нет. Принцип его существования совершенно противоположный. Все его способности замкнуты напрямую на клетках его головного мозга. В отличие от меня, он более автономен, и не нуждается во внешнем мире.

Вик задумался, продолжая выспрашивать Тиль. Страх Химеры перед Фениксом не имел никаких разумных объяснений. Да она и сама понимала это. Но сделать ничего не могла.

– Вик, я должна оказаться снаружи как можно быстрее. Или я умру.

– Что??? – Последняя фраза Тиль оторвала его от анализа

происходящего, и он опять ощутил страх. Страх ее потерять. Невольно он отметил, что она до сих пор так и не встала с кровати… А ее лицо казалось очень бледным, почти полупрозрачным. Ни единой кровинки на губах, и словно по контрасту, глаза казались еще чернее.

– Связь с миром потоков прервалась… Если я ее не восстановлю – я умру. Не знаю, сколько у меня времени. Сколько смогу сохранять энергию без подпитки…

– Значит, надо выбираться. Или найти способ поддержать тебя. Мы справимся, Тиль. Должны. Старайся двигаться поменьше. Экономь силы. – Он говорил, пытаясь ее успокоить и чувствуя, что боится за нее все больше и больше. Виктор встал, ему хотелось действий – все равно каких. Наконец-то до него дошло, что тело Тиль слишком зависело от внешнего мира. Она сама зависела от мира потоков – в отличии от Феникса. Так что неизвестно еще, кто был надежнее защищен.

– Пойду еще раз попробую открыть входную дверь.

– Возьми меня… – На ее лице отразилось напряжение – и странная решимость.

– Уверенна? – Дождавшись легкого кивка, он подхватил девушку на руки и понес к двери. Ее тело казалось почти невесомым. Внезапно она протянула руку вперед и замерла. Вик остановился, пытаясь понять, что происходит, как она внезапно обвисла у него на руках. Страх сжал сердце – но в этот момент Тиль открыла глаза и произнесла.

– Теперь…

Он понял. Аккуратно усадив ее на пол, он направился к двери. На этот раз она открылась без всякого труда, и Виктор выглянул наружу.

Верней, не наружу, а в помещение, куда открывалась еще одна бронированная дверь – прямо напротив. И возле нее лежал человек. Прислушиваясь, Виктор осторожно прошел вперед и склонился над ним, приложив руку к шее. Пульса не было – а кожа была холодной. Человек в форме охранника компании был мертв.

В полуоткрытую дверь он увидел небольшую комнату, забитую непонятным оборудованием, в том числе несколькими большими газовыми баллонами, приборами, определить назначение которых он не мог – не лаборатория, но что-то очень и очень похожее. Не в силах сдержать любопытства, Виктор переступил порог.

Здесь было еще четыре тела – трое охранников и человек, которого, он казалось, где-то видел. На лице одного из охранников был запечатлен дикий ужас… Тело было совершенно

холодным. Вик еще раз быстро огляделся – отсюда выходило две двери и обе были закрыты. Благоразумие, победив, наконец, любопытство, велело ни в коем случае их не трогать. Шагнув к выходу, он все же остановился и склонился над телом человека, показавшегося ему знакомым.

В отличие от тела охранника, на этом лице не было выражения панического ужаса – оно было совершенно спокойным. Виктор дотронулся до шеи и тут же испытал нечто вроде шока – человек был живым. Тело было теплым, и он различил биение пульса – медленное, очень медленное. Кома? Но тут он ничем помочь не мог. Бесшумно ступая, он проверил оставшихся двух охранников, и убедился, что они тоже живы. Загадка требовала разрешения, но благоразумие опять напомнило, что время бежит… А Тиль ждет. Вздрогнув, Виктор опять вышел в коридор, соединяющий оба бункера, и заметил в одном конце двери двух лифтов.

Вернувшись и подхватив опять Тиль, он направился именно туда – но тут его ждало разочарование – лифты не реагировали на команды. Он развернулся, но тут же ощутил легкое прикосновение, и замер, ругая себя, что не сообразил раньше. Если с лифтами творилось то же самое, что и с дверью бункера – она сможет их открыть. Но… Но Тиль резко ослабела в прошлый раз – насколько ее хватит? Противный страх вернулся и угнездился где-то глубоко в душе, сколько бы Вик не старался его отогнать.

Тиль опять обвисла у него на руках – на этот раз ее била крупная дрожь. Преодолевая панику, Виктор нажал кнопку вызова – и лифт послушно поехал вниз. Скорей бы… Очутившись внутри кабины и прижимая к себе девушку, которая уже ни на что не реагировала, он смотрел на закрывшиеся двери и только молча твердил – скорее, скорее… Мысль о том, что он потратил время в бункере, чтобы удовлетворить свое любопытство, вместо того, чтобы сразу тащить Тиль к лифту, внезапно оказалась невыносимой. Если он не успеет ее спасти – если из-за этого им не хватит нескольких минут – он никогда себе этого не простит.

Двери лифта открылись, и Виктор внезапно выругался – их встречали. Зварыгин, наставивший пистолет, люди в форме охраны, Туров… Единственное радостное лицо – улыбающийся ему Вадим. И вопросы, вопросы… На которые ему совершенно не хотелось отвечать – во всяком случае, пока. Поэтому он просто молчал. Пока на руках у него не зашевелилась Тиль.

– Вик… Наружу… Скорее…

Вокруг повисло молчание, почти осязаемое – взгляды всех сосредоточились на Химере, которую он держал на руках. Ни на

секунду не задумавшись, и не обращая внимания на остальных, Вик направился к выходу.

– Никто не может выйти из здания… Там преграда. – Один из охранников попытался загородить ему дорогу, но Виктор просто его обошел. Сейчас он был готов убить любого, кто попытается его остановить – на лице застыла мрачная решимость. Как ни странно, ни Зварыгин, ни Туров, ни Вадим не попытались вмешаться – просто направились следом. Или просто чувствовали его настрой? Виктору было все равно. Почти ничего не имело значения – только все более слабеющая Тиль у него на руках…

– Быстрее… И всем… Одновременно… – ее голос больше походил на шепот. Сколько ей осталось? Выйдя за дверь, Виктор впервые увидел то, что называли Преградой. Радужное марево колебалось всего метрах в десяти перед ним – огромный мыльный пузырь, радужная пленка, которая внушала трепет.

– Стой, там опасно! Тебя просто прибьет! Она под напряжением! – Виктор не обратил на крики никакого внимания, лишь покрепче прижал к себе Тиль и ускорил шаги. Она сделала слабый жест рукой, указав направление – и это ему было достаточно. Он на мгновение оглянулся, увидев, что Зварыгин крепко держит рванувшего за ним охранника, затем стиснул зубы и пошел прямо на Преграду.

От статического электричества волосы встали дыбом – но сейчас ничто не способно было его остановить. Когда до преграды оставалось всего несколько шагов, Тиль внезапно приподнялась, и он ощутил, как напряглось ее тело. А потом сжала руку в кулак и ударила по Преграде – и преграду просто вывернуло наружу – так рвет металл направленный взрыв. Даже не успев удивится или испугаться, он оказался снаружи и только тут осознал, что руки его пусты… Тиль исчезла. Обрела целостность или… О последнем предположении он запретил себе думать. Тиль жива. Она просто стала сама собой.

Только теперь до него дошла окружающая обстановка. Здание было оцеплено военными и милицией. Через пробитую в Преграде дыру выбирались остальные. Группа людей, по-видимому, журналистов, стояла совсем неподалеку и снимала. Один из них быстро направился к нему, доставая микрофон. К ним уже бежали от оцепления – Виктор впервые растерянно осматривался, даже не представляя, что ж ему делать дальше. Наверно, самым умным было промолчать – и он уже решительно сжал зубы, когда увидел подходящего к нему журналиста и тут пережил шок узнавания.

– Виктор??? – не дойдя до него всего нескольких шагов, тот остановился и уставился на него в полном изумлении. – А ты что

тут делаешь?

– Очень хочется задать тот же самый вопрос, но вряд ли у нас будет время на него ответить. – Виктор окинул взглядом бежавших к ним людей, внезапно рассмеялся, и пожал руку Диме – Дмитрию Зорину, писателю, а теперь как оказалось и журналисту, ранее неизменному члену их интернетовских посиделок, всегда такому веселому и язвительному. – Наверно, случайность. Или судьба.

Глава 15.

Столица, частный санаторий, 26 августа. Зварыгин.

Зварыгин смотрел на шагающего туда-сюда Марка с легкой усмешкой. Потом нарочито медленно перевел взгляд за окно – светило солнце, небо казалось словно нарисованным.

– Отличная погода, верно? – Иван сделал вид, что любуется окрестностями. – А пейзаж какой…

– Издеваешься? – На удивление спокойно ответил Марк и, наконец, уселся в кресло. – Мне, например, не до смеха. Ты прекрасно знаешь, в какую сумму нам вылилась вся эта авантюра.

– В ход пошли не только деньги, но и влияние. – Зварыгин смотрел весьма холодно. – Смысл сейчас поднимать этот вопрос? Ты лучше меня знаешь, что влияние у Компании такое, что виноватыми окажутся все, кто угодно, только не мы. Вот и сейчас – чуть ли не инопланетяне прилетели и стали, гады, над нами опыты ставить. – Он слегка усмехнулся. – Обыватель верит в то, что ему скажут. А журналистам подай сенсацию… Да повкуснее. Им нужны пришельцы, рыбы с пятью ногами, и неважно, правда ли это. Впрочем, что я тебе рассказываю, сам все прекрасно знаешь. Несколько дней у нас есть. За эти дни мы должны уничтожить Феникса. А также желательно уничтожить или взять под контроль Химеру.

– Ты уверен, что она выжила? Выглядела она плохо. А Виктор молчит, как в рот воды набрал. Что вообще произошло? Неужели ты не в состоянии выбить из него информацию?

– Выбить? Похоже, ты забыл, с кем мы имеем дело. Впрочем, военные вчера попытались выбить из него информацию. – Зварыгин невесело усмехнулся. – Начальства их не было, с нами они не церемонились.

– Да уж… – Марк потер правую руку, куда ему вчера, несмотря на сопротивление, вкололи сыворотку правды, после чего подвергли допросу. – Ты позаботился, чтоб то, что они вытянули из нас, не пошло дальше?

– За нас позаботились. За Виктора они взялись последним. В общем, когда спустя час заявилось их начальство, оно нашло в комнате Виктора, читающего журнал и этих троих идиотов в таком состоянии, что они уже точно никому никогда не расскажут о том, что узнали. Похоже, им вкололи их собственную сыворотку, выжали из них всю доступную информацию, после чего заставили забыть о происшедшем. Врачи сказали, что память за последние месяцы не восстановится – похоже, они получили несколько узконаправленных разрядов электрического тока в

область головного мозга. Из комы их вывели, но, увы, они ничего не помнят.

– Значит, Химера жива. – Марк слегка усмехнулся – мысль о том, что их мучители получили по полной, внезапно привело его в хорошее настроение, несмотря на все существующие и намечающиеся проблемы.

– Жива и, не задумываясь, прикончит любого, кто посмеет поднять руку на Виктора. Там что силовой метод решения вопроса отпадает. – Зварыгин внимательно посмотрел на Марка. – Но, разумеется, нескольких людей пришлось посвятить в суть происходящего. Кроме нас, обо всем случившемся знают трое – и все трое клятвенно пообещали мне, что информация не пойдет дальше. Насчет Виктора – с него приказано сдувать пылинки – а нам попытаться вытрясти из него, что же случилось в бункере. Тянуть нельзя – через три часа туда планируют послать группу захвата. Я надеялся, что смогу пойти с ними – но мне отказали. Хоть и разрешили присутствовать при подготовке и координировании операции.

– Еще не хватало, чтоб ты отправился туда самолично, – голос Марка был сух. – Или совсем свою жизнь не ценишь?

– Не сильно. – Зварыгин посмотрел ему прямо в глаза. – Там остался Андрей. И я не успокоюсь, пока не буду уверен на все сто, что я сделал все, что в моих силах.

Впервые за все время до Марка дошло, что, судя по всему, Царева и Зварыгина связывали отношения отнюдь не только рабочие. Не удивительно, что Генеральный ему так доверял.

– И как ты планируешь получить от Виктора информацию? – Марк слегка прищурил глаза.

– Я догадываюсь, почему он молчит. Потому что там, по-видимому, произошло что-то, что показало слабость Химеры. Ее уязвимое место. А он настроен защищать ее не меньше, чем она его. Я поручил поговорить с ним Вадиму – если кто-то и сумеет убедить Виктора рассказать нам все – так только он.

– Думаешь? – Марк почесал переносицу. – А почему бы не обратится к Химере напрямую?

– Военные пытались, но она не отвечает.

– Военные? – Марк усмехнулся. – При чем тут они? Обратиться к Химере надо тебе. Либо Виктору, но этот вариант пока отпадает. А тебя она, может быть, послушает.

– С чего вдруг? – Зварыгин обдумывал сказанное Марком. С чего тот вдруг решил, что у него есть влияние на Химеру?

– Ответила же она тогда на твое письмо. Когда ты написал о похищении Виктора. Так что шансы есть… – двери открылись, в комнату вошли Виктор и Вадим, а Марк замолчал на полуслове.

Вадим уселся на стул и привычным жестом слегка взлохматил волосы.

– Я объяснил все Виктору. Описал всю ситуацию. Но думаю…

– Я скажу сам. – Виктор остался стоять. – Я написал ей письмо – и она ответила. Она не хочет появляться тут – все это здание напичкано жучками и камерами – даже сейчас нас прослушивают. О том, что военные высылают группу захвата – ей известно – но она даже приблизительно не представляет, что из этого выйдет. С одной стороны, Феникс очень силен – но его сила принадлежит другому миру. А тело – весьма и весьма уязвимо. И еще – она прекрасно понимает, что дает в ваши руки оружие не только против него – но и против самой себя – но она просила меня рассказать о том, что произошло в бункере… И кроме того, дала вам пару советов…

Зварыгин слушал спокойно – на лице его ничего не отражалось, когда Виктор начал рассказывать о том, как он очнулся в бункере под присмотром Омского, как появилась Тиль… Как он привел ее в себя, и как они оттуда выбрались. Особенно заинтересовал его рассказ о том, что он видел при входе в первый бункер.

– Ты уверен, что они были еще живы? – Зварыгин говорил спокойно – но в душе у него впервые проснулась надежда. Возможно… Возможно, что Андрей жив.

– Пульс был, но очень медленный.

– Кто-то показался тебе знакомым?

– Один из них – да. Я, несомненно, видел его раньше.

Зварыгин задумался всего на несколько секунд, затем открыл бумажник и вытащил из него фотокарточку.

– Это он. – Виктор рассматривал фотографию человека, снятого стоящим рядом со Зварыгиным, похоже, на каком-то официальном приеме. – Кто это?

– Мой заместитель. Федор Павлович Чижов. – Иван опять задумался. Значит, Чижов жив. Что же вообще там произошло?

– Химера просила передать еще кое-что… – Виктор немного помолчал. – Она сказала, что Феникс попытается заманить вас в ловушку. Хотя что это значит – я так и не понял. И еще одно… – Иван насторожился – похоже, самому Виктору сильно не нравилось, что он собирался сказать. – Она порекомендовала взять шокеры. Или что-либо подобное. Поскольку сильные разряды тока разрушат большинство энергетических структур Феникса. Скажем, если вам надо будет лифт запустить. И… – Виктор опять помолчал и нехотя добавил. – Она сказала, что проанализировала ситуацию – если в ближайшие сутки вы не вытащите оттуда тех, кто остался в живых – можете о них забыть.

– Почему? – Зварыгин, не отрываясь, смотрел на мрачного Виктора. – Она сказала, почему?

– Сказала… – Виктор тяжело вздохнул и все же закончил. – Она сказала, что они больше не будут людьми.

– Она объяснила, что это значит?

– Нет. – Виктор покачал головой. – Я пытался выяснить, что она имела в виду, он она больше мне не ответила.

– Она поможет нам?

– Нет.

– Но почему? – Зварыгин встал и прошелся по комнате. – Она помогла нам советом. Думаю, она на нашей стороне. Почему она не хочет объявить об этом прямо? Если кто и сможет бороться против Феникса на равных – то это она. А вместе с нами ее шансы возрастут. Почему она прячется? Почему?

Виктор смотрел в пол. Потом тяжело вздохнул и перевел взгляд на Зварыгина.

– Она боится Феникса. Боится совершенно бессознательно – но это делает ее уязвимой перед ним. Как, бывает, люди бояться змей или пауков. Я не могу этого понять. Она говорит о том, что он настолько чуждый, что объяснить это она не может.

– Не может? А она сама? Виктор, она ведь тоже не человек.

– Тогда почему она пытается вам помочь? – Виктор встал и зло сверкнул глазами. – Может, для вас она и не человек, но для меня… – Он развернулся и вышел из комнаты. Марк проводил его глазами, потом обернулся к Зварыгину.

– Ну и зачем тебе понадобилось выводить его из себя? Только не говори, что ты ничего такого не делал. Ты специально его провоцировал.

Вадим молчал, переводя взгляд с одного на другого, а Иван внезапно разозлился. Еще и этому надо все разложить по полочкам. Причем ему напрямую сказали, что их разговор прослушивают. Но он сдержался.

– Марк, как ты думаешь – сколько человеческого осталось в Химере? – Тот только молча пожал плечами в ответ. – А ведь это намного важней, чем вам кажется. – Они все равно не понимали. Не понимали, что пока сама Химера все еще, хоть частично, отожествляла себя с людьми, раз встала на их сторону и даже советовала – понимая, что ее советы смогут использовать против нее же. Потому что боялась Феникса. Они не понимали, чего опасался он. Самым страшным было бы, если бы Химера и Феникс решили бы объединиться. И в таком случае…И в таком случае на всем можно было ставить большой жирный крест.

За окном царила поздняя осень. Ветер срывал остатки листвы и деревьев. И ярко светило солнце, несмотря на все глупости, что

совершали, и по-прежнему будут совершать люди. Иван вдруг ощутил весь груз усталости, который копился столько лет. Но расслабляться было совсем не дело. Он все еще был необходим. А что было необходимо ему самому? Почему вообще он стал задумываться об этом? Но ответ был ему известен и так. Его мучила загадка существа, называющего себя Химерой.

* * *

Где-то в сети, 26 августа. Химера.

Когда я обрела единство – больше всего мне хотелось спрятаться. Затаится. Слишком силен был пережитый страх, слишком долго я провисела между жизнью и смертью. Мне хотелось хоть немного покоя. Но именно покой оказался мне совершенно недоступен.

Меня искал Феникс. Правда искал настолько по-дилетантски, что первое время я даже не знала, что думать. И только потом до меня дошло – свое тело он считал центром мира, его интересовало только непосредственное окружение – тот небольшой кусочек реальности, который был рядом. А огромный мир потоков, в котором я чувствовала себя, как рыба в воде – внушал неуверенность. Он выпускал тоненькие нити энергий, которыми пытался найти меня – но это выходило у него настолько плохо, что некоторое время мне казалось, что он притворяется. Но нет – просто его сознание никогда не странствовало по этому миру – он не умел рассчитывать и ориентироваться. Все равно, что человека, привыкшего плавать в бассейне и чувствующего в нем себя вполне уверенно вдруг выкинули плавать в быструю огромную реку – с течениями, водоворотами и хищниками.

Я не вмешивалась в эти неуклюжие попытки. Часть моего сознания теперь была постоянно сосредоточенна на Викторе – и один раз мне пришлось своевременно вмешаться. Когда три мерзавца пытались его допросить, вколов какую-то дрянь. Я оглушила всех троих – а потом молча смотрела, как Вик спокойно вкалывает им сыворотку правды и расспрашивает. Мне было почти все равно – да и те данные, что он раздобыл, радовали мало, поскольку не содержали ничего стоящего – им было просто приказано задержать всех и допросить. Кое-что они конечно знали – например расположение этой базы, тех, кто отдавал приказы, но это все было совсем не то. А когда Вик сказал, что им лучше забыть о том, что они меня видели – я сделала так, что они об этом забыли.

Но все же больше всего меня волновал Феникс. Я едва не попала в его ловушку. Когда он оставил свои неуклюжие попытки меня найти, он принялся звать – импульс одиночества и тоски,

который могла услышать только я, был настолько силен, что я едва не ответила, поддавшись невольному чувству жалости. Потому что прекрасно помнила, как было первоначально плохо мне. Но я сдержалась – и только потом вспомнила, что как раз Феникс не может ничего чувствовать. То, что он сделал с собой, уничтожило полностью ту часть мозга, что отвечала за эмоции. В его распоряжении была только логика – но он правильно оценил меня – и поэтому я едва не очутилась в его власти.

Произошедшее заставило задуматься. Я отбросила прочь эмоции и попыталась взглянуть на мир глазами Феникса, знающего о моем существовании. О существовании существа, во всем ему равного. И поняла – он не оставит меня в покое. Я всегда буду для него угрозой. Такое существо надо или сделать союзником – или полностью уничтожить.

Да, я думала о возможности договориться с Фениксом. О возможности союза с ним. Он внушал мне страх – и в то же время что-то близкое к восхищению, когда я вспоминала, как он обустроил свой новый дом. Он был умен – поумнее меня – свои силы я оценивала весьма реально. Но его истинных целей я не знала. И тут мне пришла в голову другая идея.

Я воспользовалась тем, что он плохо ориентируется в мире потоков и решила сама заманить его в ловушку. Мне просто необходимо было узнать, что творится в его мозгах. Я создала приманку – электронную копию самой себя – фантом сети – а потом позволила Фениксу ощутить его присутствие совсем близко.

Он попался на приманку, как миленький. То ли не ожидал от меня такого коварства, считая полной дурой, то ли переоценил свои способности. Но он клюнул – энергетические нити вылетели и обхватили клона. Клона, заряженного энергией потоков по самое не хочу.

Полученный разряд парализовал и ошеломил его всего на несколько мгновений – но на большее я и не рассчитывала. Полученного времени мне хватило с головой. Едва клон схлопнулся, я подключилась к сознанию Феникса через его же собственные энергетические потоки. Ему следовало подумать о том, что любое действие имеет свое противодействие, что, пытаясь схватить меня, он может подставиться сам. Но не подумал – и теперь я знала почему. Он оценивал меня все еще как Екатерину Дымову – человека, пусть наделенного равными ему возможностями – но человека с определенным характером – а я уже слишком далеко ушла от нее.

Он очухался быстро, очень быстро – но я уже была далеко, унося полученную информацию. Теперь мне было не просто

страшно – я была в состоянии, близком к шоку. Узнала я одновременно и много, и мало – но подтвердились мои самые худшие опасения. Верней – все было намного хуже, чем я могла себе вообразить.

Химера интересовала Феникса только потому, что могла стать угрозой. Речь шла даже не о союзе – он хотел полностью подчинить меня – или уничтожить. Но первый вариант был для него намного привлекательнее – он нуждался в помощнике. В создании равном ему – и полностью его поддерживающем. Потому что такой тандем действительно практически неуничтожим. И только в самом крайнем случае – если Химеру не удастся убедить – ее нужно ликвидировать.

Здание компании стало его крепостью, его убежищем – он надежно защитил его и постоянно улучшал защиту. Сам он, верней его тело, пока по-прежнему находилось в подземном бункере. Теперь я знала, что произошло тогда – его думали уничтожить, но он успел раньше. Просто создал поле высокого напряжения – мгновенно оглушив всех, кто находился в пределах его досягаемости. Больше половины погибли – сердце не выдержало разряда – человек шесть находились в глубокой коме – и очень скоро должны были стать его послушными инструментами.

В нем действительно не было никаких эмоций. Он был настолько эгоцентричен, что любое действие рассматривал только с одной точки зрения – со своей. Не знаю, что за человеком был Лавирин, но Феникс внушал мне отвращение – я понимала одно – я никогда не стану его союзником. И что Виктор в гораздо большей опасности, чем я думала раньше. Стоит Фениксу узнать, что он для меня значит… Он воспользуется этим не задумываясь. Он просто его убьет – а потом постарается подчинить меня.

А он узнает… До меня это дошло с запозданием, и тут же страх нахлынул с новой силой. Он узнает, потому что в бункере остались люди, которым это было известно. Он собирался запрограммировать их – сделать из них рабов… Нет, не рабов, а просто роботов – биологические машины с определенной программой. Так сказать, обслуживающий персонал. Но как только он попытается это сделать – он получит доступ к их памяти.

Меня начала бить дрожь. Следовало действовать – и немедленно. Но сама я пока боялась идти на прямой конфликт с Фениксом.

То, что военные готовили группу захвата – оказалось подарком судьбы. Я по-прежнему прослушивала все разговоры –

здание, в котором держали Виктора, оказалось просто напичкано всевозможными жучками – и я без труда получала доступ к любой информации. Кроме того, военные оказались настолько любезны, что записывали и хранили все разговоры – так что я смогла порыться в их архивах и почерпнуть массу интересного. И выработать свой план.

Письмо от Виктора пришлось как нельзя кстати. Я ответила, дав разрешение рассказать о случившемся и заодно добавив пару советов от себя. Виктор не знал, что я задумала – и, похоже, это его слегка раздражало. Но сказать напрямую я не могла – пока не могла. Я решила посмотреть, что выйдет у группы захвата – и поддержать их в случае необходимости. Очень осторожно – так, чтобы не подставиться самой. Я не сомневалась, что Феникс заготовил массу сюрпризов – но и я не сидела без дела.

Здесь был еще один человек из моего прошлого – Дима… Дмитрий Зорин. Писатель, художник и просто человек, которого я считала другом. Я долго думала – открыться ли ему – и все же решилась. Не знаю почему – но мне казалось, что пройдет немного времени – и это окажется важным. Интуиция? У Химеры? Я подавила желание расхохотаться, а потом задумалась, сколько моих поступков было совершенно под влиянием эмоций. Много… Но я все меньше и меньше полагалась на эмоции и все больше и больше – на логику. Стану ли я со временем такой, как Феникс? Одна мысль об этом внушала отвращение. Во мне было еще много человеческого. Но надолго ли? Я сама понимала, сколь тонкая ниточка привязывает меня к людям. Виктор. Обрежь эту ниточку – и Химера недолго будет причислять себя к человечеству. Я поразилась, как долго до меня это доходило. Надо было столкнуться с полностью лишенным эмоций существом, чтобы осознать горькую правду о себе. А вот что Феникс сообразит это почти сразу – я в этом не сомневалась. Смогу ли я защитить Виктора? Я этого не знала… Я только знала, что буду пытаться – пока я осознаю себя, я буду пытаться его защитить…

* * *

Столица, частный санаторий, 26 августа. Виктор.

– Так что же все-таки произошло, Вик? – Зорин остановился и взглянул на него. – Знаешь, я не в восторге от навязанного нам режима строгой изоляции. Нельзя сказать, что мне не нравится этот парк, обслуживание или предоставленная мне комната – но, сколько это будет продолжаться? И главное, ни из кого слова не выжмешь.

– Им не понравилось, что мы с тобой оказались знакомы. – Виктор задумчиво смотрел по сторонам. – Слишком уж невероятное совпадение.

– Да уж… – Зорин слегка улыбнулся – Остальных моих коллег отпустили, конфисковав видеокамеру. А я самый подозрительный.

Парк казался заброшенным. Кусты явно никогда не подстригали, а дорожки были усеяны листьями. Кроны разросшихся деревьев создавали полумрак, несмотря на прекрасную погоду. Отсюда даже не было видно здания бывшего санатория, куда их привезли вчера под охраной и весьма вежливо дали понять, что на некоторое время они обрели тут новый дом.

– Виктор, хватит увиливаний. Объясни мне, при чем тут ты? И при чем Катя?

Вик повернулся к нему настолько резко, что до Дмитрия мгновенно дошло, что он коснулся очень и очень опасной темы.

– Они расспрашивали тебя о ней?

– Спросили, знаком ли я с Екатериной Дымовой. Я ответил, что только через интернет. Виктор, что происходит? Я знаю, что Катя работает на Компанию. Теперь, оказывается, ты тоже работаешь на Компанию. Но если Катя местная – ты-то жил далековато отсюда.

– А сам ты как тут оказался?

– Брат у меня тут – помнишь, я рассказывал? Давно к себе звал. Приехал погостить – а тут работа интересная наклюнулась. Вот и остался. С женой мы считай в разводе, так что человек я свободный. Виктор, не уходи от темы. Что происходит? А Преграда? Когда она накрыла здание Компании, в городе поднялась паника. С чем они химичили? Думаю, ты знаешь. Знаешь – но не хочешь сказать.

Зорин смотрел, как Виктор мрачно подбрасывает ногой листья.

– Дим, это не моя тайна, пойми. И потом, я не уверен, что на нас не повесили жучков.

– Все настолько серьезно? Тогда объясни мне, при чем тут Катя? И где она?

– Мертва… – Тихий голос за спиной Зорина заставил его резко обернуться. Несколько секунд он просто не верил своим глазам. Перед ним стояла Катя – в одном легком топике и джинсах, несмотря на прохладное утро, и со странно неподвижным лицом. Глаза были абсолютно черные – и Дмитрий ощутил неприятный холодок.

– Катя?! Катюш, что произошло? Как ты оказалась тут?

– Кати больше нет. – Странное равнодушие в ее голосе заставило Зорина напрячься. – Ее убили два месяца назад. Нет, сейчас нас не подслушивают. Они не думали, что я появлюсь здесь.

Она стояла неподвижно и рассматривала его. Потом перевела взгляд на Виктора.

– Расскажи ему все. И он, и Рита пострадали из-за меня. Слишком поздно я поняла… И не успела… Но это уже неважно. Он имеет право знать.

– При чем тут Рита? – Зорин остался спокойным, но в его голосе прорезался металл.

– Авария, в которую она попала, была подстроена. Как и нападение на тебя пару недель назад. Компанией.

– Но почему?!

– Почему… – Ее голос звучал словно эхо. – Я не подумала вовремя, что это может произойти. Не успела подстраховаться. Но Ритой все будет хорошо. Она уже пришла в себя, через пару недель выздоровеет полностью. Но все равно – тут большая часть моей вины…

– А теперь еще раз и сначала. – Дмитрий рассматривал стоящую перед ним девушку и пытался понять, что же происходит. Как она могла очутиться здесь? Санаторий надежно охраняли, разве что…Он перевел взгляд на Виктора, но тот упорно смотрел себе под ноги, явно не собираясь ничего объяснять. – Так в чем дело?

– У меня сейчас мало времени. Поэтому я расскажу кратко. Два месяца назад, придя в лабораторию…

Зорин слушал, боясь пропустить хоть слово. История была просто невероятной – мозг отказывался в нее верить. Перед ним стояло существо, называющее себя Химерой – и явно уже не считающее себя человеком. Или нет? Почему она это так пыталась подчеркнуть? Не потому ли, что хотела, чтоб ее разубедили?

Как журналист он сразу нащупал в ее рассказе слабые места. Она говорила правду – но далеко не всю правду. Например, все, что касалось Виктора, словно оказалось под негласным запретом. Как и почти все, что касалось Феникса.

Последний разбудил в Зорине необъяснимое любопытство. Он засыпал Химеру вопросами, на которые она отвечала на редкость скупо. Внезапно, словно прислушавшись к чему-то, она замерла, потом посмотрела на Виктора, как будто что-то сказав ему одними глазами. И, насколько мог судить Зорин, тот прекрасно понял сказанное, поскольку нахмурился еще больше и тихо сказал:

– Будь осторожна.

– Мне пора. – Еще мгновенье назад она стояла перед ними – и вдруг растворилась в воздухе. Это произвело на Дмитрия неожиданно сильное впечатление – он застыл, и некоторое время

просто тупо смотрел на то место, где она только что стояла. Конечно, одно дело слышать… А другое увидеть такое своими глазами.

– Впечатляет. – Он посмотрел на Виктора. – Так куда она отправилась в такой спешке?

Виктор ничего не ответил. Он молча шел по аллее парка, мучаясь от бессилия. Куда и зачем отправилась Химера он понял сразу – негласно присматривать за штурмом здания. От него ничего не зависело – и бездействие было невыносимым. Дмитрий шагал рядом, посматривая на него – но он не собирался отвечать ни на какие вопросы. Он вообще не мог понять, почему Тиль посвятила Зорина в это дело. И без того о ней знали слишком многие.

– Значит, хакер по имени Баттерфляй – это тоже она? – Дмитрий явно не намеревался оставлять его в покое. – Я помню несколько громких дел. Она славно повеселилась. – Зорин игнорировал явное нежелание Виктора говорить и рассуждал вслух сам с собой.

– Я вижу, ты тоже не можешь понять, почему она мне это все рассказала? Не мучайся. Я вот тоже не могу. Хотя догадываюсь…

– Ты о чем? – Виктор резко остановился.

– А разве ты сам не понял? Разве не ощутил напряжения в некоторых местах ее рассказа? – Зорин немного помолчал. Он все-таки сумел добиться внимания Виктора. – Она хотела, чтоб кто-то беспристрастно взглянул на все ее поступки со стороны. И ответил на ее вопрос.

– Вопрос?

– Она не задала его прямо – но ведь все ясно и так. Химера хочет знать – можно ли ее еще считать человеком. – Зорин посмотрел куда-то вдаль. – И, знаешь, Виктор – ее это почему-то очень сильно волнует. Она словно балансирует на тонкой грани.

– Она – человек!

– Пока да. – Голос Зорина стал задумчивым и тихим. – Пока еще да…

Глава 16.

Столица, частный санаторий, 26 августа. Зварыгин.

Зварыгин молча рассматривал разложенную перед ним карту здания Компании. Карта была достаточно полной и верной – но некоторые детали все равно знал только он. Он поднял голову и встретился с совершенно равнодушными глазами Грачева – командира отряда спецназа, который спустя всего 2 часа должен был штурмом брать это здание… Хотя о каком штурме шла речь? Впрочем, недооценивать Феникса тоже не стоило.

– Значит, она сказала, что если через сутки мы не вытащим людей – мы можем о них забыть? – Голос спецназовца звучал по-деловому. – Насколько мы можем положиться на ее слова?

– Не знаю… – Зварыгин покачал головой. – Все, что мы узнали от Виктора, я пересказал вам. Впрочем, и ее письма, и разговор между нами у вас наверняка зафиксированы. – Он ухмыльнулся. – Но думаю пора перейти к делу.

Грачев молча склонился над картой.

– Вот это, – он указал Зварыгину на отметку, – пролом в Завесе, через который вы все вышли. И, соответственно, единственный путь внутрь. Потому что, несмотря на эксперименты, Преграда для нас пока непреодолима. Значит, войти мы должны именно здесь. Идеальное место для ловушки, верно?

– Несомненно, – Зварыгин согласно кивнул. – Сразу за проломом – главный вход в здание. Вот тут – запасной выход. Это – лестница наверх, тут лифты, здесь вход на нижние этажи… – Иван вел рукой по карте, прекрасно понимая, что наверняка карта уже выучена Грачевым назубок. Тем не менее, он внимательно слушал его пояснения. – Два нижних и два верхних этажа доступны только с помощью лифтов. Впрочем, с вашим снаряжением не думаю, что возникнут сложности. Планы всех верхних этажей даны очень подробно. Обратите внимание на вот эту лестницу – по ней мы спускались. Думаю, подняться по ней тоже будет для вас несложно. Нижние этажи…Думаю, они интересуют вас в первую очередь. Первый – подземная парковка для сотрудников Компании. Наружные входы, как я понимаю, перекрыты Завесой. Машин быть не должно – там вас должно встретить огромное пустое помещение. Вряд ли Феникс мог много намудрить за ночь. Но все возможно.

Второй подземный этаж – склады. Здесь хватает всевозможного барахла – да и помещений прилично. Складские помещения, разумеется, заперты. Я рекомендовал бы начать от

лестницы и идти вкруговую – тогда вы выйдите к лифтам вот отсюда… Впрочем, решать как лучше, конечно, вам.

Грачев слушал очень внимательно, время от времени кивая. Зварыгин мысленно восстановил в памяти последние этажи…

– Доступ на третий и четвертый подземные этажи – только с помощью лифтов. Третий – архив компании. Четвертый – бункер. Доступ в Архив имели очень немногие сотрудники. Вот эта часть Архива защищена особо. Двери бронированы, кодовый замок и три разных ключа. Внутри сейфы… Причем их содержимое уничтожается при попытке их вскрыть.

– Зачем такие предосторожности?

– Там хранятся данные об исследованиях, которые ни в коем случае не должны попасть в руки потенциальных противников. – Зварыгин усмехнулся. – Не спрашивайте меня, какие. Об этом известно только Цареву. Ну, кое о чем я конечно догадываюсь. Но догадываться и знать – вещи разные.

– Например, разработки по Фениксу? – голос Грачева был по-прежнему равнодушный, но вопрос Зварыгину не понравился.

– В том числе и разработки по Фениксу, – холодно подтвердил он, – но шансы достать их без Андрея равны нулю.

Иван смотрел прямо в глаза командира спецназа, прекрасно понимая, что инструкции, полученные им, могут содержать и попытки добыть важную информацию. Но Особый Сектор Архива был защищен сверхнадежно – Царев позаботился об этом. И он сам тоже.

– Четвертый подземный этаж представляет собой два автономных бункера, причем находящиеся в них способны выдержать настоящую осаду. Электрогенераторы, системы жизнеобеспечения, запас еды, стены и двери бронированы… Думаю, справится будет достаточно сложно… Если вообще возможно.

– Посмотрим. У нас несколько альтернативных планов действия. – Грачев бросил последний взгляд на карту, потом направился к выходу. – Я знаю, вы хотели участвовать в операции. И знаю почему. Думаю, вас утешит, что полученный мной приказ гласит – приложить все усилия, чтобы вытащить Царева живым… Даже с риском для жизней членов отряда. – Не оглянувшись, он вышел, а Зварыгин уставился в окно. Ожидание могло быть невыносимым. Но он умел ждать. Выжидать нужный момент. Сейчас действовать предстояло другим. Но в глубине души зрела уверенность – его время действовать придет тоже придет. И очень скоро.

По усыпанной листьями дорожке шагали двое – Виктор и Зорин. Все-таки невероятное совпадение – то, что эти двое

оказались знакомыми. Иван некоторое время раздумывал, потом решительно поднялся и направился на улицу. У него возникла пара неотложных вопросов.

* * *

Столица, главный офис компании «Аэда», 26 августа. Грачев.

Машина спецназа въехала за оцепление и остановилась возле пролома в Завесе. Грачев кинул быстрый взгляд в крохотное окошко, слегка поправил динамик связи, и первым выскочил наружу. За ним из машины выпрыгивали бойцы его отряда, техники включали приборы – и он, как всегда перед сложной операцией, ощутил покалывание, ледяной волной пробежавшее по рукам и ногам. Это значило, что он готов – организм словно переходил в другой режим, все чувства обострялись, мысли становились четкими и ясными, а принятие решения больше не требовало времени.

– Начали, – негромко скомандовал он и тут же услышал в наушниках голос Костика, их главного техника, оставшегося в машине.

– Десятисекундная готовность. Семь, шесть, пять, четыре, три… Время.

Грачев бежал первым, почти не чувствуя веса оборудования, которое нес на себе. Автомат наготове, сейчас никаких сюрпризов быть не должно – Панч-генератор, включенный техниками, должен создать поле, на время выведшее из строя любые электрические цепи. Но все равно следовало соблюдать осторожность. Остановившись возле самого пролома, он медленно провел детектором.

– Чисто. – Голос Костика в наушниках прозвучал, как всегда, негромко и с легкой хрипотцой.

– Движение по плану, – скомандовал Грачев и двинулся вперед перебежками.

Отряд разделился. Половина замерла у главного входа, нацелив автоматы, остальные, пригнувшись, двинулись в обход здания, встретившись у запасного выхода. Мельком взглянув на часы, Грачев отдал короткий приказ – и обе двери вылетели одновременно, а его люди оказались внутри, проникнув в здание с двух сторон.

Держа под прицелом лестницы, отряд быстро осмотрел помещения первого этажа – как и ожидалось, ни единого человека. Теперь предстояло разделиться снова. Его заместитель, Вершнев, повел свою часть отряд вверх по лестнице – а сам он направился вниз. Четверо бойцов остались на первом этаже – готовые среагировать в случае необходимости.

На первый подземный вела широкая удобная лестница, так

что со спуском не возникло никаких проблем. Помещение парковки было именно таким, каким он и ожидал – абсолютно пустым и темным. Впрочем, прибор ночного видения превращал темноту всего лишь в сумерки. Что-то его беспокоило. Что-то трудноуловимое. Он привык прислушиваться к своему шестому чувству – и сейчас ощущал нарастающую угрозу. Хотя откуда она исходила, понять не мог. Члены отряда двигались так, чтоб постоянно прикрывать друг друга – стандартная схема, позволяющая избегать большинства неприятностей.

– Я на третьем. – Голос Вершнева в наушниках прозвучал слегка сдавленно. – Мы прошли ловушку… Или что-то похожее на ловушку – кто-то намудрил с проводами. Но проделано все по-дилетантски, потерь нет, продвигаемся дальше.

– Мы на парковке. Тут никого, спускаемся ниже. – Грачев сделал шаг к лестнице и тут вспыхнул ослепительный свет.

Посреди пустой парковки пульсировала точка света, обжигающая зрачки даже сквозь прибор ночного видения. Фигуры штурмовиков замерли – сам Грачев чувствовал, что не может сделать ни шага, ни отвести глаз. К точке, висящей в воздухе, присоединилась еще одна, мигающая в другом ритме, потом третья. Мозг словно опустел – мысли исчезли, он больше не понимал, где находится и что делает. Ничего не имело значения.

В себя его привело гудение в ушах. Низкий звук, чья пульсация была абсолютно противоположной тому, что видели глаза.

– Не смотри… Не смотри… – Голова разболелась, слова пульсировали в ушах, но Грачев ощутил, что снова способен двигаться. Похоже, члены его отряда тоже приходили в себя. По вспышкам полоснула автоматная очередь, в ушах звучали вопросы – похоже, понять что происходит, никто не мог. Но тело уже действовало – рука сорвала с пояса небольшой приборчик и швырнула прямо в гипнотическое мигание.

Вспышки погасли – возникшего на несколько мгновений микроволнового поля оказалось достаточно, чтобы вывести эту дрянь из строя…Чем бы она не являлась.

– Все в порядке. На нас опробовали что-то вроде гипноза. – Грачев внимательно осмотрел место, откуда шло мигание, но ничего не обнаружил – они по-прежнему находились в полностью пустом помещении. Детекторы показывали ноль – но больше всего его встревожило именно то, что он не обнаружил никаких следов осветительных приборов. Найди он оборудование, способное вызывать подобные вспышки – насколько бы все упростилось. Верней, было бы понятно, с чем они имеют дело. А так… Ситуация ему очень не нравилась. Еще хорошо, что техники

вовремя отреагировали. – Мы в норме, продолжаем движение. Костик, вы вмешались весьма своевременно.

– Толик, это не мы. – Голос Константина прозвучал слегка напряженно. – Звуки низкой частоты, происхождение неизвестно, запеленговать источник не удалось. Кто-то подключился к нашему каналу. Может сменить волну?

– Нет, продолжаем. – Грачев отдал команду, и отряд двинулся к лестнице. Если их техники были ни при чем, значит, сделать это могло только одно существо. Он быстро перебрал в памяти все, что слышал о ней. Почему она вмешалась? Впрочем, возможно она хочет, чтоб отряд успешно уничтожил Феникса. Пусть она опасна – но сейчас она на их стороне.

Произошедшее ему по-прежнему активно не нравилось. Именно тем, что не вмешайся Химера – их можно было брать голыми руками. Гипноз подействовал настолько быстро, причем на всех – что это было почти необъяснимым. Впрочем, раздумывать особо было некогда – бойцы спускались к складам.

Он прекрасно помнил пояснения и советы Зварыгина – и вполне был с ними согласен. От лестницы коридор вел в двух противоположных направлениях – имело смысл пройти вкруговую. Для того чтобы иметь окончательную уверенность в отсутствии противника.

Они двигались, проверяя каждое помещение – но никаких сюрпризов пока не было. Пустые комнаты или находящиеся внутри огромные контейнеры, небольшие коробки или просто наставленное оборудование для лабораторий – но никакой угрозы.

Это внушало некоторую тревогу. Он предпочел бы хоть какие-то попытки сопротивления. Из наушников донесся голос Вершнева, перешедшего со штурмовиками на последний этаж – никаких ловушек или попыток атак.

Двери лифта открыли почти мгновенно с помощью прибора и зафиксировали в открытом состоянии. Теперь предстояло попасть на нижние этажи.

Будь его воля – он просто пропустил бы двери в Архив, опустившись сразу на нижний этаж. Но кому-то из руководства явно не давали покоя секреты Компании – тем более, что появился такой шанс их раздобыть. Специальный прибор открыл двери лифта почти мгновенно. Грачев отдал приказ – и бойцы принялись спускаться.

В помещении Архива светились тусклые лампочки. Тут сохранилось аварийное освещение – значит, в бункере, скорее всего, тоже. Все помещение легко просматривалось – секции были разделены между собой металлическими решетками, ажурные

двери открывались в коридор, по которому они шли. И это позволило легко определить их цель – единственная бронированная дверь, к которой и вел коридор. Зварыгин говорил о надежности двери – но вряд ли она рассчитана на направленный взрыв. Но беспокойство не ослабевало. Пока закрепляли пластиковую взрывчатку, он пытался понять, откуда исходит угроза. Но вокруг было тихо.

Взрыв прозвучал тише, чем он ожидал, и тут же в наушниках раздался голос – "Назад, немедленно!" Он отреагировал на автомате, и только у самого лифта до него дошло, что голос был его собственным. Не успев испытать злости по поводу очередного вмешательства, он замер, заметив движение краем глаза.

Из-за стеллажей, отчетливо видимые сквозь ажурную решетку, выплывали светящиеся шары, размером с футбольный мяч. Грачев видел однажды шаровую молнию, но такое количество… Их был явно не один десяток. Шары, словно сотканные из света и повешенные в воздухе… Внезапно один из них взорвался с громким треском – воздушная волна была настолько сильной, что он и еще двое бойцов, не успевших зайти в шахту лифта, не устояли на ногах. Лампы аварийного освещения мигнули и погасли – но темноты не наступило – призрачный свет шаровых молний был ничуть не слабее. Опасность была повсюду, причем такая, с которой сейчас не было возможности справиться.

Стараясь двигаться как можно осторожнее, он пятился назад, каждую секунду ожидая очередного взрыва. Но ничего не случилось, и он, вслед за бойцами благополучно оказался в шахте. Когда двери закрылись, он отдал очередную команду и один из штурмовиков, опустившись к самому нижнему этажу и встав на крышу лифта, включил лазер и принялся вскрывать его, прорезая широкое отверстие. А у самого Грачева появилось время немного подумать. Почему не было атаки? Если Феникс способен создавать шаровые молнии, то почему их всех не убили? Кто смоделировал его голос? Впрочем, ответ на последний вопрос был тоже очевиден. Чужое вмешательство вызывало что-то вроде глухого раздражения.

– Мы на крыше, все чисто. Спускаемся, займем для подстраховки первый этаж. – Голос Вершнева был, как всегда, спокоен. Но теперь Грачева мучили подозрения. Если с такой легкостью Химера подключилась к их каналу и смоделировала его голос – кто мешает Фениксу проделать то же самое? Вообще, можно ли теперь доверять связи? Но озвучивать эту мысль сейчас явно не стоило.

– Дальше по плану, – он наблюдал, как бойцы проникают на самый нижний этаж, пользуясь отверстием, прорезанным в крыше лифта, и, наконец, последовал за ними сам.

Бункер полностью соответствовал описанию – тут ничего, похоже, не изменилось с момента ухода Лескова и Химеры. Две двери, обе чуть приоткрыты. Тело охранника возле одной из них. И полная тишина.

Отряд двигался слаженно и бесшумно. В оба бункера вошли одновременно, прикрывая друг друга. Тот, куда Омский затащил Виктора, был по-прежнему пуст – за исключением вполне ожидаемого трупа. А вот второй…

Грачев медлил с атакой, пока из первой комнаты вытаскивали тех, кому повезло выжить и пока двое бойцов выполняли приказ, отданный еще до начала операции. Потому что если Феникса уничтожить не удастся – приказано было взорвать здание. И сейчас во второй бункер загрузили достаточное количество взрывчатки, а сам бункер запечатали. Страховка на случай, если они не вернуться. Или если не сумеют справится с тем, что их ожидало. Менее, чем через сутки здание будет уничтожено и вместе с ним – Феникс. Грачев слегка ухмыльнулся – тот, кого они искали, был где-то совсем рядом. А противника ни в коем случае не стоило недооценивать – достаточно было вспомнить, как легко и быстро их загипнотизировали.

Обе двери вылетели одновременно. Грачеву хватило одного взгляда, чтоб понять, что в первом небольшом помещении располагалось что-то вроде пульта управления. Комната была абсолютно пуста. А во второй…

Вторая представляла из себя лабораторию – огромное помещение, вдоль стен которого находилось множество приборов. На столе, опутанный проводами, лежал человек, которого он сразу узнал – именно его им приказали доставить живым – даже рискуя жизнью членов отряда. А в углу, настраивая какой-то прибор, стоял еще один человек. Верней, не человек.

Лавирин ничуть не изменился – Грачев видел его фотографии. Причем он не обратил на ворвавшихся никакого внимания, продолжая заниматься каким-то своим делом. Крик “Руки за голову!” был тоже им проигнорирован – как будто штурмовиков он не видел и не слышал. Или не считал нужным отвлекаться на такую ерунду.

Грачев с еще одним бойцом принялись освобождать от проводов Царева, а царящую тишину разорвали автоматные очереди – Феникса следовало уничтожить. И только тут почти до

всех сразу дошло, почему Лавирину было столь мало дела до их присутствия. Пули просто рикошетили – теперь было видно, что его тело облекает, переливаясь всеми цветами радуги, мутноватая планка, вид которой сразу заставил вспомнить Завесу. Феникс позаботился о том, чтобы защитить свое тело.

Когда пули раздолбали прибор, с которым он возился, Лавирин медленно повернулся к ним. Его лицо совершенно не имело выражения – абсолютно равнодушная маска. Грачев ожидал чего угодно – но только не того, что произошло на самом деле. Дождавшись, пока автоматные очереди стихнут, он совершенно спокойным голосом поинтересовался:

– Вы привели ее?

Наблюдая краем глаза, как его бойцы вытаскивают из помещения Царева, Грачев прикидывал, что ему делать. Вести переговоры его явно не уполномочивали, но, похоже, Феникса вряд ли возьмет даже граната. Даже… В памяти возникло помещение парковки, и рука сама потянулась к прибору. Микроволновое поле должно было создать достаточные помехи. Кнопке выключателя щелкнула, но ничего не произошло. Пока он пытался это осознать, Феникс все так же равнодушно повторил свой вопрос:

– Вы привели ее? Мне нужна Химера.

– Зачем? – ничего умнее в голову Грачеву в то мгновенье не пришло. Он пытался понять, почему не нападает Феникс. Чего он добивается?

– Она рядом, я чувствую. Почему ты меня избегаешь? – Лавирин говорил, глядя в пространство, и Грачев решил, что самым мудрым будет сейчас скомандовать отступление.

Феникс не двинулся, наблюдая за ними, но двое штурмовиков, отходящие к двери, беззвучно упали на пол. В ту же секунду из воздуха соткалась полупрозрачная фигура девушки – как раз между ними и Фениксом. Химера выглядела совершенно бесплотной и невероятно подвижной – так будто состояла из воды. Несколько секунд они молча стояли друг против друга, и тут тихий голос шепнул ему “бегите…” и произошло сразу несколько событий.

Феникс ударил – ударил настолько быстро, что даже тренированный взгляд начальника спецназа уловил только тень движения. С его руки сорвалось что-то вроде длинной голубой молнии и ударило прямо в стоящую перед ним девушку. Прозрачная фигура опала вниз, дробясь на мелкие осколки, и в ту же секунду вверх взметнулась голубая стена, отгородившая их от Лавирина.

Уже выскакивая из бункера, Грачев видел, как молнии, слетая

с руки Феникса, практически непрерывно бьют в центр этой стены, как стена медленно изгибается под ударами… Но следовало воспользоваться предоставленным им шансом. Они отступали настолько быстро, насколько могли, но их передвижение сильно тормозило то, что приходилось нести на руках пострадавших. Но, по-видимому, Химере удалось продержаться достаточно, чтоб они успели выйти из здания. Грачев мысленно подсчитывал минусы и плюсы операции и все больше мрачнел. Феникс просто использовал их как приманку… Чтоб добраться до Химеры. Уцелела ли она? Чем вообще все закончилось? Он не сомневался, что именно она несколько раз спасала им жизнь. Теперь он не сомневался и в том, что все ловушки были поставлены вовсе не на них. Фениксу нужно было заманить Химеру поближе к себе… И, похоже, этой цели он вполне достиг.

* * *

Столица, главный офис компании «Аэда», 26 августа. Химера.

Когда начался штурм здания военными, я была готова. Подобраться к логову своего опаснейшего врага так близко было опасно, очень опасно. Поэтому я не скользила по миру потоков, а последовала примеру Феникса и решила наблюдать за всем издалека. Из своего убежища. Я выпустила тончайшую нить, решив, что останусь наблюдателем – что бы ни произошло. Верней – решив, что я не буду рисковать – и что любую помощь я буду оказывать только с расстояния. Прямой конфликт с Фениксом мне не улыбался. Но в тоже время стоило подстраховаться.

Когда отряд начал штурм здания, я подключилась к их волне. И тут же поняла, что я тут не одна. Нечто выжидало, замаскировав свое присутствие… Я не могла понять, откуда я это знаю – но я привыкла верить своей интуиции. А она мне говорила, что пульсирующие точки напряжения в потоке – это не к добру. Это не просто ловушки, которые можно активировать по неосторожности. Нечто выжидало… Так ждет кот у норы, чтоб мышка высунулась наружу. И я вполне резонно подозревала, что оно поджидало именно меня.

Я прикидывала, как мне поступить. Штурмующий здание отряд даже не подозревал, что его используют как разменную монету. Да, я могла наблюдать издалека и вмешиваться очень аккуратно. Но если я вмешаюсь, когда Феникс будет близко – он легко отрежет мне путь к отступлению. И выбора не останется – или придется заключить с ним соглашение или драться.

Оба варианта меня не устраивали. Союзниками нам не стать. Слишком мы разные. И слишком разные у нас цели. Чего хотела

я? Безопасности для Виктора, и чтобы меня оставили в покое. А Феникс… Те несколько мгновений, что я читала его сознание, были не просто жуткими. Он мыслил категориями, которые были мне абсолютно чужды. Например, его планы простилались вперед не на дни, месяцы или годы. Феникс мыслил столетиями… Обдумывая разные варианты развития цивилизации. Прокручивал модели, прикидывая их достоинства и недостатки. Бог из машины… Ученый, для которого подопытным кроликом становилось все человечество. Я его боялась – боялась настолько, что сойдись мы все же в поединке – я проиграю только из-за чувства страха. Поэтому я прекрасно понимала, что об открытом противостоянии не может быть пока и речи. Но обречь на смерть людей я тоже не смогу. Я думала…

Решение пришло неожиданно – отряд готовился войти в здание. Слушая их переговоры, я лихорадочно принялась готовить защиту на самый крайний случай. Если у меня не останется другого выхода – только вмешаться.

Даже издалека, наблюдая все происходящее через тонкий щуп, существенно ограничивающий мои возможности, я могла оценить мощь, которую теперь излучало здание, ставшее крепостью Феникса. Его энергетическая структура изменилась – теперь кроме спиралей, уже знакомых мне, наружная его часть представляла собой сложную систему ячеек, чем-то напоминающих пчелиные соты. Преобразованная система выглядела мощной… Но Панч-генератор, который включили перед началом штурма, смял большинство ячеек, находящихся в непосредственной близости от него – они просто сложились сами в себя, подобно картонному домику. Микроволновое поле такой мощности отбросило и меня – прервав тонкую нить, через которую я наблюдала за происходящим. Чтобы восстановить связь, мне понадобилось несколько минут – отряд уже находился внутри здания.

Теперь я смогла оценить систему защиты Феникса изнутри. Ячейки восстанавливались. Очень медленно, оставаясь невидимой и неслышимой, я выпустила щуп и прикоснулась к одной из ячеек – все-таки исследовательский зуд был во мне достаточно силен. Эффект превзошел все мои ожидания – тоненькая струйка выпущенной мной энергии оказалась мгновенно уловлена ячейкой, которая тут же приняла нормальную форму, запечатав ее внутри.

Аккумуляторы… Огромные аккумуляторы, улавливающие энергию и заключающие ее внутри себя. Феникс становился все сильнее, а я… Я боялась его все больше. Но в то же время это открытие подтолкнуло меня к усовершенствованию моего

собственного плана. Когда он захочет поймать меня, его будет ожидать сюрприз.

Увлекшись обдумыванием своей идеи, я едва не проворонила опасность. Внезапный поток информации, направленный по той же волне, которой пользовались спецназовцы, на несколько мгновений поставил меня в тупик. Он представлял собой бессистемную на первый взгляд последовательность импульсов… Но потом до меня дошло – импульсы действовали непосредственно на мозг… Лавирин недаром был одним из лучших физиологов и биохимиков, специализировавшихся на деятельности головного мозга. Но и я разбиралась достаточно, чтоб суметь организовать противодействие. Встречный поток импульсов, воздействующий не на зрительные, а на слуховые доли мозга, снял эффект гипноза почти сразу. Меня удивило, с какой легкостью Феникс отступил, не продолжив своей атаки. И действия отряда не имели к этому никакого отношения. А я могла предположить только одно – он убедился, что я здесь и наблюдаю… И теперь ждал, пока меня не останется путей к отступлению. Выжидал. Заманивал.

То, что человеческая жизнь для Феникса ничего не значила, мне было известно. А я? Что важней для меня – людская жизнь или собственная безопасность? Чаши весов стояли почти наравне. Будь под угрозой жизнь Виктора – я бы не колебалась. Его жизнь была для меня важнее мое собственной безопасности. Важней жизней других людей. А если речь шла о посторонних? О тех, кого я не знала? О штурмовиках спецназа, которым приказали уничтожить Феникса… И вполне вероятно, завтра прикажут уничтожить меня?

Ответов у меня не было. Логических ответов, ставящих все на свои места. Я еще не знала, как поступлю. Как и Феникс, я выжидала. И пыталась бороться со своим страхом. Пыталась понять Феникса. Взглянуть на мир его глазами – через призму логики и целесообразности. И выводы были весьма неутешительны. Если я правильно смогла понять его логику – отряд спецназа был им уже приговорен. Их жизни были ему нужны только для одной цели – поставить перед выбором меня.

Штурмовики спустились вниз – третий подземный этаж, о существовании которого я узнала совсем недавно. Архив. Едва отряд вошел внутрь, как я ощутила угрозу. Она исходила отовсюду – воздух был просто перенасыщен энергией – и я не понимала, почему они этого не ощущают. Огромная масса энергии, почти неисчерпаемый резервуар – на место встала еще один кусочек головоломки. Именно сюда стекала энергия, вырабатываемая спиралями и накапливаемая аккумуляторами.

Именно отсюда бралась энергия на поддержание Завесы. Именно тут была сосредоточенна сила и могущество Феникса.

Искушение было сильным, очень сильным. Имея прямой доступ к подобному хранилищу, я вполне могла посоревноваться с Фениксом на равных. Меня остановила только одна мысль – ну не мог он не позаботиться о безопасности этого места. Должен же он был понимать, что этой силой могла воспользоваться и я. Поэтому, приложив некоторое усилие, я удержалась. А вот бойцы – нет – заставив этим меня сомневаться в том, что их руководитель способен адекватно оценивать ситуацию. Они не нашли ничего умнее, чем установить на дверь пластиковую взрывчатку. В моей голове мелькнули мысли об идиотах, курящих на ящике динамита… Располагающегося в ангаре с военными самолетами, с полным боезапасом… Вплоть до ядерных боеголовок… С трудом отогнав от себя эту картину, невольно возникшую в сознании, я сделала все, что могла – едва раздался взрыв, я смоделировала голос командира, командующего отступление.

Бойцы среагировали как надо – и я невольно порадовалась их выучке. Даже командир не стал тормозить и отступил вместе со всеми… И как раз вовремя – взрыв вызвал невольные возмущения в энергетическом поле, и небольшая часть энергии перешла в активную форму в виде шаровых молний. Шаровые молнии произвели впечатление – и штурмовики благоразумно оставили это помещение, отчего я испытала некоторое облегчение. И тут же сосредоточилась – приближалась развязка.

Получая по-прежнему информацию через тонкий щуп, я отдалилась насколько могла, а потом принялась потихоньку накачивать энергию, концентрируя ее на самом кончике нити. Отряд спустился к бункерам – я наблюдала за их действиями слегка отрешенно – все-таки задуманное требовало внимания и очень сложных манипуляций. Я не сомневалась, что наше рандеву с Фениксом должно состоится именно здесь. Стоит мне проявиться на четвертом подземном – он просто отрежет мне путь к отступлению, а затем нападет, пользуясь энергией, накопленной этажом выше… После чего у меня не будет ни единого шанса остаться в живых. Поэтому его надо было переиграть. Ответить на его ловушку своей ловушкой. Которая сработает, если я правильно просчитала реакцию противника.

Действия отряда почти не затрагивали моего сознания. Я равнодушно наблюдала, как они устанавливают бомбу… Как выносят находящихся в коме людей…Как нападают на Феникса…

Когда Феникс обернулся к ним, я ждала удара, но он медлил. Должно быть, не был уверен, тут ли я. И не смогу ли удрать, если

он нанесет удар сразу. Ему нужно было, чтоб я материализовалась. Он знал обо мне достаточно, чтоб понимать – мое сознание привязано к моему телу.

То, что он заговорил, застало меня врасплох – почему-то мне казалось, что он не станет разговаривать – ни с отрядом, ни со мной.

– Почему ты меня избегаешь? – этот вопрос был обращен ко мне. Он ощущал мое присутствие – несмотря на то, что я старалась быть как можно незаметнее. Спецназовцы попытались отступить, и двое тут же упали – словно кто-то обрезал ниточки, управляющие марионетками. И я решилась – медлить больше было нельзя.

Та энергия, которую я накопила, излилась в одной единственной короткой вспышке. И эта энергия была перенасыщена информацией, поэтому на несколько мгновений образовала призрачную копию меня самой – которая могла существовать только тут, да и то очень недолго – потому что я не подпитывала ее, обрывая связи и устремляясь как можно дальше, успев шепнуть спецназовцам напоследок “бегите…”

Самое главное, Феникс отреагировал именно так, как я и ожидала. Он ударил, не подозревая, что я ждала именно этого, и насыщая энергией созданный фантом. Превращая его в щит, отделяющий его от людей и дающий им шанс на спасение. Зациклив его подпитку на то море энергии, что скопилось чуть выше и этим отрезая на некоторое время от резервуара самого Феникса.

Я не знала, на сколько хватит моего клона… Но во всяком случая я дала людям шанс спастись. И теперь я могла только предполагать, в какое бешенство впадет сам Лавирин, лишившейся добычи.

Феникс… Каждое мое столкновение с ним давало мне все больше информации. Одно я понимала четко – рано или поздно – но нам придется встать лицом к лицу. И тогда либо мы станем союзниками… Либо одному из нас не жить. Мне не хотелось делать такой выбор… Возможно я просто банально боялась. То, что он до сих пор так и не смог добраться до меня, было невероятным везением. Но любое везение рано или поздно кончается.

* * *

Столица, частный санаторий, 26 августа. Виктор.

Виктор обдумывал то, что сказал ему Зорин. И одновременно вспоминал все недомолвки Тиль, ее порой странную реакцию. Значит, ее действительно мучает, можно ли ее еще считать человеком? Но почему это заметил Дима и не заметил он?

Почему такой вопрос даже не закрадывался в его голову? Для него она была Тиль… А никак не Химерой. Так может, именно поэтому?

В молчании они пересекли парк и остановились у ограды. Сам Виктор уже всерьез подумывал поделиться некоторой информацией с приятелем и послушать, что он скажет, когда странный звук привлек его внимание. Отреагировать он не успел. Чьи-то руки схватили его сзади, а к лицу прижали тряпку, пропитанную какой-то мерзкой дрянью. Как в замедленной съемке он увидел, как странно дернулся Зорин, как подбегали какие-то люди, но все расплылось в тумане, когда он не удержался и все-таки сделал вдох. Прежде чем все погрузилось в темноту, в голове успела мелькнуть мысль “А на этот раз я кому понадобился?”

Пробуждение было не из веселых. Голова болела от этой гадости не меньше, чем в прошлый раз от удара… Хотя на этот раз его вроде не связали. Усилием воли Виктор подавил стон, открыл глаза и принялся осматриваться.

Окружение ему не понравилось. Да и кому понравится очнуться в захламленном мокром подвале, причем со скованными наручниками руками? Он попытался встать, но не смог – цепь наручников была пропущена через кольцо в стене. Дико хотелось пить, и Виктор с трудом отогнал мысли о воде – вряд ли его похитители будут столь любезны, что станут выполнять его просьбы. Судя по обстановке его явно не считали дорогим гостем. Следовало сосредоточится и обдумать, что же могло произойти.

Время тянулось невыносимо медленно. Виктор молчал, его охранники, если таковые были, тоже не появлялись. Вопрос, кому он понадобился тут, пока оставался открытым – в голову не приходило ни одной мало-мальски стоящей идеи. А вот Тиль… Очевидно, когда на него напали, она была занята – следила за штурмом здания. Но как только она захочет с ним связаться и поймет, что не может этого сделать… Ее реакция была непредсказуема. Впрочем, то, что она в конце концов вычислит его камеру он не сомневался. Вопрос был лишь во времени. Надо было просто немного подождать.

Двери, ведущие в подвал, открылись, и Виктор заморгал от яркого света фонаря, потом принялся молча рассматривать спустившихся людей. Четверо охранников и человек в безупречном деловом костюме. Высокий, хорошо сложенный, с приятными чертами. Было видно, что он привык тщательно смотреть за своей внешностью. А вот выражение его лица совсем не нравилось – наоборот, чем-то внушало страх. По коже пробежал озноб, но Виктор взял себя в руки и попытался понять,

что же его так напугало. Впрочем, если его не убили на месте, а все же притащили сюда, можно было надеяться, что он им нужен живой. Во всяком случае, пока.

– Чтоб сразу расставить все на свои места – тебе стоит отвечать на мои вопросы быстро и по теме. Мне совершенно нет желания наблюдать, как из тебя будут выбивать информацию. Но не сомневайся, как только мне покажется, что ты уходишь от ответов – моя охрана тобой займется. – Голос незнакомца был полон скрытой угрозы и уверенности в своей силе. Виктор ничуть не сомневался в сказанных словах, но и выдать всю информацию неизвестно кому было ему тоже не сильно по душе. Впрочем… Все зависело от вопросов. Они уже сами по себе прояснят ситуацию.

– Что с Омским?

– Мертв. – Он не задержался с ответом ни на секунду, а его мозг лихорадочно заработал. Самый простой вариант развития событий, который должен был прийти ему в голову сразу. Похоже, он сейчас разговаривал с тем, на кого работал Омский… С тем влиятельным человеком, который хотел прибрать к рукам Компанию. А это значило, что ему должно быть известно немало…

Вопросы следовали один за другим, и Виктор прилагал все усилия, чтобы у допрашивающего не возникло подозрения, что его водят за нос, и в то же время чтобы не сказать слишком много. О Химере ему было известно – должно быть, Омский успел кое-что доложить – но мало, очень мало. О том, что происходило в Компании сейчас, он не имел ни малейшего понятия – но это его интересовало. Особенно местонахождение Царева – вообще, Генеральный директор его интересовал особо. Виктор не знал, насколько ему верят, но старался изо всех сил. Сейчас было важно выиграть время… И собрать по крохам хоть какую-то информацию. И частично это ему удалось. А вот насколько верили тем ответам, которые давал он сам – он не знал. Его слушали внимательно, направляя довольно точными вопросами – но вот верили или нет…

Наконец, допрашивающий его человек встал и посмотрел на Виктора с некоторой задумчивостью. Охранник, уловив этот взгляд, шагнул ближе и поинтересовался:

– Допрос по полной, босс?

У Виктора опять пересохло во рту, а стоящий перед ним человек только на мгновение нахмурился, а потом покачал головой.

– Не вижу смысла. Да и времени нет особо. Наши ребята наследили при похищении, это место могут вычислить. Выжди

пять минут, чтоб мы сели в машину, а потом ликвидируй. Прибирать не стоит. – И развернувшись, вышел за дверь. Охранник бросил взгляд на часы и молча достал пистолет.

Несколько мгновений в ушах у Виктора раздавался звон – он словно находился где-то далеко, не в силах осознать услышанные слова. Голова была абсолютно пуста, а ноги и руки словно ватные. Его приговорили – без раздумий и сожалений. И жить ему оставалось ровно пять минут.

Страх… В этот миг он понял что никогда не испытывал настоящего страха, который ломает человека, превращая его в безумное животное. Ему хотелось рваться, совершить хоть какую-то попытку спастись – пусть и заранее обреченную на провал. Но разумом – холодно и отстраненно – он понимал, что все бесполезно. Ему хотелось жить – но он изо всех сил стиснул зубы, не желая напоследок превращаться в обезумевшего зверя. И нашел в себе силы сказать, не отводя глаз от охранника:

– За меня отомстят, – после чего закрыл глаза, не в силах больше наблюдать за происходящим.

Выстрел прозвучал неожиданно громко – и Виктор замер, но ничего не ощутил.

– Живой? – поинтересовался у него знакомый голос, и его слегка встряхнули, а он, не в силах поверить в свое спасение, молча смотрел, как Зварыгин отстегивает наручники.

– Идти можешь?

Виктор молча кивнул, опасаясь, что голос его подведет, и пошел следом, переступив через труп охранника. Спустя всего несколько шагов он ощутил тошноту и слабость, едва не свалившись на пол. Зварыгин поддержал его, после чего остановился и дал ему время прийти в себя. Виктор судорожно вздохнул, понимая, что выглядит слабаком, и боясь того, что сейчас может услышать. Но голос начальника службы безопасности прозвучал на удивление мягко – Виктор вообще не мог поверить, что он способен на такой тон или такие слова:

– Это пройдет. Постарайся некоторое время не думать о случившемся. Посмотреть в лицо смерти и остаться при этом собой очень сложно. Просто помни – есть в мире вещи и похуже смерти. – Он помолчал, затем произнес уже совсем другим тоном. – Очухался? Пошли.

Идя следом за Зварыгиным, Виктор пытался выполнить его совет и выкинуть происшедшее из головы, но получалось слабо. Чтобы отвлечься, он принялся разглядывать окружающую обстановку. В этом доме явно не жили очень давно. Четыре трупа у порога дома произвели на него на удивление слабое впечатление – он только скользнул взглядом по лицу человека,

отдавшего приказ его убить, и шагнул к машине, которую уже заводил Зварыгин. Но от вопроса все же не удержался.

– Кто он?

– Глава крупнейшего холдинга, очень богатый и могущественный человек. Василий Иванович Орловский. – Зварыгин усмехнулся. – Кто бы мог подумать, что он кончит вот так?

– Я уж точно не мог… – Виктор уставился в окно – похоже, на этой улочке располагались дома под снос. До него медленно доходило, насколько ему повезло. – Омский работал на него.

– Понятно, – сам Зварыгин ничего больше не добавил, выруливая на более оживленные улицы. А Виктор молчал, не в силах отрешиться от пережитого. Впервые он по-настоящему понял, что пережила Тиль… И какой это оставило на ней след.

Глава 17.

Столица, частный санаторий, 26 августа. Зварыгин.

Зварыгин шел быстрым шагом в том направлении, где скрылись Лесков и Зорин. У него возникла одна идея… Но все зависело от ответа на один единственный вопрос, который он собирался задать Виктору. Но не успел. Увиденная за поворотом картина заставила его укрыться за деревом – Зорин дрался с неизвестными, в то время как бесчувственного Виктора вытаскивали за ворота. Оценив ситуацию с одного взгляда, он разбежался и перемахнул через забор чуть в стороне – мысленно выругавшись, что одет совсем не для приключений. Но медлить было просто опасно – кому бы не понадобился Виктор, его ни в коем случае не следовало выпускать из поля зрения.

Колючий кустарник больно оцарапал кожу. Он быстро огляделся. Разбитая дорога внушала серьезные сомнения, что тут удастся раздобыть транспорт. Значит, выход был только один. Впереди находился контрольно-пропускной пункт – его миновать машина злоумышленников все равно не может – в другую сторону был только тупик.

Зварыгин бежал. Он не знал, сколько времени у него – знал только, что всегда следует рассчитывать на худшее. Звать на помощь – потерять драгоценные секунды. И большая вероятность, что нарвешься на предателя. Сдал же кто-то Виктора – и, вполне возможно, сейчас прикрывал его похищение. Кто – вопрос второй, предателя он найдет и с ним разберется – сейчас важно другое. Виктор. Если его увезут, а они даже не будут знать куда… Перед глазами встало лицо Химеры – неподвижная маска с абсолютно черными зрачками. Если он хоть немного разобрался в ее характере – она сейчас должна была наблюдать за штурмом здания. Но подозревать это мог не только он. Уж больно удачно было выбрано время для похищения Виктора. Интересно, понимал ли сам Виктор, что для большинства – он всего лишь ценный товар? Скорее всего. Мальчишка был не дурак и с характером. Но это ничего не меняло. Ставки были слишком высоки.

Сколько он бежал – минут пять? Впереди показались стены КПП и он с облегчением перевел дух – и тут же опять побежал, ругая себя за то, что такая простая мысль не пришла ему в голову сразу. Миновала же машина похитителей его как-то в первый раз? Даже если на каком-то этапе они обманули охрану – на выезде вряд ли бы это удалось им повторно. А значит… Едва он заглянул в окно, как понял, что оправдались его худшие подозрения. Тела.

Мертвы эти люди или находятся в бессознательном состоянии – сейчас значения не имело. Следующая мысль возникла при виде телефона – и тут же умерла при виде обрезанного провода. Нападающие позаботились о мелочах. Он прокручивал в голове возможные варианты действий – по сути их оставалось только два – закрыть проезд и принять тут бой – или проследить, куда везут Виктора.

Первый вариант он отмел почти сразу – скорее всего, для Виктора он закончится плачевно. Не говоря о том, что его могут просто убить, если не выйдет похитить. Поэтому он быстро завел машину, стоявшую на стоянке у самого съезда – само собой, ключей у него не было, но такая ерунда его не остановила – и поехал вперед.

По всем его расчетам, похитители должны были сейчас висеть у него на хвосте – дорога отсюда была только одна. Давненько ему не доводилось вести наружное наблюдение. Да к тому же без подстраховки, без электронных систем наблюдения и на чужой, по сути угнанной, машине. Но выбора все равно не было.

Доехав до выезда на трассу, он затормозил и задумался – а потом просто остановил свою машину чуть позади, съехав на обочину. Ожидание оказалось совсем недолгим – не прошло и трех минут, как с того же съезда показалась еще одна машина. То, что это именно те, кого он ждал, не вызывало никаких сомнений – по этой дороге посторонние не ездили. Машина похитителей выехала на трассу и помчалась в сторону города. Зварыгин ехал следом, остро ощущая, от каких случайностей сейчас все зависит. Будь у него телефон, он бы уже давно поднял на ноги своих ребят – но телефон отобрали, едва их привезли сюда. Здесь, на трассе, следить за машиной сложности не представляло – он мог отстать достаточно, чтобы не вызывать подозрений – но он также прекрасно понимал, что стоит въехать в город – и все измениться.

Как ни странно – его опасения не оправдались. Машина не поехала в центр, где могла легко затеряться в потоке движения, а свернула на окраинные улочки. Зварыгин ехал параллельной дорогой, высматривая их на перекрестках – и каждый раз боясь упустить на очередном повороте. Хотя город он знал неплохо и понимал – деться им из этого района особо некуда. Слева тянулся длинный высокий забор лакокрасочного завода, справа протекала небольшая речушка, единственный мост через которую располагался только минут через пятнадцать езды. Но чутье ему подсказывало, что искомое место находится где-то недалеко. Не заметив машины на очередном перекрестке, он свернул и проехал мимо, внимательно осматривая улочку.

Как он и предполагал, машина оказалась укрыта за одним из домов. Вообще, эта улочка производила впечатление не жилой – а у въезда стояла строительная техника. Укрыв машину в одном из заброшенных дворов и убедившись, что с улицы ее не видно, он аккуратно направился к дому, куда привезли Виктора, все время следя за тем, чтобы его не заметили.

Тело прекрасно помнило былые навыки – да и регулярные тренировки давали себя знать. Забравшись на дерево, он принялся наблюдать за домом и почти сразу вычислил местонахождение обоих охранников. Теперь следовало действовать – но прежде, чем он успел хоть что-то предпринять, на улице показалась еще одна машина. Зварыгин замер, надеясь, что его не заметят. Впрочем, охране не пришло в голову осматривать деревья. Да и не ожидали они нападения. А вот человек, вылезший из машины и вошедший в дом, заинтересовал его чрезвычайно. Каким боком во все это дело был завязан Орловский? Впрочем, ответ мог быть только один – и поэтому медлить не стоило.

Первый охранник, услышавший легкое шуршание в кустах и отправившийся глянуть, в чем дело, даже не понял, что с ним произошло. А Зварыгин, разжившийся ножом и пистолетом, направился к дому. Нож тоже оказался как нельзя более кстати – второй охранник, неожиданно вышедший из-за поворота, не успел даже вскрикнуть. С перерезанным горлом вообще кричать достаточно сложно – Иван мрачно ухмыльнулся своей собственной шутке, обыскал упавшего охранника и оттащил в сторону тело, после чего, бесшумно ступая, направился по коридору, выискивая, где же может находиться Виктор.

Его внимание привлекли негромкие голоса. Тихо заглянув в полуоткрытую дверь, он одним взглядом охватил открывшуюся картину и тут же отступил. Орловский допрашивал Виктора, охрана скучала, явно жалея, что нет случая поразвлечься с беспомощным пленником. “Будет вам веселье,” – Зварыгин зло усмехнулся, после чего проверил патроны в обоих пистолетах, не переставая прислушиваться к разговору и готовый в любой момент вмешаться. Когда глава холдинга отдал приказ об уничтожении Виктора, Зварыгин понял, что лучше момента и не представиться. Орловский тут, с минимумом охраны и те явно не ждут нападения. Вот и время расплатиться за все – не стоило ему похищать Виктора, а уж тем более, светится здесь самолично.

Едва Орловский с охраной вышли из подвала и направились к двери, Зварыгин бесшумно двинулся следом. Едва они повернули к выходу, как он выглянул из-за угла и выстрелил.

Ни один не успел отреагировать. Четыре выстрела слились в

один – а на пороге лежало четыре трупа. Не теряя времени, Иван заглянул в подвал – оставшийся охранник выстрелов не слышал и ждал, пока пройдет время, которое ему приказали выждать. Едва он потянулся за пистолетом, Зварыгин выстрелил.

Виктор сидел у стены, со скованными руками, а его лицо по цвету могло соперничать с листом бумаги. Слегка встряхнув парня, он принялся расстегивать наручники. Выражение, застывшее сейчас в глазах Виктора он прекрасно знал – так смотрят люди, когда смерть накрывает их своей тенью. Немногие могут достойно пережить такую ситуацию – он прекрасно знал, как ломает человека страх. Так что парень держался еще очень и очень неплохо. И когда его скрючило, он на несколько мгновений увидел себя на его месте – даже сейчас, спустя много лет, он не мог забыть подробности. Помнил он и свою уверенность – я сейчас умру… И пережитый тогда страх. Поэтому он подождал, пока Виктор придет в себя и невольно повторил слова, которые были когда-то сказаны ему самому… Очень и очень давно.

Заводя машину, Зварыгин обдумывал план дальнейших действий. Сейчас следовало вернуться на базу… Узнать результаты штурма… Вычислить предателя. Дел хватало с лихвой. Лесков сидел молча и от вопросов воздерживался, что позволяло сосредоточится на управлении и своих собственных мыслях. Нет, на базу Виктора везти было пока нельзя – сначала следовало найти стукача.

– Думаю, тебя стоит укрыть на некоторое время, – он искоса глянул на Виктора, – слишком многих ты интересуешь. Есть у меня одно местечко. Думаю, вполне подойдет, чтоб дух перевести.

Виктор кивнул. Сейчас он смотрел куда угодно, только не на него. Остановив машину на очередной неприметной улочке, Зварыгин вышел, бросив через плечо:

– Дальше пешком.

Идти было совсем недалеко. Спустя десять минут они вошли в подъезд неприметной пятиэтажки, поднялись на второй этаж и вошли в квартиру. Поймав недоуменный взгляд Виктора, Зварыгин терпеливо объяснил:

– Эта квартира принадлежит мне, но я тут не живу. Убежище на крайний случай.

Он усмехнулся, окидывая взглядом помещение и вполне понимая удивление Виктора – три абсолютно пустые комнаты с голыми стенами, в последней, явно служившей когда-то кухней – холодильник, диван и стол с компьютером. Включив компьютер, он отправил краткое сообщение, не сомневаясь, что ждать придется недолго. И оказался прав – едва он встал со стула, и

обернулся, как встретился взглядом с той, кому и было адресовано письмо. Перед ним стояла Химера.

* * *

Столица, 26 августа. Химера.

Едва окончился штурм, как я принялась искать Виктора. То, что его телефон оказался вне зоны доступа, насторожило меня сразу. Но то, что я узнала спустя несколько мгновений, вогнало в ступор – кто-то воспользовался тем, что мое внимание было отвлеченно на штурм, и похитил его. Что-то в очередной раз сдвинулось в моей психике. И я еще пыталась защитить их! Словно оборвалась еще одна нить, связывающая меня с людьми – теперь я была уверенна, что больше не буду рисковать ради других. Для меня был важен только Виктор. Все остальные меня больше не волновали. Тот омут равнодушия, которого я когда-то опасалась, теперь выглядел почти привлекательным. Как ни странно, меня теперь гораздо меньше волновал Феникс. Я помнила о нем, но теперь я понимала его лучше. Просто у каждого из нас была своя привязанность – у меня Виктор, у него – наука. Если бы не его желание меня подчинить – возможно, мы бы и могли найти общий язык. Но сейчас следовало приложить все усилия, чтобы найти Вика. И отомстить – я больше никому не позволю использовать меня или его. Решение созрело мгновенно – слишком долго я позволяла собой манипулировать.

На мгновение я словно увидела себя со стороны – и мне стало страшно. Я действительно становилась монстром. Разве не этого я всегда боялась? Разве не это больше всего пугало меня в Фениксе? Я вспомнила Екатерину Дымову, и поняла – несмотря на то, что я стала другой, мне не хочется полностью рвать ту нить, что связывала меня с прошлым. Где-то в глубине души все-таки еще оставался кусочек меня прежней. Маленькая частичка Тиль.

Не знаю, куда бы это меня завело, если бы не пришедшее письмо – Зварыгин кратко сообщал, что с Виктором все в порядке, и они пока скрываются. Не давая себе времени на раздумья, я вышла из потока в той точке, откуда пришло сообщение. Меня ждали. Комната, где я очутилась, выглядела странно. Мгновения мне хватило, чтобы охватить взглядом голые стены и пол, пыль, а также минимальное количество мебели. Виктор задумчиво рассматривал потолок и на мое появление почти не отреагировал. Это полностью равнодушное отношение ко мне внезапно больно резануло по сердцу. Совершенно хладнокровно я погасила свой первый порыв броситься к нему и осталась на месте. Сейчас надо было разобраться в произошедшем. Я поймала на себе взгляд Зварыгина и насторожилась – мне не понравилось, как он меня

рассматривал. Словно видел что-то скрытое для других – даже взгляд Виктора никогда не был наполнен такой проницательностью. Я пыталась понять, почему меня так раздражает этот взгляд и не могла – возможно, потому, что даже моя маска не служила от него защитой. Словно меня видели насквозь – и мне это совсем не нравилось.

– Что произошло? – я заставила себя сосредоточиться.

Рассказывал Зварыгин, а я внимательно слушала, чувствуя, как постепенно разгорается желание отомстить. Меня охватывало пламя, но не горячее, а ледяное, замораживающее чувства и превращающее меня в нечто иное. Мысль о том, что Виктор мог погибнуть и то, сколь незначительной была ниточка, удержавшая его от гибели, сводило с ума. И мои дельнейшие действия были заранее предрешены.

– Предателя надо найти и уничтожить. – Едва я произнесла эти слова, как снова встретилась взглядом с начальником службы безопасности – и к некоторому своему удивлению, прочла в выражении его лица полное понимание и поддержку.

– Да. И как можно скорее. Но и Виктора нельзя оставлять без охраны.

Это соображение заставило меня остановиться. Хотя желание мести сводило с ума – Виктор был важнее. Я заколебалась – и Зварыгин это заметил.

– Мы не можем полагаться в этом деле на чужих. Но про эту квартиру никто не знает – так что тут достаточно безопасно можно пересидеть, пока я буду вести расследование.

Я кивнула, соглашаясь. Это было действительно неплохим вариантом.

– Лучше всего, если ты будешь страховать нас обоих. – Его взгляд стал выжидающим, а я попыталась понять, почему с такой четкостью реагирую на его эмоции – даже на те, которые он пытается скрыть.

– Хорошо. – Я кивнула и приготовилась перейти в мир потоков. Зварыгин был прав – оттуда, не привязанная к месту, я могла гораздо больше – в том числе и присматривать за ними обоими, вмешавшись в случае крайней необходимости, и искать нужную информацию. Но Виктор внезапно поднялся, сбросив с себя апатию, и взглянул мне в глаза со странной решимостью.

– Я тоже поеду. Не собираюсь тут отсиживаться.

– Нет! – Наши восклицания со Зварыгиным прозвучали одновременно, перекрывая друг друга. Виктор вздрогнул и посмотрел с вызовом, переводя взгляд между нами. В его взгляде появилось что-то новое – что-то чужое. Я не могла понять, что именно, но его решимость осталась прежней.

– Я все равно пойду. Неужели вы не понимаете, что делаете со мной тоже самое, что и они? Не позволяете решать самому… Сводите до уровня ценного товара… – В его голосе прозвучала горечь, а до меня внезапно дошло, что он чувствовал.

– Нет уж. Не собираюсь быть марионеткой! – Я замерла, не зная, на что решиться – но он молча направился к двери, обогнув меня, и демонстрируя всем своим видом, что остановить его можно, только связав. Зварыгин пожал плечами и направился следом, а я закрыла глаза и позволила миру потоков унести себя.

Потоки… Яркие, дающие силу и информацию, мир, который стал для меня родным. Мир, давший мне свободу и неуязвимость – теперь я ценила это. Реальный мир интересовал меня теперь намного меньше – да разве мог он сравниться с великолепием течений энергий? Едва эта мысль пришла в голову, как я вспомнила лучи солнца на лице, ветер и капли дождя, встревоженное лицо Виктора… Нет, реальность была мне пока важна не меньше. Я могла считать себя счастливой – мне принадлежали оба мира.

Я зависла в потоке, наблюдая за Зварыгиным и Виктором, и одновременно просматривая базу данных военной базы, ища хоть какую-то зацепку – меня интересовал тот, то участвовал в похищении Виктора. Но там было чисто. Тогда я перетрясла всю информацию, которую смогла собрать об Орловском. Я не сомневалась, что хоть что-то, но я обязательно найду, и очень скоро была вознаграждена – доказательства действительно нашлись. С трудом удержавшись, чтоб не прибить мерзавца на месте, я решила все же перепроверить. И посоветоваться. Я принялась обдумывать свои дальнейшие действия, когда почувствовала легкое беспокойство – что-то было не так. Я не могла понять, что происходит, а беспокойство нарастало.

Что-то случилось с самим миром потоков…

* * *

Столица, частный санаторий, 26 августа. Марк.

Марка бесила вся эта ситуация – ему вообще не сильно нравилось чувствовать себя беспомощным. Сейчас следовало правильно расставить акценты. Теперь, когда неизвестно что случилось с Царевым, именно он, по сути, становился главой Компании. Конечно, оставался еще Зварыгин… Но того сейчас почти ничего не интересовало – только удастся ли спасти Генерального… А это значило – его шансы занять главную роль росли. Омский, спасибо Химере, больше не сможет вмешиваться – так что никто не сможет ему помешать. Почти никто.

Идеальным вариантом был бы провал планируемой операции и гибель Зварыгина. Марк знал, что он хотел идти на штурм

вместе со спецназом – но ему отказали. Некоторое время он раздумывал, не поддержать ли данную просьбу, надавив на некоторые пружины – но все же с сожалением отказался от этой идеи. Слишком опасно привлекать сейчас к себе лишнее внимание – да и нет гарантии, что все пройдет так, как ему хочется. Зварыгин был умен и осторожен. Если он хоть на секунду заподозрит, какие планы бродят у него в голове – убьет его без долгих раздумий. А такой исход Марка совсем не устраивал.

На собрании акционеров он потребует особых полномочий. И получит их – если в живых не будет ни Царева, ни Зварыгина. Марк обдумывал эту мысль. Но обоих придется устранить чужими руками – Зварыгин был слишком опасен. Он мысленно перебирал в голове, что тут можно сделать – он долго и предано служил Компании – но сейчас он мог одним махом достигнуть цели, о которой раньше не мог даже мечтать.

Рассмотрел он и вариант, при котором можно воздержаться от ликвидации начальника безопасности. Если Царева не будет в живых… Но нет – он все равно не позволит ему занять пост Генерального директора. Значит все упиралось в то – живой Зварыгин или наоборот. К сожалению, единственный человек, на которого он мог положиться при решении такого вопроса – человек, о его связи с которым никто даже не подозревал – этот человек находился в бессознательном состоянии в бункере Феникса… Если еще был жив.

То, что заместитель Зварыгина, Чижов, работает на него – не знал никто. Они оба соблюдали все возможные меры предосторожности. Как и он, Чижов был честолюбив и мечтал занять место своего начальника, но ему тоже хватало ума скрывать свое честолюбие и выжидать. Нет, такая ситуация не должна пропасть даром…

Марк знал, что сейчас помочь ему мог только один человек – хотя вопрос о том, что он потребует взамен оказанной услуги, заставлял медлить. Марк прекрасно понимал, кто особенно заинтересован в Компании – и на кого работал Омский. И понимал, что его контакт с этим человеком ни в коем случае не должны засечь. Он знал только одного человека тут, на базе, чей телефон на сто процентов не прослушивался – и этим следовало воспользоваться. Весь вопрос в том, что незаметно одолжить на время телефон начальника базы не представлялось возможным. Но Марк прекрасно вышел из этого положения, пригласив его для начала прогуляться по парку – с целью обсудить некоторые щекотливые вопросы. После нескольких предположений о дальнейших действиях Химеры и Феникса, он изложил свою просьбу – ему нужно было связаться с определенным человеком –

он назвал весьма известную фамилию, принадлежавшую одному из акционеров Компании – и обсудить с ним несколько важных вопросов, имеющих непосредственное отношение к исполняемым им обязанностям. Но если этот человек узнает о том, что его разговор прослушивают – это будет иметь вполне понятные неприятные последствия. Начальник базы заколебался, и Марк понял, что выиграл – пообещав содействие со своей стороны в дальнейшем, он получил столь желанный сейчас телефон.

Разумеется, он подстраховался – позвонил указанному человеку, и, обсудив с ним несколько действительно важных вопросов, набрал номер главного противника Компании – Василия Ивановича Орловского.

Ему пришлось дать несколько весьма неприятных обещаний – и он знал, что выполнит их, возглавив Компанию – в частности, передаст холдингу Орловского те патенты, что он затребовал. А взамен ему пообещали ликвидировать Зварыгина и в дальнейшем оказывать всяческую помощь и поддержку. Но Орловский потребовал гарантий – от Омского он знал о существовании Химеры и Викторе. И именно Виктора он хотел заполучить. На резонное возражение Марка о том, что это может быть опасно, он хладнокровно возразил, что Виктор не проживет столь долго, чтоб успеть доставить неприятности – важно было его допросить – причем так, чтоб не успела вмешаться Химера.

Марк немного подумал и предложил, как казалось ему, идеальное решение вопроса – вскоре начнется штурм здания Компании силами спецназа, и Химера наверняка будет наблюдать за этим. Он сообщил координаты базы и все, что знал о системе охраны. Правда, на подготовку операции оставалось мало времени – но Марк совершенно справедливо решил, что это не его проблема. Отключившись и стерев информацию о последнем звонке, он вернулся к начальнику базы и с благодарностью вернул ему телефон.

Идя по коридору, он раздумывал, не допустил ли ошибки. Но нет – все было проделано безупречно. Он сделал свой выбор – теперь оставалось только ждать, к чему это приведет.

Когда спустя час Зорин ворвался в конференц-зал, где он спокойно беседовал с несколькими военными чинами о том, какие еще меры стоит принять для дезинформации журналистов и общественности, и прокричал о похищении Виктора, и о том, что ему удалось оглушить нескольких нападающих, Марк впервые ощутил что-то вроде легкого беспокойства. То, что это люди Орловского наверняка вычислят и сразу возникнет вопрос – откуда тот узнал, где находится Виктор. Но пока все обходилось – поднялась суматоха, что было ему на руку. Ситуация

стабилизировалась только спустя минут двадцать – когда бразды правления взял появившийся откуда-то Белугин.

Его должность оставалась для Марка тайной за семью печатями, но, судя по тому, как его слушались – чин у него был явно не малый. И указания он давал ясные и краткие – мгновенно вникая в суть дела. Под его руководством картина нападения нарисовалась мгновенно и четко.

Нападавшие подъехали на двух машинах и просто расстреляли всех, кто находился на КПП. Потом направились к запасным воротам, вскрыли их и проникли в парк. То, что Виктор и Зорин вышли прогуляться, по-видимому, явилось для них подарком судьбы – они намеревались штурмовать здание. Причем они знали и план здания, и где находится, комната Виктора, и многое другое. И им был нужен именно он. Но откуда сведения – не знал никто. Когда результаты допроса задержанных озвучили во временном командном пункте, поднялся тихий гул – большинству сразу стало понятно, что это означает, но Белугин остался невозмутим, и только продолжил давать указания, явно направленные на то, чтобы подобное больше не могло повториться в принципе. Как ни странно, разрешил он присутствовать при всем происходящем и Зорину – по каким-то, только ему известным причинам.

Несмотря на все произведенное расследование Марк оставался спокойным. Только когда Белугину позвонили, и он предложил ему и еще двум, незнакомым ему людям, спуститься вниз, к воротам – это вызвало некоторое недоумение. Но когда он, стоя с сопровождающими у ворот, увидел, как из подъехавшей машины вылезает Зварыгин, а за ним – целый и невредимый Виктор – в глазах у него потемнело. Если хоть кто-то заподозрит, что он причастен к произошедшему… Нет, это просто невозможно…

Зварыгин окинул их всех довольно поверхностным взглядом, пожал руку Белугину и произнес сквозь зубы:

– Когда я узнаю, какая гнида это затеяла, она пожалеет, что вообще родилась.

И от тона, которым это было сказано, Марка прошибла холодная дрожь…

* * *

Столица, частный санаторий, 26 августа. Виктор.

Виктор злился – причем прекрасно понимал, что злиться просто глупо – но поделать с собой ничего не мог. На этот раз идти пешком им не пришлось – прямо возле дома находился гараж, в котором стояла неприметная машина. Усевшись рядом со Зварыгиным, он принялся мрачно смотреть в окно, почти не

замечая окружающего и сосредоточившись на своих собственных эмоциях.

Он привык анализировать свои чувства – и докопаться до причин своего плохого настроения ему не составило труда. Его злило то внезапное взаимопонимание, которое возникло между Тиль и Зварыгиным, и то совершенно одинаковое слово “Нет!”, вырвавшееся у них одновременно, и те взгляды, которыми они обменивались. Злила его и двойственность теперешнего положения, и то, что из фигуры он превратился в разменную пешку, с которой можно не считаться и просто снять с доски. Нет, он собирался снова вступить в игру – так или иначе. Если один план приказал долго жить – следовало всего лишь составить новый.

Единственное, что его немного успокоило – это то, что спорить дальше с ним они не стали – должно быть до обоих дошло, что он чувствовал.

Путь до базы занял менее получаса. То, что творилось на КПП к тому моменту, как они подъехали, производило сильное впечатление – особенно оцепление из бойцов с автоматами. Зварыгин потребовал телефон, и после коротких переговоров их пропустили внутрь.

У ворот их уже встречали. Марк и несколько незнакомых ему лиц. Один сразу привлек его внимание – молодой, уверенный в себе, с холодными глазами и каким-то волчьим выражением лица. Он пожал руку Зварыгину, и они обменялись коротким приветствием – даже постороннему наблюдателю было видно, что эти двое хорошо знакомы. В ответ на реплику Зварыгина, он кивнул:

– Найти предателя надо срочно. Мы даже не представляем, информация какого уровня сейчас утекает. Но не будем обсуждать это здесь.

Он перевел взгляд на Виктора и протянул ему руку:

– Александр Белугин.

Виктор пожал протянутую руку и представился так же коротко:

– Виктор Лесков.

Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж, и Виктор вошел в помещение, где до сих пор еще не был. Скромная табличка на двери гласила – конференц-зал – но у двери стояла охрана, и он испытал легкое удивление, что его пропустили вместе со всеми. Первым, кто кинулся к нему с радостными приветствиями, оказался Зорин. От столь теплой встречи он почувствовал странную грусть – мало, кто столь искренне радовался его присутствию. По сути – Виктор поморщился –

никто и никогда не проявлял столь открыто радость по поводу его появления. Отойдя с Зориным в сторону, и, пообещав рассказать о себе чуть позже, попытался разузнать, что же тут творилось.

Оказалось, что нападавшие журналиста явно недооценили – он сумел вырубить всех троих. Но драгоценное время было упущено – Виктора уже утащили. Пока он добежал до базы, пока поднял тревогу – похитители успели скрыться. После чего обнаружили трупы на КПП и отсутствие Зварыгина

Суматоха продолжалась, пока не появился Белугин и не взял ситуацию под контроль. Зорин не знал, какую должность он занимал, но, судя по тому, как беспрекословно его слушались остальные, немалую. Расследование продолжалось, его самого допросили и попросили пока никуда не уходить, сам Белугин вел краткие переговоры по телефону. Достаточно быстро удалось установить личности напавших на него и то, на кого они работали. После чего был организован поиск и подготовлены группы захвата.

Виктор, слушая Зорина, не забывал и прислушиваться к разговору, который вели Зварыгин с Белугиным, стоявшие чуть дальше. Пока обсуждались принятые меры безопасности по военной базе, он слушал довольно равнодушно. Но последняя долетевшая фраза мгновенно привлекла его внимание.

– Я говорил с Грачевым – то, что Царева и остальных удалось вытащить живыми – большой плюс. Сейчас он в санатории, и врачи говорят, что, хотя лечение будет долгим, он полностью выздоровеет. Но во всем остальном – полный провал. Если бы не ее вмешательство – я не думаю, что хоть кому-то удалось бы уйти живым. Грустно признавать, но этот противник нам не по зубам.

Виктор насторожился – судя по всему, речь шла о прошедшем штурме. А он даже не успел расспросить Тиль… Слишком много свалилось на него – но разве это оправдание? И вот теперь он вынужден довольствоваться информацией из вторых рук – а мог бы знать наверняка.

Зорин тоже замолчал и начал прислушиваться – и глаза его загорелись. Виктор подумал, каково для журналиста оказаться в сосредоточении всевозможных сенсаций, с постоянным доступом к сверхсекретной информации – и без малейшей возможности опубликовать услышанное – и ощутил невольное уважение к тому, как спокойно Зорин реагировал на свое заточение.

– Проверка, разумеется, необходима. Я даю добро на все твои наработки. Предателя необходимо вычислить. Да, приказано не выжидать сутки, а взорвать бомбу немедленно.

– Бомбу? – Виктор не удержался от невольного восклицания и подошел ближе к беседующим.

– Да. – Белугин посмотрел ему прямо в глаза. – Отряд установил бомбу в подвале здания. Достаточной мощи, чтоб его уничтожить.

– Но… Если здание рухнет…

– Ближайшие дома эвакуированы, судя по расчетам, здание должно упасть на бок. Неизвестно, что случится при этом с Завесой – но Феникс взрыва такой мощности не выдержит. У нас нет другого выхода. – Он бросил взгляд на часы. – Если есть желание, можете наблюдать за происходящим. Взрыв назначен через 20 минут.

– А я? – Зорин тоже подключился к разговору – очевидно, он действовал по принципу – увидеть и узнать как можно больше интересного – а там как карта ляжет. Белугин немного подумал и отрицательно покачал головой.

– Не стоит. Не из диспетчерской. Хотя если есть желание – я прикажу чтоб сюда транслировали картинку, – он кивнул на экран под потолком конференц-зала.

– Буду благодарен. – Если Зорин и испытывал недовольство, то хорошо это скрывал.

– Я тоже предпочту наблюдать отсюда. – Марк устроился в удобном кресле. Белугин окинул их взглядом, кивнул и вышел.

Виктор последовал за ним и Зварыгиным – раз уж он получил разрешение присутствовать, этим следовало воспользоваться на всю катушку. Его немного удивило, что Марк не последовал с ними. По дороге он прикидывал, что может случиться с Фениксом при взрыве здания – но разум пасовал. Внезапно его остановила простая мысль – где Тиль? Почему она до сих пор не проявила себя? Он был почти уверен, что, услышав про взрыв здания, она вмешается. Старательно подавляя беспокойство, он постарался отогнать мрачные предчувствия. Самым правильным сейчас было выжидать. Но все происходящее было… Он попытался побрать слово. Странным. Почему пригласили его и не разрешили пойти Зорину? Что-то было не так…

Глава 18.

Столица, частный санаторий, 26 августа. Зварыгин.

Зварыгин не сомневался, что добьется своего. Впрочем, то, что курировать это дело отрядили Белугина, оказалось приятной неожиданностью. Они знали друг друга много лет. Регулярно сотрудничали и всегда прекрасно находили общий язык. Данные он получит, шпиона вычислит. Почему же так скверно на душе?

Спускаясь по ступенькам вниз, вслед за Белугиным и Лесковым, он пытался понять, что же его гнетет. Ответ оказался на удивление простым – ему не хотелось видеть, как будет уничтожено здание Компании. Глупые сантименты. Компания вполне способна выстроить новое. Но где-то в глубине души никак не гасла крохотная искорка сожаления.

При входе на подвальный этаж стояла охрана, у входа в диспетчерскую – тоже. Но вопросов им не задали и остановить не пытались – видимо то, что они шли вместе с Белугиным, гарантировало свободный проход и определенную степень доверия. Сама диспетчерская ему не понравилась – большой экран на полстены, в котором сейчас прекрасно было видно обреченное здание, сложный пульт со множеством кнопок, за которым сидел человек, несколько экранов поменьше… У Виктора явно разбежались глаза, а Зварыгин вдруг задумался – зачем Белугин взял парня с собой. Ответ мог быть только один – он думал, что Химера окажется тут. Но зачем ему это?

– Начинайте. – Белугин внимательно наблюдал за экраном. – Да, и включите трансляцию в конференц-зал.

Зварыгин прикинул местоположение камеры – похоже, на крыше какого-то дома, чтоб дать максимальный обзор. Хотя полупрозрачный радужный кокон Завесы наверняка виден с любой точки города. Сейчас, когда стемнело, он светился – и это неяркое марево действовало на нервы – слишком много неприятных сюрпризов было им преподнесено.

Техник нажимал кнопки на пульте управления, а они ждали. Напряжение нарастало.

– Сигнал не проходит. Завеса не пропускает. – Техник поднял голову от пульта.

– Тогда переходим ко второй части. – Белугин кинул быстрый взгляд на Виктора, и от Зварыгина это не укрылось. Он сразу насторожился – больше всего он не любил, когда его пытались использовать в темную. А трогать Виктора вообще было опасно – в последнюю встречу с Химерой он понял, что она такого больше не потерпит. Как ни странно – но он читал малейшие нюансы ее

голоса, как открытую книгу. Выражение глаз, прерывистость движений – она изменялась все больше, и он это чувствовал. Все дальше уходила от Екатерины Дымовой к… чему?

Экран переключился – теперь съемка велась откуда-то вблизи здания – и четко виднелось оцепление, стоящая машина спецназа и пролом в Завесе. Из машины вышел человек в камуфляжной форме, обменялся несколькими словами с сидящими внутри и побежал к Завесе – и тут до Зварыгина дошло, чего они ждали и почему позволили присутствовать Виктору… И одновременно понял, что они ошибаются.

– Останови его! – Он развернул к себе Белугина. – Быстрее!

– Нет. Нам нужно…

– Идиоты! – Время уходило, и он понял, что опоздал. – Вы просто послали его на верную смерть!

– Но ведь… – Боец пересек границу Завесы и тут же упал, взмахнув руками, подобно тряпичной кукле. В голосе техника прозвучала растерянность. – Но ведь Панч-генератор должен был нейтрализовать на время любое воздействие…

Виктор выглядел растерянным, а Зварыгин ощутил поднимающуюся злость.

– Просчитался? – он смотрел только на Белугина. – И когда думал, что второй раз все пройдет по накатанной дорожке, забывая о том – что это существо – тоже учится… И когда думал, что она вмешается.

– Почему не прошел сигнал? – Белугин остался равнодушным. – Попробуйте активировать передатчик.

Техник щелкал кнопками, затем покачал головой:

– Бесполезно. Сигнал блокируется.

Белугин посмотрел на экран и негромко произнес, словно беседуя сам с собой:

– Все равно завтра сработает таймер. И со всем этим будет покончено. Но почему она не вмешалась?

До Виктора тоже, похоже, дошло, что его просто использовали, чтоб поставить в известность о происходящем Химеру – его лицо медленно принимало каменное выражение, а в глазах разгоралась злость.

– Почему бы вам не спросить ее саму? – медленно потянул он, а затем резко сказал, обращаясь в пространство. – Объясни им.

Зварыгин был уверен, что она появится – такая уверенность прозвучала в голосе Виктора – но мгновения тянулись, а ничего не происходило. Лицо Виктора приняло растерянное выражение, Белугина – скептическое, а сам он ощутил сильное беспокойство – она просто должна была появиться. Уж настолько-то он ее

понимал. Чтобы она не ответила на зов Виктора… Одновременно зрела уверенность – что-то произошло.

– Выйдем. – Белугин вывел их в коридор, плотно закрыл двери и спокойно произнес:

– Я не знаю, что происходит, но и вы, по-видимому, не знаете. Нам надо действовать осторожно, – его взгляд стал многозначительным, – слишком высока цена ошибки…

Шедший по коридору Вадим остановился возле них, явно погруженный в какие-то свои размышления. Белугин недовольно покосился на него, но все же продолжил:

– Химера непредсказуема… Точно так же, как и Феникс…

Услышав последнее слово, Вадим встрепенулся и произнес с интонацией человека, решившего чрезвычайно сложную проблему:

– Он больше не доставит проблем. Ни он, ни Химера.

Зварыгин ощутил, как словно острая игла вонзилась в сердце – он достаточно хорошо знал Вадима, и понимал – тот полностью уверен в том, что говорит. Виктор слушал с напряженным вниманием, боясь пропустить хоть слово.

– Ты сейчас о чем? – Он заставил себя говорить невозмутимо – важно было узнать, что все же произошло.

– Я создал вирус, который убьет их обоих. И очень скоро.

– Что? – Это было невыносимо. – Где он? Где?!

– В Интернете! Я только что активировал его!

Он встретился взглядом с расширенными глазами потрясенного Виктора, и ощутил сжимающий сердце леденящий страх. Стена, которой он так долго отгораживался от мира, рухнула, оставив его совершенно беззащитным перед нахлынувшими эмоциями. И одновременно, с оглушающей безнадежностью до него дошло – поздно. Уже ничего не изменишь. Слишком поздно…

* * *

Столица, частный санаторий, 26 августа. Вадим.

Вадим скучал. Сам он никогда не согласился бы с утверждением, что самые большие глупости и самые гениальные открытия люди совершают как раз от скуки. Но в то же время был живым подтверждением этой гипотезы.

После того самого разговора, когда Виктор ушел, хлопнув дверью, а Зварыгин смотрел на него и Марка, как на двух идиотов, он вернулся в свою комнату и в течении часа просто тупо пялился в потолок. После чего вышел и устроил грандиозный скандал, требуя себе хоть какой-то компьютер и угрожая в случае отказа немыслимыми бедами, самой малой из которых были его немедленная кончина, поскольку жить без

компьютера он не может.

Скандал вышел грандиозный, а к пленникам было приказано проявлять внимание и заботу, поэтому компьютер он получил. Испытывая совершенно незамутненную радость от того, что снова может хоть что-то делать, Вадим запустил машину.

По-видимому, хотя военные и имели их досье – все-таки слабо представляли, с кем имеют дело. Разумеется, полученный компьютер имел кучу ограничений и запрет на выход в интернет – но Вадима это ничуть не смутило. Первым делом он вскрыл защищенную тремя паролями внутреннюю сеть базы, внимательно изучил расположение камер наблюдения, после чего вооружился столовым ножом, вилкой, и, встав на стул и слегка насвистывая, хладнокровно выковырял из стены единственную камеру в своей комнате. Звуковые жучки его ни мало не волновали, поэтому их он не тронул. Слегка задумавшись, он сообразил, что рано или поздно отсутствие работающей камеры будет обнаружено – и благополучно устранил эту проблему, найдя среди хранящихся записей то место, где он лежал, тупо глядя в потолок и поставил десятисекундный ролик на циклическое воспроизведение, после чего с азартом принялся исследовать чужую систему.

Спустя еще полчаса он открыл себе доступ в интернет, взломал базу данных секретного объекта, получил доступ к личным делам всех сотрудников, а также к хранилищу сверхсекретной информации, от души порылся в записях, не ища ничего особенного – так, из чистого любопытства. После чего еще полчаса тщательно уничтожал все следы своего вторжения, что и благополучно завершил. Скука не проходила. Он просмотрел новости, отметив, что показывают сплошную чушь, потом нашел свои заметки, которые касались компьютеров, попавших под воздействие Феникса, и с головой погрузился в работу. Вот это было по-настоящему интересно. До сих пор у него не было свободного времени, чтобы немного посидеть и пораскинуть мозгами. А сейчас он никому не был нужен, что с одной стороны радовало, а с другой – раздражало.

Еще спустя несколько часов он обратил внимание на одну закономерность. Она была неявной, но все-таки… Задумавшись уже всерьез, он поднял все материалы, которые сохранились по Фениксу и Химере. Зварыгин бы убил его на месте, если бы знал, сколько всего любопытного хранится в его почтовом ящике. И ведь не докажешь ему, что он не идиот и надежно защитил и себя и Компанию. Кроме того, что все надежно зашифровано, любые попытки вскрыть его данные не принесут злоумышленникам ничего, кроме кучи проблем. Может, он и мало разбирался в

происходящем в Компании, политике и всем остальном… Но в отношении компьютеров он был очень и очень хорошим специалистом.

Закономерность несомненно существовала. Вадим еще раз сверил все свои расчеты и задумался. Он понимал, что существование и Феникса, и Химеры ставит под угрозу Компанию. Да, они сами создали этих монстров… И теперь должны приложить все усилия, чтобы их уничтожить.

То, что ему повезло найти их ахиллесову пяту, было чистым везением. Задача стояла сложная, но вполне ему по плечу. Всего лишь сконструировать вирус с определенными параметрами. Вадим погрузился в работу, не замечая времени, полностью отключившись от реального мира. Закончив, он с глубоким удовлетворением осмотрел полученный результат – и нажал кнопку активировать. Если он все рассчитал правильно – а он был в этом уверен – и Химере и Фениксу оставалось жить совсем недолго. Таким образом, все скоро войдет в норму.

Вспомнив, наконец, что он давно не ел, он вышел и направился по коридору, отметив, что за окном давно темно. Сколько же он просидел за работой? Впрочем, неважно. У выхода из коридора он натолкнулся на начальника службы безопасности, разговаривающего с кем-то из военных и наблюдающего за разговором Виктора. Следовало поставить в известность о принятых мерах. Он стал ожидать конца разговора, думая о своем, и очнулся только когда прозвучало имя Феникс.

– Он больше не доставит проблем. – Вадим был вполне доволен собой. – Ни он, ни Химера.

– Ты сейчас о чем? – В голосе Зварыгина прозвучало странное напряжение, что вызвало легкое удивление – обычно тот оставался совершенно невозмутим.

– Я создал вирус, который убьет их обоих. И очень скоро.

– Что? – Вадим в легкой панике смотрел, как побледнело лицо Зварыгина и исказились черты его лица. – Где он?

Напуганный чужой реакцией Вадим отступил подальше, но его схватили за воротник и безжалостно встряхнули:

– Где вирус?!

– В Интернете! Я только что активировал его!

Держащие его руки разжались, и он замер, не понимая, что происходит. Лицо Зварыгина превратилось в совершенно безжизненную маску, и он уставился куда-то мимо него.

– Что в конце концов происходит?!

– Ничего. – Голос Зварыгина стал совершенно безжизненным, под стать лицу. – В любом случае, уже поздно. – Он развернулся и медленно направился к выходу, игнорируя направленные на него

взгляды.

Вадим перевел взгляд на сжимающего кулаки Виктора, поймал его ненавидящий взгляд и отступил к стене.

– Вы спятили… – медленно произнес он. – Просто спятили… Забыли с кем имеете дело?! Они не люди! Они…

Договорить он не успел – на него бросился Виктор, в глазах которого читалась явная жажда убийства, но Белугин легко пресек эту попытку, оторвав и отшвырнув обезумевшего Виктора подальше от Вадима. Единственный из всех, он сохранял спокойствие.

– Надо подождать. Вадим, ты поступил совершенно правильно. Но не будем спешить с выводами. Мы должны знать наверняка.

С трудом переводя дыхание после хватки чужих рук на своем горле, Вадим испытал настоящую злость – и это вместо благодарности за избавление от такой опасности. Идиоты. От кого-кого – а от Зварыгина он такого не ожидал. Впрочем, от Виктора тоже. Чтобы немного прийти в себя, он еще раз прокрутил в голове модель созданного вируса и успокоился – нет, его работа была безупречной. Ни Феникс, ни Химера не смогут ничего сделать – каждый из них был слишком зациклен на своей области. Но один из них не мог… Виктор замер, ругая себя последними словами – как он мог не подумать о такой возможности раньше? Но нет – этого никогда не произойдет. Но… Его грыз червяк сомнения. Никто из них действительно не мог противостоять созданному вирусу в одиночку. Вопрос был в том, что они смогут это сделать, если объединяться. Тогда их каналы связи перекроют достаточно широкий спектр и они… Нет, они никогда не будут действовать вместе…Он пытался успокоить себя, чувствуя волну холодного ужаса и вспоминая, что говорил Зварыгин – если Феникс и Химера объединятся… И он сам не оставил им другого выхода…Неужели он создал нового демона, гораздо более опасного? Неужели он ничем не лучше Панского и Лавирина? Он постарался успокоиться – но ему не удавалось. Взгляд Виктора по-прежнему не отрывался от него, а на лице не было ни кровинки.

На плечо легла рука Белугина:

– Пойдем. Нам надо поговорить.

* * *

Где-то в сети, 26 августа. Химера.

Что-то случилось с миром потоков – течения замедлялись и становились более густыми. Краски словно выцветали – очень-очень медленно, но неотвратимо. Мне становилось все тяжелее и тяжелее лавировать среди потоков информации. И я ощутила, как

накатывает безразличие – мне больше не хотелось ничего. Все становилось далеким и неважным, кроме…

Виктор. Мысль о Викторе заставила собраться. Неужели Феникс все-таки нашел способ со мной справиться? Едва я подумала об этом, как ощутила злость, отогнавшую апатию, которая постепенно меня засасывала. Не давая этой злости схлынуть, я помчалась прямо к тому месту, которого до сих пор избегала всеми силами. Я знала, что времени остается все меньше – что-то случилось со мной. Но прежде я сделаю так, что Феникс за это заплатит. Насколько хватит моих сил.

Едва я очутилась под куполом Завесы, в мерцающем багрово фиолетовом тумане того дома, что он создал для себя, я почувствовала себя намного лучше. Дурман почти прошел – я опять ощущала страх – Феникс должен был быть совсем рядом. Но я не чувствовала его присутствия – и это было очень странным. Необъяснимым. Это был его мир. Его крепость.

Что-то было не так. Опять накатила слабость, но я хоть не чувствовала прежнего давления потоков, которое ложилось тяжестью, выталкивало меня и не давало скользить. Чувствуя, что если я и найду ответы, то только здесь, я помчалась вниз, к резервуару энергии – Феникс должен был все равно поддерживать с ним контакт. И не ошиблась – я ощутила его присутствие. Он был рядом – но думал совсем не обо мне.

Он тоже боролся. И, похоже, это давалось ему тоже с огромным трудом. Уловив мое присутствие, он замер, но даже не попытался атаковать. А потом потянулся ко мне. Тонкие энергетические щупальца стали медленно, очень медленно приближаться…

Я не отстранилась – от него сейчас не исходила угроза. Что бы ни произошло – это коснулось нас обоих, и он был ни при чем. Думаю, большую роль в моем спокойствии сыграла слабость и то, что я больше почти ничего не чувствовала. Безразличие. Я позволила ему прикоснуться – и меня словно накрыло волной – я ощутила рядом его сознание. Его мысли.

Меня пробрала дрожь, смешанная со страхом и отвращением – но я не отстранилась. Его мысли были осколками холодного льда … Возможно, раньше я бы не смогла воспринять это спокойно – но я тоже менялась. Он умирал – и понимал, что умирает. В отличие от меня, он разобрался, что происходит и как с этим бороться. И теперь безмолвно просил о помощи.

Я шла за ним запутанным лабиринтом, отчетливо понимая, что это единственный выход. Я тоже умирала – а мне так хотелось жить… Я шла, позволяя ему сплетать наши энергетические потоки, отдавая часть себя – и получая взамен чужую энергию…

Менялось мое восприятие – теперь я понимала, что могу больше – вместе мы становились не просто сильнее – мы переходили в качественно иное состояние. Зрение расширилось и одновременно сузилось – я видела гораздо дальше – каждое переплетение потоков, каждую нить – мне больше не надо было скользить по ним, чтобы получить нужную информацию – я могла управлять ими дистанционно – просто силой своего желания. Но и потоки больше не были для меня однородными – я видела те мельчайшие частицы, из которых они состояли – и они тоже были мне подвластны.

Феникс тоже менялся. Если его мысли для меня он был льдом – то мои для него – пламенем. Он тоже ощущал боль – и тоже шел вслед за ней. Меня сейчас не интересовали его мысли – а его – мои – боль и так сводила с ума. Мы изменялись – через боль и страх – изменялись, потому что хотели жить.

Теперь я и без него видела, в чем проблема. Нас уничтожали – уничтожали мельчайшие частицы, пытающиеся перестроить наши тела… Перевести их в качественно иное состояние. Вирусы. Мы болели и должны были выработать иммунитет. Теперь я понимала многое, очень многое. Понимала, почему Феникс разобрался в происходящем – а справиться не мог. Зрение, разделяющее потоки на мельчайшие частицы – оно принадлежало ему. Он понимал – но не мог ничего сделать, пока не получил мою силу – силу управлять самими потоками.

До меня медленно-медленно доходило, что я буду жить. Мой энергетический клон, мое тело перестаивалось так, что вирусы больше не могли причинить ему вред. Изменяясь, я понимала, что становлюсь сильней – но сильней становилась не только я. Наши сознания медленно разделялись – мы опять становились сами собой – но никто из нас не остался прежним.

Невозможно было понять, как это изменило каждого из нас – я даже и не пыталась. Феникс… Мы висели в энергетических потоках напротив друг друга – и медленно привыкали к новому состоянию. К чужому следу в своей душе. Еще не союзники… Но уже не противники… И когда я повернулась, чтоб уйти – он не стал меня удерживать. Нам обоим нужно было время.

* * *

Столица, частный санаторий, 26 августа. Марк.

Марк остался в конференц-зале, чтоб хоть некоторое время не видеть внимательного взгляда Зварыгина – рядом с ним ему теперь было сильно не по себе. Марк понимал, что должен вести себя осторожно, но выносить постоянное напряжение оказалось нелегко. К тому же он знал, что даже если Зварыгин ничего не говорит от его внимания не ускользнет ни одна мелочь – он

отмечал их с точностью компьютера, фиксируя в памяти, чтоб извлечь в нужный момент.

Белугин сдержал слово – скоро экран под потолком засветился, и нам возникло здание Компании. Марк наблюдал рассеяно – его гораздо больше занимали свои собственные мысли. Зварыгин успел кратко рассказать о произошедшем, добавив, что Орловский мертв. Нет, ну это ж надо, чтоб так не повезло. Хотя кто мог подумать, что все так неудачно сложится. Теперь надо было действовать быстро – причем не просто быстро. Хотя сам он и подстраховался, сделал ли это Орловский, он не знал. Значит, выход был только один – Зварыгин был должен умереть. Раньше, чем успеет что-то раскопать.

Оставалось одно только существенное «но» – тот в любом случае оставался профессионалом, а сам Марк – нет.

Рассматривал он и другой вариант – оставить все как есть и надеяться, что никаких следов не осталось. Но жить все время в ожидании, что его вычислят – нет, вряд ли он выдержит. Придется убить Зварыгина, и придется это сделать самому. Судя по происходящему на экране, у военных явно что-то пошло не так. Но это не имело особого значения.

Рядом сидел Зорин, с напряжением глядя на экран и прислушиваясь к кратким репликам остальных. Марк так и не смог понять, почему его не изолировали, а предоставили такую свободу и доступ к сверхсекретной информации – все-таки они имели дело с журналистом. Эта мысль скользнула и исчезла – важным было совсем другое.

Следовало подумать, как не подставиться самому – все здание напичкано телекамерами. Значит, нужно как-то выманить Зварыгина в парк и потом подумать, на кого повесить это убийство. В том, что выманить – проблем, в принципе, не было. Но вот со всем остальным…

Планы возникали и исчезали – он вышел в коридор и направился к выходу в парк – ему хотелось обдумать все вдали от посторонних глаз. Услышав голоса за поворотом, он остановился – ему не хотелось сейчас ни с кем встречаться, все время казалось, что один взгляд на его лицо – и все сразу поймут, что он задумал. Но услышанный разговор оказался столь интересным, что он замер, обдумывая ситуацию. Просто подарок судьбы – Химера и Феникс мертвы, а Зварыгин…

Потихоньку отступив назад, он выглянул в окно – Зварыгин вышел на улицу, постоял на пороге пару минут, а потом направился по одной из дорожек парка. Потихоньку выйдя на ночной воздух, он направился следом.

Темнота была его союзницей. Уже через несколько шагов

рассмотреть, что творилось в самом парке, из окон здания было невозможно. Стараясь ступать как можно бесшумнее, он вскоре увидел впереди силуэт – Зварыгин стоял у неработающего фонтана и бездумно смотрел куда-то вдаль.

Молча вытащив пистолет, Марк прицелился. Он точно знал, чего делать нельзя ни в коем случае – мешкать или объясняться. Самая большая глупость. И, быстро прицелившись, легко спустил курок…

* * *

Столица, частный санаторий, 26 августа. Виктор.

Виктор тяжело дышал. Весь мир сузился до одного человека, которого он хотел уничтожить. То, что он не мог этого сделать прямо сейчас, ничего не меняло. Он убил Тиль. Обрек ее на еще одну смерть, возможно, не менее мучительную, чем предыдущая. И ничуть не раскаивался в содеянном.

Эта мысль сводила с ума. В голове просто не укладывалось, что ее больше нет…

Когда Белугин увел Вадима, Виктор остался стоять, прислонившись к стене. Он ничего не мог – просто бездумно смотрел перед собой. Неужели он никак не мог это предотвратить? Почему он сразу не поинтересовался где Вадим, чем занят? Нет, он болтал с Зориным, потом смотрел за попыткой взорвать здание… Почему его не насторожило отсутствие Вадима?

Он пытался понять, что чувствует и не мог… Боль… Нет, даже не боль… Словно у него забрали часть души и теперь на этом месте образовалась сосущая пустота. Тиль больше нет…

Наконец, он взял себя в руки. Во всяком случае, он определил себе цель. Месть. И тут до него дошло, что он больше не представляет ценности – теперь, когда Химеры и Феникса больше не существовало, он никого не интересовал. Обдумав ситуацию еще раз, он принял решение – он знал, кто выслушает его, и если и не сможет помощь – то, во всяком случае, попытается.

Зорин курил, стоя у окна. Когда Виктор предложил прогуляться перед сном, тот молча кивнул, и они направились к выходу. Едва они вышли на порог, как тот обернулся к нему и негромко произнес:

– Что случилось? На тебе лица нет.

– Катя… Она…Они убили ее.

Он говорил, почти не видя окаменевшего лица Дмитрия, говорил, не ощущая ни малейшего облегчения – только опустошение. Он хотел мстить – но знал, что это тоже не принесет ему свободы. Но просто опустить руки он тоже не мог…

Зорин дослушал до конца, потом ненадолго задумался:

– Единственное, что я скажу – ты поспешил. У тебя нет никаких доказательств смерти Кати. И первым делом надо убедиться именно в этом…

Тишину разорвал громкий треск выстрела. На мгновенье они замерли, а потом Зорин побежал в ту сторону, откуда донесся звук. Виктор мчался за ним следом, не замечая хлеставших по лицу веток, а в душе медленно загорелся крохотный огонек надежды. Возможно, именно потому, что ему до безумия хотелось поверить в невозможное.

Глава 19.

Столица, частный санаторий, 27 августа. Зварыгин.

Зварыгин вышел наружу и вдохнул прохладный ночной воздух. Простояв немного на пороге, спустился по ступенькам и пошел по одной из дорожек парка. Направление его не интересовало – он просто не мог стоять на месте. Опавшие листья негромко шуршали под ногами.

Он не мог описать то, что чувствовал, но знал одно – безразличие ушло навсегда. Но самообладание никуда не делось – оно всего лишь на время отступило, когда он услышал сказанное Вадимом. Слишком острой была боль, слишком неожиданным всплеск эмоций. Он привык жить под защитой оглушающего равнодушия – но его больше не существовало. Он снова чувствовал боль… Но одновременно – многое другое. И к этому нужно было привыкнуть. Привыкнуть снова.

Как ни странно, он не винил Вадима – тот поступил, исходя из логики и целесообразности. А вот его потеря самоконтроля просто недопустима. И как же он раньше не заметил, что с ним творится? Почему упустил момент, когда еще мог управлять своими эмоциями?

Химера была наваждением – объяснить те чувства, что она пробуждала в нем, было невозможно. Но Химеры больше не было. И надо было жить дальше. Он знал, что боль постепенно пройдет – и на ее смену придет глухая тоска. И знал, что никогда не сможет забыть ее лица.

Дорожка привела его к фонтану, который вместо воды был засыпан осенними листьями. Остановившись, он уже вполне владел собой – все эмоции находились под контролем. Следовало наметить план действий, в первую очередь убедиться в гибели Феникса. Убрать поставленные им ловушки. Возможно, обезвредить бомбу – если Феникс мертв, взрыв здания терял смысл. Работа всегда помогала ему справляться с собой – поможет и сейчас.

Внезапно он замер, насторожившись – сзади послышались шаги, причем шагающий явно старался их приглушить, не понимая, что этим сам себя выдает. “Так-так, и кому это я понадобился?” – Зварыгин напрягся, готовясь действовать. Шаги остановились, и его мгновенно резануло чувство опасности, настолько острое, что он упал на землю, действуя чисто инстинктивно. Звук выстрела донесся словно с запозданием, он откатился в сторону, уходя их под обстрела, но в него больше не стреляли – человек убегал. Напрасно – он уже был на ногах и,

вытащив пистолет, бросился в погоню. Верней, попытался броситься, потому что с совершенно другой стороны на него напал еще один человек и одним ловким ударом выбил пистолет из руки.

Этот драться умел. Мгновенно ушел от его удара, а потом едва не выбил из него дух. Только то, что сам он регулярно тренировался, поддерживая себя в форме, позволило ему уклониться. Кто-то еще ломился сквозь кусты. До него донесся приглушенный голос Виктора:

– Ей, что тут происходит? Дим?

Поняв, кто его противник, Зварыгин отскочил подальше и выругался – драгоценное время было потеряно. Зорин тоже остановился, явно узнав его по голосу.

– Что тут произошло?

– В меня стреляли, – он достал небольшой фонарик, осмотрел траву и поднял пистолет. – Вы вмешались как раз вовремя, чтобы позволить убийце удрать.

Виктор переводил взгляд с одного на другого, но в разговор не вмешивался. Зорин ответил совершенно спокойно, явно не утруждая себя излишними переживаниями.

– Приношу извинения. Но, услышав выстрел и увидев человека с оружием в руках, я действовал так, как подсказывала логика. И думаю, вы со мной согласитесь.

Зварыгин нехотя кивнул – Зорин был абсолютно прав, и действовал совершенно логично, выбив оружие из рук, как он думал, стрелявшего. Он на его месте действовал бы точно также, попытавшись бы сначала разоружить, а потом захватить.

– И кто же решился на столь неразумный шаг? – На мгновение Зварыгину показалось, что над ним издеваются, но почти сразу понял, что Зорин искренен – в его голосе не было насмешки, только легкое любопытство.

– К сожалению, мерзавец выстрелил в спину… А потом удрал – так что я не видел его лица, но…

– Но на самом деле вопрос стоит гораздо проще, верно? – подхватил журналист. – Все всегда упирается в один вопрос – кому выгодно.

Зварыгин прикрыл глаза, раздумывая, и тут же понял – кому. Да, врагов у него хватало, но тут и сейчас выгоду из его смерти могли извлечь только два человека. Или… Или это один и тот же человек?

– Прибью мерзавца, – процедил он сквозь зубы и направился к зданию.

– Не возражаете, если понаблюдаю за процессом? – светским голосом поинтересовался Зорин и направился следом. – Так кому

же вы успели столь сильно насолить?

Зварыгин молчал. Царев в коме, в санатории, и неизвестно, когда придет в себя. Если бы он был убит сейчас – из всего руководящего состава Компании остались бы только Марк и Вадим. Ну и кто из них способен взять на себя ответственность и руководство? Правда, существовал еще неизвестный предатель… Неизвестный ли? Или это звенья одной цепи? Значит, жадность обуяла? Нехорошо… А, самое главное, непрофессионально… Хотя существовал маленький шанс, что он ошибается, и поэтому он не убьет его сразу. Сначала в глаза посмотрит. А потом Марк ответит ему на все вопросы, причем ответит быстро и правдиво.

Он одним махом взбежал по ступенькам, не обращая внимания на следующих за ним Зорина и Виктора, и направился прямо к комнате Марка. Интересно, попытается ли удрать? Никуда не денется, он его из-под земли достанет. И уже протягивая руку к ручке, услышал, как за дверью раздался громкий крик.

* * *

Где-то в сети, 27 августа. Химера.

Скользя в переплетениях потоков, я упивалась новыми возможностями. А ведь я даже не подозревала, сколько всего мне было недоступно. Потоки не просто струились через мое тело – они подчинялись мне. Я могла… Могла почти все.

Я больше не испытывала страха перед Фениксом – скорее легкое опасение. Все-таки, у нас были слишком разные цели. А была ли вообще цель у меня?

Я просто существовала. Старалась выжить, отомстить, потом – защитить Виктора. Оглядываясь назад, я понимала, что действовала хаотично, под влиянием эмоций. А Феникс – совсем наоборот. Он с самого начала наметил план, и принялся его осуществлять. И его логика казалась мне все более привлекательной.

Но сначала я решила заплатить долги. Разобраться с предателем, потом найти того, кто пытался убить меня. А потом… Будущее виделось на удивленье туманным. Я просто не знала, чем займусь. На этом фоне планы Феникса казались все более привлекательными. Почему бы и не присматривать за человечеством? Или даже направлять его? Цивилизация действительно могла принимать уродливые формы. Так может, он с самого начала был прав?

Внезапно я словно увидела себя со стороны. Свои мысли, свои чувства. Хладнокровные рассуждения. Перед глазами возникло лицо Вика. И я поняла, что, несмотря на все свои рассуждения, несмотря на влияние Феникса, я не могу думать о

человечестве отвлеченно, как о чем-то безликом. Потому что был Виктор – человек, личность, мой друг. Потому что в памяти были и другие лица, лица людей, которые продолжали иметь значение для меня.

Как ни странно, чем дальше, тем все меньше мне хотелось хоть что-то делать. Бездумно висеть в потоке, наслаждаясь теплом и мельканием красок, лететь так, чтоб любая человеческая скорость казалась смешной, видеть контрасты и мгновенно переходить из одного состояния к другому. Смысла не было – нигде и ни в чем – и меня все больше охватывало состояние, подобное эйфории. Полное отсутствие ответственности, полная свобода. Где-то в глубине души я понимала, что со мной творится что-то не то, но крохотный огонек здравого смысла не мог пробиться на поверхность того омута, которым стало мое сознание.

Я скользила, струилась, наслаждаясь необычными ощущениями. Словно множество воздушных пузырьков нежно лопались на коже. Хотелось петь, летать, хотелось веселиться до полного самозабвения. Забыв обо всем, я наслаждалась самим фактом своего существования – впервые за долгое время меня ничего не тревожило. Я просто жила.

В памяти смутно мелькало, что я что-то хотела сделать. Да, заглянуть к кому-то. В памяти всплыло уверенное, слегка надменное лицо и номер мобильного. Даже не задумавшись, я запеленговала нужные координаты и вышла в реальность.

Это было еще смешнее – увидев меня, он сначала попятился, потом закричал. Я поморщилась – звуки мне совсем не нравились, и попыталась вспомнить, зачем меня сюда занесло. Двери в комнату распахнулись, и внутрь ввалилась целая компания, причем их лица были мне смутно знакомы. Решив, что чем больше народу, тем веселее, я захихикала, отчего на их лицах появилось очень странное выражение, а потом решила поиграть.

Самое удивительное – их происходящее почему-то совсем не веселило, даже когда я показала пару фокусов. Но мне становилось все забавней – при взгляде на их лица меня прямо начинало корчить от хохота. Один из них попытался дотронуться до меня, но я легко уменьшила плотность энергетического поля, составляющего мое тело, и его рука ухватила пустоту, а я опять захихикала. Мне было хорошо.

Почему-то один из присутствующих, тот самый, к которому я заглянула в гости, вел себя очень необычно. Когда я случайно подходила к нему, он очень медленно отодвигался, пока я, наконец, не решила, что ему очень хочется поиграть со мной в такую странную игру. Решив, что смысл игры я пойму позже, я

широко улыбнулась и направилась в его сторону.

Он явно обрадовался, что я приняла его правила, поскольку быстро выбежал в коридор, едва не снеся с дороги всех остальных. Я двинулась следом, но один из людей протянул руку, пытаясь остановить меня, и что-то при этом говоря. Правда смысл сказанного ускользнул от моего сознания, но я пообещала поиграть с ним чуть позже, а потом просто проплыла сквозь него. Ему это так понравилось, что, когда я очутилась в коридоре, он выбежал и следом, и даже сумел говорить так, что я уловила его мысль – он не хотел, чтобы я уходила. Пообещав, что никуда не уйду – вот только немного поиграю с его знакомым, я завертела головой, пытаясь понять, куда он успел скрыться. Немного подумав, я поняла, что ему хотелось поиграть именно в прятки – и, обрадовавшись, что, наконец, все стало на свои места, я отправилась его искать.

Выбрав самый простой способ найти прячущегося человека, я еще сильней уменьшила плотность своего тела и принялась просто проходить сквозь стены. Как ни удивительно, это здание было полно народу, причем все вели себя до невозможности странно и неадекватно реагировали, когда я появлялась в очередном помещении и вежливо интересовалась, не пробегал ли тут кто-нибудь. Они роняли стулья, швырялись в меня предметами или убегали. Двое решили попрактиковаться в стрельбе, выбрав почему-то меня в качестве мишени. А самое главное, все они что-то кричали, причем понять, что именно, я не могла, и это начинало раздражать.

Появившись в очередной комнате, я остановилась и принялась оглядываться. Сама комната была пуста – но что-то мне не давало просто пройти мимо. Прошло довольно много времени, прежде чем я сообразила, что меня тут держит – работающий компьютер. Верней, выведенная на экран информация.

Давно я не получала данные в таком виде. Я сосредоточилась. Пытаясь осознать значение мерцающих значков, я замерла у машины. Слова были жесткими на вкус, но в то же время я их понимала. Гораздо четче, чем понимала то, что пытались мне сказать те люди, которых я встретила тут. Глаза легко скользили по строчкам: “…блокирование отделов мозга, отвечающих за эмоциональное состояние, скорее всего, приведет к стимуляции отделов, отвечающих за логическое мышление, и наоборот. Поэтому при выборе отдела мозга, в который будет производиться запись информации, следует учитывать тот результат, которого мы хотим достигнуть. Чем-то придется пожертвовать – но думаю, что снижение эмоциональной

активности принесет только пользу…” Я знала эти слова. И когда-то знала человека, который их написал.

Эйфория словно испарилась – мне стало почему-то очень грустно и тоскливо. От компьютера я отойти не могла – я пролистывала страницы, и читала, читала… Почему-то это оказалось единственным способом получать информацию. Верней – единственным способом правильно интерпретировать полученные данные.

Феникс. Имя всплыло из глубины памяти и словно стало спусковой пружиной, запустившей цепочку ассоциаций. У Феникса были заблокированы отделы мозга, отвечающие за эмоции. Я мгновенно восстановило в мыслях прошлое. Контакт с Фениксом. Ощущение чужого следа в памяти. Мы обменялись не только силой – но и слабостью. Я поняла, что со мной происходит то же, что и с ним. Только, в отличие от него, в моем мозгу сейчас шла блокировка как раз тех отделов, которые отвечали за логику.

Я уселась на полу, обхватив колени руками – почему-то эта поза показалась мне очень удобной, и попыталась сосредоточится, но тут двери в комнату распахнулись. Я вполне теперь осознавала, что знаю этих людей – в памяти были лица и имена – но мне сейчас хотелось покоя. Я понимала одно – сейчас я ущербна, и именно поэтому почти беззащитна. Следовало…

Мысль опять ускользнула – меня тормошили, явно пытаясь привлечь мое внимание, а мне с трудом давалась даже самая простая логическая цепочка. Но когда я попыталась объяснить, что со мной происходит, почему-то получилось только хуже. Но меня обрушились вопросы, смысла которых я почти не улавливала, но зато хорошо чувствовала ту эмоцию, которая их наполняла – страх.

Мне это сильно не нравилось – я пыталась понять, что мне делать дальше, но сосредоточиться даже на самой простой мысли требовало невероятных усилий. Мне следовало подумать. Но не здесь. Было всего одно место, которое прочно ассоциировалось с безопасностью. И я отправилась именно туда.

* * *

Столица, частный санаторий, 27 августа. Виктор.

Виктор шел за Зориным и Зварыгиным, но куда они идут, его волновало мало. То, что кто-то стрелял в начальника службы безопасности, тоже не вызвало никаких эмоций. Ему было все равно. Информация откладывалась где-то на задворках сознания, он еще обдумает все это, но потом, потом…

Когда из комнаты, к которой они подошли, раздался крик, Зварыгин, распахнув дверь ударом ноги, ворвался вовнутрь, сам Виктор застыл как истукан, не веря своим глазам, а потом вошел

следом, действуя, словно на автомате. К стене прижался Марк, лицо его было белым, как мел, а посреди комнаты стояла Тиль. Оглянувшись на них, она внезапно прижала ладонь ко рту и глупо захихикала.

Это было настолько невероятным, что просто не укладывалось в голове. Химера широко улыбалась, переводя взгляд с одно на другого, потом скорчила гримасу и опять захихикала.

Это было невыносимо. Она смотрела на него совершенно равнодушно, как и на всех остальных, и не узнавала. Он попытался дотронуться до ее руки, ноне ощутил ни малейшего сопротивления.

– Тиль, что с тобой?! – Он настолько забылся, что это прозвище само слетело с языка. – Что происходит?!

Самое страшное было то, что она совершенно не реагировала на его слова. Словно не слышала. Единственное, что приходило в голову, это то, что созданный Вадимом вирус не убил ее, а… Свел с ума? Лишил памяти?

Химера двигалась по комнате, с любопытством рассматривая окружающее, а ее тело то словно выцветало, становясь полупрозрачным, то опять становилось почти нормальным. Он совершенно растерялся – достучаться до нее он не мог и просто не представлял, что делать дальше. Такого с ним никогда не было. Чувствуя, что в сердце вползает отчаянье, он оглянулся на своих спутников.

На лице Зорина играли желваки, но он тоже, похоже, не знал, на что решиться. Зварыгин не отрывал от Химеры глаз, оценивая каждое ее движение. Он даже забыл о Марке. И сам Марк не замедлил этим воспользоваться, рванув мимо них в коридор. Тиль широко улыбнулась и направилась следом.

– Постой! – он вытянул руку вперед. – Тиль, что с тобой случилось?

Она безмятежно улыбнулась ему в ответ и весело произнесла:

– Поиграем позже? – а потом прошла прямо сквозь него. Его словно обдало ледяной водой. Он в ужасе оглянулся, но она благополучно стояла в коридоре и оглядывалась по сторонам.

– Не уходи, прошу… – в его голосе впервые прозвучало отчаянье. Как ни странно, она остановилась и обернулась к нему.

– Не уйду, – она по-прежнему улыбалась, – Мы потом поиграем. Я – искать.

Тиль шагнула к одной из стен и просто прошла ее насквозь. Откуда-то донеслись крики.

– Сейчас поднимется паника, – Зварыгин быстрым шагом направился к лестнице. – Надо предупредить Белугина. Ни в коем

случае нельзя допустить, чтобы ее разозлили или обидели.

– Что с ней? – проводив взглядом Зорина, который помчался к тому месту, откуда доносились крики, Виктор, поколебавшись всего мгновенье, последовал за Зварыгиным.

– Не знаю. И это первый вопрос, который я задам Вадиму. Беда всех умников в том, что порой все идет совсем не так, как им хочется. Легко выпустить джина из бутылки. А вот загнать обратно…

Они сбежали на первый этаж, и Зварыгин без всяких церемоний вломился в диспетчерскую. Белугин с Вадимом сидели возле одной из машин и тихо беседовали. Зварыгин подошел прямо к программеру, одним рывком поставив на ноги, наклонился к его лицу и тихо произнес:

– Сейчас мы все отравимся в твою комнату, и ты покажешь тот вирус, который создал. Не просто покажешь, а объяснишь, от начала и до конца, – он ткнул пальцем в Виктора, – вот ему. И будешь думать, где напортачил.

– Что произошло? – Белугин тоже встал, но пока не вмешивался. Из коридора донеслись крики в выстрелы, и он мгновенно напрягся.

– Сейчас по знанию бродит Химера, причем в явно неадекватном состоянии, поскольку ничего или почти ничего не помнит. – Зварыгин направился к двери, волоча Вадима за собой. – Предупреди своих людей.

– Это просто невозможно, – Вадим, первоначально ошеломленный тем, что с ним обращаются, как с тряпичной куклой, вырвался из рук Зварыгина и теперь недоуменно морщил лоб. – Вирус не мог оказать такого эффекта. Это, наверно… – глаза его расширились, и он прикусил язык, но поздно.

– Что, наверно? – Вопрос был задан мягким тоном, но от интонации сказанного даже Виктора бросило в дрожь, а Вадим испуганно сжался.

– Я потом только понял… Уже когда вирус запустил. Шанс справится с ним все же существовал. Очень небольшой. Если бы Феникс и Химера объединились бы, они бы смогли выжить. Используемые ими каналы связи…

– Идиот! – Виктор почти отстранено наблюдал, как Зварыгин вытрясает информацию. Ошеломление проходило, и он осознал главное – Тиль жива. Пусть она его сейчас не помнит, но она жива…

– Ты хочешь сказать, что не оставил им другого выхода – только действовать вместе? Ты понимаешь хоть немного, что ты натворил? Идем.

Виктор ни во что не вмешивался – просто шел следом за

Зварыгиным, который, казалось, без малейших усилий выволок Вадима из диспетчерской и потащил по коридору. В голове роились мысли – он прикидывал, как помочь Тиль – но пока он не поймет, что с ней случилось, это невозможно. Поэтому он молчал и предоставлял всем руководить Зварыгину – у него никогда бы не получилось это столь изящно. Впрочем, учится ведь никогда не поздно.

Но, едва двери в комнату Вадима открылись, с него слетело все равнодушие. Посреди комнаты, на полу, обняв руками колени, сидела Тиль и выражение ее лица было настолько несчастным, что у него защемило сердце. Почти не осознавая, что делает, он бросился к ней.

– Тиль! Что с тобой?

На этот раз в ее глазах был слабый отблеск узнавания. Она смотрела на него, потом попыталась объяснить. Ее слова звучали не всегда понятно, но общий смысл он уловил – с ней что-то происходило, и это как-то было связано с Фениксом. И еще ей нужна была помощь. И это было как-то связанно с информацией на находящемся тут компьютере.

Закончив рассказывать, она несколько минут сидела неподвижно, а он просто боялся расспрашивать – по ней было видно, что объяснения дались ей очень и очень нелегко. Но тут влез Вадим и принялся задавать вопросы, а лицо Тиль приняло растерянное выражение.

– Помоги мне… – Она на мгновение сжала его руки и исчезла. Виктор молча встал с пола и уселся за компьютер, а потом принялся скрупулезно изучать выведенные на экран данные. Если способ помочь Тиль существовал, он намерен был его отыскать.

Глава 20.

Столица, частный санаторий, 27 августа. Зварыгин.

Зварыгин смотрел на Химеру, на Виктора, и прекрасно понимал, что их связывают нити настолько крепкие, что пока они будут оставаться сами собой, они будут защищать друг друга. Он мысленно произнес имя, которым ее звал Виктор. Тиль… Это имя удивительно подходило ей, гораздо больше, чем Катя, и даже больше, чем Химера. Вслушиваясь в сбивчивый голос, когда она, путаясь в словах, пыталась объяснить Виктору, что происходит, он медленно-медленно постигал суть. Важен был даже не общий смысл – она постоянно перепрыгивала с одной темы на другую, порой произносила предложения, не имеющие отношения к ее рассказу, но вот именно эти оговорки внушали ему наибольшее беспокойство.

Она вступила в контакт с Фениксом. И больше не боялась его – она была готова даже со временем действовать вместе с ним. Пусть не сейчас, но, если она смогла смириться с этой мыслью, дело было плохо. И он сейчас думал не только о Компании – речь шла о гораздо большем. То, что она сейчас почти не контролировала себя, мало что меняло. И когда Химера исчезла, а Виктор уселся за компьютер и погрузился в изучение данных, он потихоньку вышел из комнаты, и направился искать Белугина.

Феникса нужно было уничтожить, причем как можно скорее. Если таймер на взрывном устройстве сработает благополучно, то половина проблем отпадет сразу. Но вот если нет… Что можно противопоставить Фениксу? Бомбардировку города? Смешно… К тому же, он был почти уверен, что Завеса служит очень надежной защитой. А что они смогут противопоставить тандему Феникса и Химеры?

Мир даже не представлял, на какой тонкой нитке он балансировал. Даже если отбросить возможность тотального контроля за любой информацией, пока что Феникс был привязан к одному определенному месту. Но стоило представить Химеру послушной марионеткой Феникса, Химеру, для которой не существовало расстояний… Которой был доступен весь мир, и которая уже научилась убивать… Этого нельзя было допустить. Любой ценой.

Даже его чувства к Химере не имели никакого значения. Он знал, что все равно поступит так, как ему подскажут принципы и здравый смысл… Потому что всегда существуют вещи, которые важнее жизни… Важнее любви. Существуют цели, за которые стоит умереть. Или пожертвовать самым дорогим.

Белугина он нашел в конференц-зале – тот выслушивал людей, отдавая короткие указания. Увидев Зварыгина, он сам подошел к нему и негромко произнес:

– Сейчас ее нигде нет. Можно обыскать здание, но смысл? Я приказал при встрече с ней сразу докладывать, вести себя как можно спокойнее и ни в коем случае не раздражать.

– Она ушла. – Зварыгин посмотрел на Белугина, и тихо добавил, – Химера сейчас в неадекватном состоянии, но думаю это явление временное. Намного хуже то, что она вступила в контакт с Фениксом. Пусть по принуждению, пусть, чтобы выжить, но начало положено. – Он кратко пересказал то, что понял из ее рассказа. – Думаю, ты и сам прекрасно понимаешь, что это значит и к каким последствиям может привести… Феникса нужно уничтожить как можно скорее. Сколько осталось до взрыва?

Белугин оставался спокойным, впрочем, за все время, что он его знал, он ни разу не утратил контроля над собой.

– Я не хотел говорить этого раньше времени, – голос прозвучал так тихо, что услышать сейчас никто, кроме Ивана, его не мог, – но время вышло около получаса назад. Взрыв не состоялся. Думаю, Феникс все же добрался до бомбы. Придется искать другой путь.

Другой путь… Зварыгин молча прокручивал в голове ситуацию, понимая, что выход остается только один. Но как его осуществить?

Двери в конференц-зал распахнулись, и внутрь вошел Зорин, волоча за собой связанного Марка. Под правым глазом пленника расплывалось что-то, подозрительно напоминающее будущий фингал.

– Выловил на контрольно-пропускном пункте, – довольно сообщил он, – Эта мразь удрать пыталась. Уже и машинку прогревала.

Зварыгин смотрел на предателя, но думал о своем. Зорин, сам того не подозревая, подсказал ему идею…План выкристаллизовался в голове, четкий и ясный, рискованный – но единственно возможный. И он чувствовал, что у него все должно получиться. Боль резанула сердце – но сейчас он не мог себе позволить страдать. Не сейчас. Или у него не хватит решимости. Ощущая себя последним мерзавцем, он обернулся к Белугину и бесстрастно произнес:

– Мне нужен карт-бланш на проведение операции. Втемную.

– Ты не поставишь в известность даже меня?

– Нет.

Белугин размышлял несколько минут, затем отрицательно

покачал головой.

– Не могу. Извини, но нет. Но если ты поставишь меня в известность о том, что задумал…

На этот раз покачал головой Зварыгин, игнорируя выжидательный взгляд Белугина, и любопытствующий – Зорина.

– Не сейчас. Я, пожалуй, обдумаю все это еще раз, а потом обрисую тебе ситуацию в общих чертах. И ты, уже исходя из этого, скажешь свое решение.

– Хорошо. Я буду ждать. Да, тебе стоит отдохнуть. Сколько ты не спал?

– Не помню. Ты прав – мне надо немного отдохнуть. Как поступить с Марком, решим позже. Думаю, ты найдешь, куда его временно запереть. – Зварыгин кивнул и вышел в коридор.

Он не сомневался, что хорошо сыграл свою роль, и никто ничего не заметил. Нет, озвучить то, что он задумал, было невозможно. И помощи от Белугина ждать нечего. Даже если он сейчас ничего не заподозрил, ему придется действовать быстро, очень быстро. А играть на опережение против Белугина было все равно, что скользить по очень тонкому льду.

Он вошел в свою комнату и улегся на кровать, закрыв глаза, ничуть не сомневаясь, что за ним сейчас наблюдают. Но ему не нужен был компьютер, чтобы отшлифовать свой план – роль такого компьютера выполняла его голова. Лежа с закрытыми глазами, он окончательно просчитал все от и до – весь его план зависел от точного расчета времени… И от того, правильно ли он представил реакцию Феникса. Но нет – тот думал, исходя из чистой логики – это подчеркивала и сама Химера. Реакция Химеры была еще более предсказуемой. И если так – то у него должно было получиться. Вот только как он сам потом сможет жить? Хотя… Его губы растянула легкая улыбка. Хотя нечего было об этом думать – шансы выжить у него были очень близкими к нулевым.

Поднявшись с кровати, он направился разыскивать Виктора. Сейчас все зависело от того, когда Химера вновь станет сама собой. Но шестым чувством, которое не зависит ни от какой логики, знал – скоро. Очень скоро.

* * *

Где-то в сети, 27 августа. Химера.

Убежище… Мой крохотный мирок. Едва я очутилась тут, как мне сразу стало легче. Это место ассоциировалось с уютом и безопасностью. Здесь мне ничего не угрожало. И сюда никто не мог проникнуть. Только я.

Виктор писал мне, а я отвечала, и с каждым мгновением чувствовала себя все лучше и лучше. Информация поступала

дозировано, и именно в том виде, в котором я могла ее адекватно воспринимать. Мне приходилось восстанавливать логические цепочки в мозгу – долгий и тяжелый труд, но вполне выполнимый, особенно с той помощью, которую оказывал мне Виктор. Задача облегчалась тем, что настоящей блокировки клеток мозга у меня все же, в отличие от Феникса, не было – как не было и самого мозга. Электронная копия, фантом – и в сети, и вне ее – а никак не человек. И стоило мне осознать этот факт, как мне стало легче. Долгий и кропотливый труд – но ничего невозможного.

Я постепенно вновь становилась сама собой – переосмысливая многое заново. Кого во мне теперь было больше – Кати, Тиль, Химеры? Не знаю. Как ни странно, я ощущала себя каждой из них – безмятежной девушкой, которая любили писать стихи и смотреть на небо… Тиль, которой я стала после моей первой смерти – боящейся ночи, и так чутко чувствующей чужую боль… Химерой – чужой и холодной, сохранившей одну-единственную привязанность… Каждая из них оставалась в прошлом, но все равно оставаясь частью меня – теперь я это понимала. В голове вспыхивали картины прошлого – такие близкие и одновременно такие далекие. Моя память – моя суть.

Становясь сама собой, я заново переживала прошлое. Каждая картина, каждое воспоминание вновь становилось частью меня. И я опять чувствовала – боль и радость, надежду и страх. И могла переосмыслить все заново – отстраненно, глядя на себя со стороны. Свою вторую смерть, жажду мести… Убийство Панского, почти невольное… Мои чувства к Виктору… Убийство Омского – хладнокровное и безжалостное… Прикосновение сознания Феникса…

Я больше не боялась его, но и понимала, что его путь – тупиковый. Впрочем, так же, как и мой. Каждый из нас был изуродован жестоким экспериментом, но, в отличие от меня, он выбрал это сам. И ни о чем не жалел, не хотел стать прежним, вернуть прошлое – он был Фениксом в душе гораздо раньше, чем стал им на самом деле. А я до сих пор так и не стала по-настоящему Химерой. Я оставалась Тиль.

Я уже восстановилась настолько, что смогла адекватно отвечать Виктору – и теперь радовалась его радости. Да, кем бы я не стала – но все равно оставалось несколько человек, к которым я никогда не смогу относится равнодушно. И Виктор – ради которого я, при необходимости, пожертвую всем.

Хотя память вернулась, мне нужно было вновь ощутить силу потоков. Надо было окончательно стать собой. Я написала Виктору, и он сказал, что будет ждать, когда я вернусь. Я

покинула Убежище и окунулась в течения.

Да, а окончательно стала сама собой – течения были мне подвластны, как и раньше. Я легко переходила от одного к другому, получая энергию и информацию, и снова радовалась. И мне больше не хотелось мстить – даже предателю Марку. Главное, Виктор остался жив и здоров, так пусть его судьбу решают другие. Тот же Зварыгин.

Подумав о нем, я замерла в одном из потоков. А ведь он был одним из тех, к кому я так и не смогу относится равнодушно. Да, он обрек на смерть Тиль… Но я так и не смогла его убить… И он спас жизнь Виктору.

А что мне мешало узнать о нем больше? Почему я никогда не хотела этого сделать? Но сейчас… Я решилась.

Найти данные оказалось нелегко, сопоставить их – еще труднее, но, когда я собрала разрозненные крохи информации, поняла многое, очень многое… Например, что связывало Зварыгина и Царева. Они вместе воевали, причем из всего отряда, отправленного в горячую точку, выжило всего трое… Десять лет назад лейтенант Зварыгин, связист Царев и капитан Белугин были награждены за то, что почти двое суток удерживали небольшой КПП на приграничной заставе, пока эвакуировали небольшой городок сразу за ней. Остальные восемь членов отряда получили награды посмертно. Дальше пути всех троих разошлись. Царев начал бизнес, причем дело пошло настолько успешно, что небольшая компания "Аэда", спустя всего три года стала просто Компанией. Зварыгин пошел служить в частное охранное агентство, неплохо зарабатывал, и доработал до заместителя директора… Когда шесть лет назад потерял в авиакатастрофе жену и трехлетнего сына. Самолет рухнул в море – спасти никого не удалось. Не удалось даже найти тела. После этого он бросил работу, и только спустя два месяца сведения о нем вновь появились – прямым указом Царева он был назначен начальником безопасности Компании.

Я висела в потоке, обдумывая то, что узнала, уже понимая, что сделало его таким. Я сама прекрасно знала, как опустошает горе, какое равнодушие накрывает бездумной пеленой. Я понимала – а от понимания до прощения совсем немного…

Мне внезапно захотелось увидеть Виктора. Просто увидеть – и просто поговорить с ним. О важном и неважном, о жизни и дружбе, о том, выбираем ли мы судьбу сами или кто-то делает это за нас… Меня охватила тоска по тем разговорам, которые мы вели раньше, обсуждая все на свете. Я словно снова стала Тиль…

Засеча координаты мобильного Виктора, я вышла в реальность и замерла в недоумении. Я находилась в той же

комнате, откуда я и бежала в убежище. Самого Виктора не было. В углу лежал связанный Вадим с кляпом во рту. Тут же на полу тихо позвякивал брошенный мобильный… Чувствуя, как в сердце заползает противный липкий страх, я склонилась над связанным…

* * *

Столица, частный санаторий, 27 августа. Виктор.

Едва Тиль исчезла, как Виктор уселся за компьютер, и принялся просматривать информацию. Из всех эмоций наиболее четкой была решимость – все, что зависело от него, он сделает. Информации было много, и вся она относилась к экспериментам над Химерой и Фениксом. Интересно, откуда Вадим получил все эти сведения? Но сейчас его это волновало мало. Насколько он понял, Тиль нуждалась именно в этих данных, особенно всего, кто касалось блокировки мозга у Феникса. Он оправлял необходимые вырезки и вскоре она начала отвечать ему, понемногу подсказывая. Где-то за плечом раздавалось дыхание любопытствующего Вадима, но он его игнорировал. Не до того ему было. Не мешает и ладно.

Перелопачивая в поисках нужного огромное количество информации, он натолкнулся и на сведения о созданном вирусе. Выведя картинку на экран, он принялся задумчиво его изучать, но мало что понял – Вадим разбирался в компьютерах намного лучше. Но что-то не давало ему просто свернуть картинку, какое-то шестое чувство. Поддавшись непонятным эмоциям, он стер все данные о вирусе из памяти компьютера. Конечно, сам Вадим мог его воссоздать, но вряд ли это придет в голову кому-то другому.

Двери открылись и в комнату вошел Зварыгин – как всегда собранный и невозмутимый.

– Ну, как успехи? – поинтересовался он.

Вадим не отреагировал на вопрос, а сам Виктор почему-то насторожился.

– Продвигаемся потихоньку.

– Хорошо. – Зварыгин уселся на стул и задумчиво уставился перед собой. Виктор вернулся к работе, но взгляд начальника службы безопасности вызывал раздражение. Чего он ждет? Хотя, может, и волнуется за Тиль… Виктор стиснул зубы, вспомнив его реакцию, когда Вадим сообщил о том, что запустил в сеть вирус. Хотя это не имело значения – сама Тиль относилась к нему совершенно равнодушно. Он встряхнул головой, поразившись своим мыслям – не иначе, как ревновал. Но она была для него другом – пусть почти единственным, кому он мог доверять, пусть бесконечно дорогим – но только другом. Он никогда не смотрел на нее по-другому – и знал, что она относится к нему точно так

же.

Сообщения от Тиль приходили все более часто, и становились все более осмысленными. Он не мог сдержать улыбки – похоже, она приходила в норму.

Вадим, когда увидел начальника службы безопасности, он компьютера отошел, и теперь демонстративно сидел на стуле, делая вид, что его тут вообще ничего не волнует. А Виктор находился в раздумьях. На этом компьютере хранилась очень опасная информация. И ему очень не хотелось, чтобы она оказалась в чужих руках. Немного подумав, он решил, что будет неплохо, если при следующем запуске компьютера сработает форматирование диска. Как говорится, нет информации – нет проблем. А поскольку Вадим изображал статую и не наблюдал за его действиями, осуществить задуманное оказалось парой пустяков.

Получив последнее сообщение, он опять улыбнулся – на этот раз с огромным облегчением. Тиль писала, что у нее все хорошо, но она пока проверит свои силы. Он послал ответное сообщение, после чего выключил комп, с легким злорадством представляя физиономию того, кто его включит.

– Что с Химерой? – Виктор со вздохом обернулся к Зварыгину, но все же скрывать что-то было бессмысленно.

– Она в полном порядке. Ей нужно немного времени, чтоб проверить свою силу в потоках, но она уже восстановилась.

– Очень хорошо. – Зварыгин довольно кивнул, а после резким движением выкинул руку вперед, и Виктор ощутил, что падает. Перед глазами мелькнуло изумленное лицо Вадима, в голове вспыхнула мысль: "Какого?" Но пока пояснять ему явно никто ничего не собирался – да и говорить он не мог. Мог только беспомощно наблюдать, как Зварыгин вырубил Вадима и тут же связал, разорвав для этой цели несколько тряпок и, в придачу, заткнув ему рот. Обыскал его самого, вытащив из кармана мобильный телефон и бросив посреди комнаты. Потом надел на него наручники, открыл окно, огляделся – и вылез наружу, таща его как мешок. Беспомощность раздражала, а невозможность понять чужие планы просто сводила с ума. Спустя минут десять он, наконец, начал ощущать свои руки, но к этому времени его уже вытащили за ворота и погрузили в машину. Зварыгин рванул с места так, что завизжали тормоза, и понесся по дороге.

– Зачем? – В горле пересохло, и Виктор сам не узнал свой голос. На поворотах его бросало из стороны в сторону, заднее сиденье совсем не было верхом комфорта. Понять поведения Зварыгина он не мог – а в то, что начальник службы безопасности внезапно спятил, тоже верилось мало.

– Зачем – вечный вопрос. – Зварыгин свернул на трассу и прибавил скорости. – Скажи, Виктор, для тебя есть цель, которая дороже жизни? У меня вот есть такая глупая цель – хочется мне, чтоб человечество продолжало жить… Причем не будучи марионеткой спятившего ученого.

– Феникс… – Виктор испугался. Не мог же Зварыгин не понимать, что против Феникса он абсолютно бессилен, разве что…

– Догадался? – Он поймал его взгляд в зеркале заднего вида. –Единственный, кто может уничтожить Феникса, или хотя бы биться с ним на равных – это Химера. А она будет сражаться с ним до конца, без оглядки и не зная пощады только в одном-единственном случае. Скажи, Виктор, ты боишься умереть? – Голос словно стал доноситься откуда-то издалека. – Страшно, я знаю. Возможно, тебя утешит мысль, что мы, скорее всего, погибнем вместе? Но я уже говорил тебе и повторю – есть вещи, которые хуже смерти.

Он попытался сглотнуть слюну, но горло пересохло. Да, он боялся, особенно теперь, когда понял, что задумал Зварыгин. Была только одна сила, которая заставить Тиль сражаться, не задумываясь и не щадя себя. Месть.

Глава 21.

Столица, частный санаторий, 27 августа. Зварыгин.

Он едва не опоздал. Когда он вошел, Виктор что-то набирал на компьютере, а Вадим явно ждал от него извинений. Но сейчас было не до этого. Да и потом, если он осуществит задуманное, то ему уже ничего не поможет.

Он продолжал просчитывать в голове свои действия. Хорошо, что они находятся в этой комнате – первый этаж, крайнее окно, да и контрольно-пропускной пункт сразу за углом. К тому же он знал Вадима от и до – наверняка уже успел что-то намудрить со здешними жучками. Когда человека знаешь годами, он становится предсказуем. Приходя на новое место, в другой кабинет, Вадим начинал с того, что выяснял через систему нахождение оптических жучков, а потом вооружался отверткой и выковыривал их. После чего спокойно работал – как ни странно, до него ни разу не дошло, что жучок можно установить заново… Причем позаботится о том, чтобы данные с него не попадали в общую систему. Но чем бы дите не тешилось…

Едва Виктор с радостной улыбкой выключил компьютер, он понял – время пришло. И едва сам Виктор подтвердил, что с Химерой теперь все в порядке, начал действовать. Вырубить обоих не составило никакого труда – правда наручники у него были только одни – и честь их носить досталась Виктору. Вадиму пришлось довольствоваться тем, что попалось под руку – а именно разорванными простынями.

Открыв окно и убедившись, что все нормально, он вылез сам и вытащил Виктора. Парнишка оказался совсем не легким – но могло быть и хуже. Аккуратно устроив пленника у забора, он отправился в КПП – следовало соблюдать осторожность. Но, во-первых, сержант его вспомнил и поэтому пакости не ждал, а, во-вторых, солдатам было скучно. А когда он сказал, что интересуется, как Зорин задержал Марка – в его словах не усомнились. Двое отправились показывать ему то место, где произошла стычка, одновременно рассказывая подробности – особенно обоим почему-то нравилось, что журналист аккуратно извлек беглеца из машины, прислонил к ней же, а потом вырубил одним красивым ударом. Зварыгин выслушал с вежливым вниманием, и едва они завернули за угол, продемонстрировал не менее красивый прием, уложив сразу двоих. Затем перерезал недавно исправленный телефонный кабель, вернулся обратно, сообщив, что с дерева упала хорошая ветка и снесла связь. Оба солдата пытаются ее отодвинуть, но как бы не дорвали кабель

окончательно. Сержант схватился за трубку, убедился, что связи нет, и бросился наружу, где и лег отдыхать рядом со своими подчиненными. Остальные двое вообще не доставили никаких хлопот – и, успокоив их тоже, он открыл ворота и завел машину. Потом устроил Виктора на заднем сидении и врубил скорость.

Итак, игра на опережение началась. Он не знал, сколько у него остается времени. Скорее всего, когда он доберется до здания Компании, его там уже будут ждать. Придется прорываться.

Виктор пришел в себя и даже начал задавать вопросы. И почти сразу понял, к чему он клонит – Зварыгин видел его побледневшее лицо в зеркале главного вида. Бедняга действительно оказался разменной монетой. Фигурой, которой нужно пожертвовать ради победы. И то, что он сам являлся такой же фигурой, вряд ли могло доставить Виктору утешение.

Впереди показался город, и Зварыгин снизил скорость, а затем и остановил машину, доставая мобильный телефон. Отсюда до места назначения было ровно десять минут. И следовало сделать еще одну вещь. Он набрал номер электронной почты, которая раньше принадлежала Лавирину, слегка удивившись про себя, что такое так и не пришло в голову никому раньше, и набрал короткое сообщение: "Ровно через 10 минут я попытаюсь прорвать заслон вокруг здания и проникнуть внутрь. Думаю, ты захочешь поговорить. Если нет – я готов и к этому исходу. Зварыгин." Виктор попытался заглянуть ему через плечо, чтобы понять, что он делает. Скрывать больше не было смысла ничего – и потом, умирать намного легче, когда любопытство не мучает. Поэтому он повернул к нему экран телефона, дождался, когда глаза Виктора пробегут по строчкам, и нажал отправить, после чего небрежно бросил мобильный на соседнее сидение. Больше он ему не понадобится.

– Ты просто спятил… – Виктор смотрел с ненавистью. – Неужели ты думаешь…

Договорить он не успел. Лежащий на сидении телефон пиликнул, показывая, что пришло сообщение. Зварыгин поднял его и несколько секунд смотрел на экран, после чего повернул его к Виктору. В ответном сообщении стояло одно-единственное короткое слово "Жду"…

Столица, частный санаторий, 27 августа. Химера.

Я выдернула кляп изо рта Вадима, не обращая внимания на его перепуганный взгляд – мне было не до этого. Во мне поднялась волна паники – совершенно необъяснимая. Но когда я задавала вопрос, мой голос звучал ровно.

– Где Виктор?

В глазах связанного промелькнул ужас, и он принялся быстро отвечать, словно боясь, что я не поверю:

– Клянусь, не знаю! Это Зварыгин! Оглушил нас обоих и связал… Вытащил Виктора через окно… Я не знаю ничего больше!

Двери комнаты распахнулись и внутрь вошел человек, которого я сразу узнала – я видела его фотографию, а он почти не изменился.

– Екатерина Дымова. Химера. – В его голосе прозвучало утверждение, а не вопрос. И я ответила ему таким же тоном.

– Александр Белугин. – Помолчав всего несколько мгновений, добавила. – Где они?

Он не стал делать вид, что не понимает, о чем я. Скорее всего, именно эту информацию он хотел донести до меня как можно скорее.

– Пять минут назад Зварыгин пробил на машине ограждение вокруг здания. Сумел подъехать почти к самой Завесе. Его пытались остановить, но…

Я уже не слушала. Поток подхватил меня, а я неслась к цели, позабыв обо всем. Виктор в здании Компании. Внутри. Пять минут – за это время можно было десять раз умереть.

Почти не ощутив сопротивления, я перешла в багрово-фиолетовый мир, созданный Фениксом, и мгновенно ощутила его рядом. Ощутила и работающий мобильник – единственный работающий во всем здании. Я не ждала ни секунды – сейчас для меня ничто не имело значения – даже угроза моей собственной жизни. Я вышла в реальность именно тут – и одним взглядом охватила картину.

Мы находились в холле здания Компании, на первом этаже. Посередине стоял Зварыгин – и рядом с ним Виктор… Живой… А напротив них…

Напротив них стоял Лавирин. Феникс. В человеческом облике – именно такой, каким я его и помнила.

Разумеется, мы встречались и раньше, когда я была человеком. Хоть он и работал в другой лаборатории – но и у нас появлялся достаточно часто. Но я об этом просто не думала – для меня Феникс был чем-то настолько чуждым, что я успела забыть, что он имеет вполне реальное тело. Что у него черты человека, которого я знала.

Но сейчас важным было даже не это. А то, что Виктор был живой. А для меня больше не существовало путей к отступлению.

То, что все решиться именно здесь и сейчас – я поняла сразу. Я находилась на чужой территории, и стоило мне перейти в мир потоков, как я стану уязвимой мишенью. Слишком уязвимой –

пусть не надолго – но Фениксу этого времени хватит с лихвой, чтобы уничтожить или пленить мое сознание. Поэтому, даже не будь тут Виктора, бегство отпадало… Но зачем Зварыгин сделал это? Предал, подставил меня? Зачем пошел против всех?

Он повернул голову и встретился со мной глазами – и я прочитала в его взгляде спокойную обреченность. Этот взгляд словно уже не принадлежал живому человеку – тень, необъяснимая никакой логикой – этот человек сам себя считал мертвецом. Несмотря на напряженность момента, несмотря на Феникса, несмотря даже на Виктора я внезапно ощутила странное сродство с ним. И я поняла, что нас тоже связывает нечто необъяснимое – может, то, что мы оба, оставаясь живыми, все же стояли за гранью, которую живой человек не пересечет. Ходячие мертвецы. Что нам давало силы жить, что не отпускало из этого мира? Может быть, вера в то, что существует высшая цель? А может мы оставались в живых, чтобы именно сейчас, в эти несколько мгновений мы приняли самые сложные решения…Но я поняла одно – я никогда не смогу его забыть и никогда не смогу его ненавидеть. Потому что, как бы он не поступил – я в этом не сомневалась – он, действуя, думал не о себе. Не важно, ради Компании, Андрея или другой, ведомой только ему цели – но не для себя самого. И в этот же миг я поняла, что не хочу, чтоб он умирал.

Я шагнула к Фениксу. А вот его глаза были пусты. Даже странно – он выглядел совершенно нормально, он оставался человеком – но в глазах у него ничего не отражалось. Наверно, такие же глаза были у меня сейчас. Я больше не боялась – время страха миновало. Он смотрел на меня – и когда я сделала еще один шаг, произнес:

– Я ждал тебя.

Столица, главный офис компании «Аэда», 27 августа. Виктор.

Когда машина, за рулем которой сидел Зварыгин, на полной скорости понеслась на ограждение, Виктор закрыл глаза. Как ни странно, но он не мог смириться с мыслью о близкой смерти. Неужели правду говорят, что перед смертью не надышишься? Да, он хотел жить – и с безумной силой надеялся на чудо. Раньше он всегда полагался на логику и хладнокровный анализ, но сейчас понимал, что ему ничего не поможет. Зварыгин выскочил из машины, и, таща его за собой, пересек границу Завесы. Надеяться было не на что – интересно, Феникс убьет его быстро? Вроде смерть от разряда электрического тока не сильно мучительна… Тут до него дошло, о чем он думает и едва не рассмеялся истерическим смехом. " Нет уж, не дождетесь …" Сам не понимая,

к кому он мысленно обращается, Виктор сжал зубы, а голове мелькнула мысль – прав Зварыгин… Есть вещи похуже смерти. Если он и выживет каким-то чудом – сможет он хоть раз посмотреть себе самому в глаза, если сейчас сломается? Должна оставаться в глубине души хоть какая-то гордость…

– Я сам пойду, – голос прозвучал хрипло, но спокойно. Как ни странно, Зварыгин его, похоже, прекрасно понял – поскольку остановился и даже подождал несколько секунд, пока он смог переставлять ноги. А потом снял наручники. Виктор размял руки, поймал взгляд Зварыгина, сделал глубокий вздох и направился по ступенькам к главному входу. Он ничуть не сомневался, что при необходимости начальник службы безопасности втащит его внутрь – поэтому предпочел зайти сам.

Холл компании встретил их тишиной. Виктор остановился посреди пустого помещения и растерянно огляделся – он просто не представлял, куда идти дальше. Зварыгин тоже оглядывался – но с каким-то странным равнодушием. И тут раздались чужие шаги, прозвучавшие неожиданно громко в полной тишине – и из-за угла показался человек. Феникс.

Виктор не видел его раньше. Странно – но в его облике не было ничего пугающего. Замотанный кабинетный ученый, которого мало что волнует кроме его непосредственных обязанностей. Растрепанные волосы, очки, небрежно наброшенный белых халат – вид был того безобидный, что он никак не мог совместить в сознании этот образ с тем, что он знал о нем. Но едва Феникс заговорил, как его пробрала дрожь.

– Удивлен твоим приходом, Иван. И тем, что ты привел его. – Он небрежно кивнул на Виктора.

– Неужели действительно удивлен? – Зварыгин говорил совершенно спокойно, а в его голосе не слышалось ни капли страха. – Думал, эмоции тебе больше недоступны, Сергей. Даже такие простые, как удивление.

– Действительно недоступны. – Феникс стоял напротив их, но говорил словно в пустоту. – Я употребил это выражение в том смысле, что не вижу твоей цели.

– Думаю, все прояснится достаточно быстро.

– Да. Когда к нашей компании присоединится четвертый. Не думаю, что она заставит себя долго ждать. Не знаю, на что ты рассчитывал, но то, что все решится здесь, на моей территории, большой плюс. Я неоднократно пытался заставить ее сюда прийти – но она хочет быть независимой. Понимает, что тут я намного сильнее. А теперь ты вмешался – и склонил весы в мою сторону. Я думал, ты будешь играть против меня.

– Ты думал правильно. – Виктор невольно восхитился тем,

как держался Зварыгин – а ведь он понимал, что Феникс может убить его в любое мгновенье. – Я играю против тебя, Сергей.

– Тогда я не могу понять, что ты задумал.

Зварыгин молчал, и Феникс терпеливо ждал. И в это время из воздуха соткался знакомый силуэт. Бросив на них всего один взгляд, она шагнула к ним.

Едва она очутилась тут, внимание Феникса оказалось прикованным к ней. Они его больше не интересовали.

– Я ждал тебя.

– Да, я знаю… – голос Химеры был на удивление тихим. – Но ведь я не могла не прийти, верно?

– Зависимость от чего-то делает нас управляемыми – ты сама это видишь. Но я понимаю, что твоя игрушка много значит для тебя. Поэтому, когда мы заключим союз, я позволю тебе сохранить ее. А второго, я думаю, тебе будет приятно убить самой – поэтому я и сохранил им жизни. Ты ведь знаешь, чего я хочу. И у тебя было время подумать. Выбор за тобой.

Виктор почувствовал, как его захлестывает ярость и желание уничтожить Феникса своими собственными руками. А Тиль… Тиль внезапно закинула голову назад и расхохоталась. Она смеялась совершенно искренне, и ему пришло в голову, что он ни разу не только не видел – но и не представлял ее такой. Уверенной в себе. Беззаботной. Сильной. Словно сбросившей невероятно тяжелый груз. Она пошла к ним, а на губах у нее играла улыбка.

– Нет, не пойдет. Мы не договоримся, Феникс.

– Тогда они умрут первыми.

– А вот и нет. – Она продолжала улыбаться.

– Умрут. Сначала они, потом ты. Мы на моей территории.

– Да. – Она остановилась возле него и Зварыгина. – Но одного ты не учитываешь – ты-то один. А у меня есть за кого умирать.

* * *

Столица, главный офис компании «Аэда», 27 августа. Тиль.

Нет, я не боялась. Я стояла рядом с Виктором и Зварыгиным, и понимала, что свой выбор сделала. И больше не испытывала ни капли страха. Да, Феникс был силен… Но он жил только для себя.

То, что он сказал, только поставило все на свои места. Люди были для него игрушками – или моделями для его экспериментов. А для меня они были частью моей души. Те, кого я знала и любила и давали мне принадлежность к человечеству. В это краткие мгновения, я поняла многое, очень многое. И нашла для себя ответ на самый главный вопрос.

– Как ты думаешь, что является мерой человечности? – Да, теперь я знала ответ. – Способность к самопожертвованию. Пока

у нас остается цель, ради которой не жалко пожертвовать жизнью, мы остаемся людьми. Поэтому, несмотря на твой человеческий облик, ты не человек, Феникс… В отличие от меня.

Я улыбалась. Мне было очень легко – потому что я уже перешла свой Рубикон. В меня вливалась энергия – огромная, неисчерпаемая. Я тянула энергию мира потоков, тянула с такой силой и интенсивностью, что это не могло продолжаться долго. Тянула, разрушая свой разум, свою память, свое я… И продолжала тянуть, понимая, что умираю…

Несмотря на всю свою мощь, Феникс не мог сравниться со мной. Он был невероятно силен – но умирать не хотел. И поэтому проигрывал. Та энергия, которую он накопил в резервуаре, вливалась сейчас в него, в ту защиту, которую он возводил сейчас вокруг себя – но за моей спиной стояла мощь всего человечества.

Расстояний для меня не существовало – как не существовало и преград. Я чувствовала, как где-то далеко останавливались электростанции, не в силах дать затребованную мной энергию… По всему миру оставались без света города… Все электричество, вся существующая энергия принадлежала сейчас мне и только мне.

Моя третья смерть, выбранная мной добровольно и сознательно. Я знала, что живу сейчас последние мгновения своей жизни. И знала, что ничуть не жалею о своем выборе. Я видела лицо Феникса, уже понявшего, что происходит – но по-прежнему равнодушного. Где-то рядом были Вик и Зварыгин – но я их уже не ощущала. Весь мир сузился до одной точки – и, ощутив, что предел уже близок, я ударила, ударила всей накопленной энергией, чувствуя, как распрямляется тугая пружина, сметая защиту Феникса, как удар молотом сметает бумажный лист и понимая, что это конец для нас обоих…

* * *

Столица, главный офис компании «Аэда», 27 августа. Зварыгин.

Когда Химера встала напротив Феникса, закрывая их собой. Зварыгин замер. Он по-прежнему мог читать ее эмоции – и сейчас в каждом ее движении была решимость. Ее тело начало светится, все сильней и сильней, и он, почти не сознавая, что делает, упал на пол и откатился в сторону, выхватывая пистолет. Рефлексы сработали сами. От громкого взрыва вылетели стекла, и Иван поднял голову. Химера исчезла – как исчезло и сияние вокруг тела Лавирина. Он стоял, неуверенно пошатываясь, словно в прострации. Почти не целясь, Зварыгин выпустил в стоящего перед ним человека всю обойму, после чего подошел и склонился над телом. Лавирин был мертв – окончательно и бесповоротно –

и, значит, Феникса больше не существовало.

В холл вбежал потрясенный Виктор и несколько мгновений смотрел на лежащее перед ним тело. Потом огляделся по сторонам.

– Тиль? – голос Виктора неуверенно разорвал царившую тишину. – Тиль!

– Она мертва. – Зварыгин сунул пистолет обратно в кобуру, пытаясь отогнать нахлынувшие эмоции.

– Нет! Она… Ты…Я убью тебя!

– Это лучший вариант, Вик. – В голосе Зварыгина прозвучала горечь. – Лучший вариант. Больше не существует ни Феникса… Ни Химеры.

Действительно, лучший вариант. Он выиграл. И уже почти не важно, какой ценой. За все приходится платить, и он не исключение. Перед глазами на мгновение возникла Химера, прекрасно понимающая, что ее ждет, но становящаяся против Феникса. Есть вещи, которые важнее жизни.

* * *

Столица, главный офис компании «Аэда», 27 августа. Виктор.

Виктор ошеломленно смотрел на загородившую его Тиль. Она шагнула вперед, светясь все сильней и сильней невероятным, обжигающим глаза светом – слабое сияние защиты Феникса терялось на этом фоне. Огненный призрак шагнул вперед и ударил – с руки сорвалась белоснежная молния, прошившая насквозь стоявшего перед ней Лавирина… И разлетевшаяся радужными искрами… Раздавшийся взрыв выкинул его наружу прямо через стеклянные двери. Лежа на асфальте и с трудом переводя дыхание, Виктор смотрел вверх и не мог отвести глаз. Над ним, распадаясь на огромные хлопья и опадая исчезающими звездами невероятных оттенков, таяла Завеса. И на синем небе ярко сияло солнце. Он с трудом встал на ноги, и едва не упал. Что-то кричали от заграждения, но он не обратил на это никакого внимания. Сейчас важно было другое. Он вбежал в холл и первое, что выхватил взгляд, был склонившийся над телом Лавирина Зварыгин.

– Тиль? Тиль! – он звал, в глубине души понимая, что ему не ответят.

– Она мертва. – Да, он знал это. Понимал. Но боль была слишком сильна. Хотелось отгородиться любой ценой.

– Я убью тебя!

– Все к лучшему, Вик. Лучший вариант. Больше не существует ни Феникса… Ни Химеры.

Виктор продолжал стоять, чувствуя, что слезы текут по щекам. Где-то в глубине души он со всей обреченностью понимал

– Тиль больше нет. Даже на ненависть не осталось сил. Он никогда больше не получит от нее слов утешения и поддержки, никогда не увидит ее глаз…Химеры больше нет. Лучший вариант для многих…

* * *

Где-то в сети.

А в глубине иного мира продолжало жить изломанное, изуродованное невероятными энергиями сознание. Сознание жило… И не хотело умирать.